9(с)1
Р76

Россия накануне 20-го столетия

Материалы для будущей истории Сибири и ссылки Михайлова.

Записка министра двора и уделов графа Воронцова-Дашкова об уничтожении крестьянской общины.

СПб., 1907.

К20055р

3 книги в одном переплёте:

1. России накануне 20-го столетия. – СПб., 1907.
2. Материалы для будущей истории Сибири и ссылки Михайлова. СПб. 1907
3. Записка министра двора и уделов графа Воронцова-Дашкова об упорядочении крестьянской общины. – СПб., 1907.

9(с)1
Р76

РОССІЯ

НАКАНУНѢ ДВАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ.

СЪ ТРЕТЬЯГО ИЗДАНІЯ.

1120055 Р

ГУГО ШТЕЙНИЦА

ВЪ БЕРЛИНѢ.

ТЮМЕНСКАЯ
областная библиотека
Сектор редкой книги

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „Россія“. Бассейная, 3.
1907.

Девятнадцатый вѣкъ былъ поворотною точкой въ русской исторіи. Въ теченіи столѣтій государство слагалось и устраивалось подъ руководствомъ самодержавной власти русскихъ царей. Общество только слѣдовало за нею, подчиняясь ея велѣніямъ и мало проявляя самостоятельныхъ силъ. Самыя либеральныя стремленія исходили сверху, плохо укореняясь въ общественныхъ нравахъ. Поклонница просвѣтительной философіи XVIII-го вѣка, Екатерина Вторая, въ своемъ знаменитомъ наказѣ высказала гуманныя идеи, господствовавшія въ умахъ того времени; но какъ глубоко практическая женщина, она скоро увидѣла всю трудность примѣненія ихъ къ Россіи. Соприкосновеніе съ собранными въ Петербургѣ выборными отъ всѣхъ сословій убѣдило ее, что касаться крѣпостного права, на которомъ строился весь нашъ общественный бытъ, было бы опасно, и вмѣсто того, чтобы проводить въ этой области провозглашенныя ею либеральныя начала, она укрѣпила крестьянъ даже въ тѣхъ частяхъ русскаго государства, гдѣ они дотолѣ были свободны. Малороссія, взамѣнъ утраченныхъ ею привилегій, получила крѣпостное право, и это привязало высшее ея сословіе къ Россіи. Въ отвѣтъ на убѣжденія Дидро, Екатерина говорила, что хорошо ему писать проекты на бумагѣ, которая все терпитъ, а ей приходится оперировать надъ человѣческимъ тѣломъ, которое гораздо чувствительнѣе. Либеральныя начала, внесенныя ею въ мѣстное управленіе, повели единственно къ тому, что положеніе дворянства укрѣпилось, и оно почувствовало свою независимость.

Еще безплоднѣе въ практическомъ отношеніи оказались либеральныя стремленія ея внука. Воспитанникъ Лагарпа, онъ былъ насквозь проникнутъ идеями XVIII-го вѣка. Онъ мечталъ о томъ, чтобы сдѣлаться благодѣтелемъ своего народа дарованіемъ ему свободы и политическихъ правъ. Въ присоединенныхъ къ Русской Имперіи Финляндіи и Царствѣ Польскомъ онъ водворилъ конституціонныя учрежденія. Но примѣнять ихъ къ Россіи, на почвѣ крѣпостного права, было невозможно, а коснуться этого начала значило возбудить противъ себя все высшее сословіе, которое видѣло въ немъ оплотъ всего своего благосостоянія. Указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, предоставлявшій освобожденіе крестьянъ доброй волѣ помѣщиковъ, остался мертвою буквой. Противорѣчіе между благородными стремленіями юнаго монарха и состояніемъ подвластной ему страны было полное, и этимъ въ значительной степени объясняются тѣ колебанія,

которымъ подвергалась измученная его душа. Наконецъ, практика взяла свое: усталый самодержецъ, извѣрившись въ возвышенныя убѣжденія своей молодости, не находя ни единаго пособника, на котораго бы онъ могъ опираться, погрузился въ мистицизмъ и отдалъ себя въ руки постоянно преданнаго ему Аракчеева. Конецъ царствованія былъ полнымъ отрицаніемъ его начала.

Однако брошенныя имъ сѣмена не погибли. Въ русской молодежи того времени они нашли воспріимчивую почву. Пребываніе русскихъ войскъ за границею въ Наполеоновскія войны еще болѣе усилило это направленіе. Русскіе офицеры увидѣли воочію порядокъ вещей, въ которомъ свобода и право получали должное огражденіе, и съ горькимъ чувствомъ сравнивали съ этимъ то, что они находили у себя по возвращеніи изъ-за граничныхъ походовъ. Въ нихъ зародилось неудержимое стремленіе водворить тѣ же начала въ своемъ отечествѣ. Отсюда заговоръ декабристовъ. Александръ про него зналъ, но онъ глядѣлъ на это сквозь пальцы. „C'est moi qui ai mis ces idées en vogue, ce n'est pas à moi à sévir", отвѣтилъ онъ на представленія своихъ приближенныхъ.

На декабристовъ многіе смотрятъ, какъ на людей, увлекавшихся иностранными взглядами и мечтавшихъ объ установленіи въ Россіи порядка вещей, противнаго основнымъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ русскаго народа. Но забываютъ, что военные перевороты были не новостью въ русской исторіи. Еще недавно, въ XVIII вѣкѣ, военнымъ заговоромъ былъ низложенъ Иванъ Антоновичъ и возведена на престолъ Елисавета. Еще позднѣе, тѣмъ же путемъ, былъ низвергнутъ Петръ III и воцарилась Екатерина, и этотъ переворотъ далъ Россіи одно изъ самыхъ славныхъ царствованій въ ея исторіи. Ново было не то, что подданные возмущались противъ верховной власти и мѣняли правленіе, а то, что это совершалось не во имя иностранки, не имѣвшей ни малѣйшаго права на престолъ, а во имя свободы и права. Заговорщики хотѣли водворить въ своемъ отечествѣ порядокъ, достойный образованнаго народа, положить конецъ всюду царствовавшему произволу, утвердить въ странѣ законность и уваженіе къ человѣку. Благороднѣйшіе умы того времени примкнули къ этому движенію. Но именно эти возвышенныя идеи были еще не по плечу русскому обществу, которое все держалось на крѣпостномъ правѣ. Декабристы составляли въ немъ ничтожное меньшинство. Это былъ цвѣтъ русской молодежи, но цвѣтъ, оторванный отъ почвы, а потому обреченный на погибель. Возмущеніе было безъ труда подавлено; наступила суровая реакція.

Тѣ, которые жили во время Николая I-го, хорошо помнятъ тотъ тяжелый гнетъ, который въ ту пору лежалъ на русской землѣ. Реакція была и въ послѣдніе годы Екатерины, и во вторую половину царствованія Александра; но при Николаѣ, въ те-

ченіи тридцати лѣтъ, она была проведена съ желѣзною послѣдовательностью. Всякое свободное выраженіе мысли подавлялось безпощадно. Цензура достигла до невѣроятныхъ размѣровъ и обратилась даже въ посмѣшище. Несчастныхъ цензоровъ сажали на гауптвахту за пропускъ самыхъ невинныхъ статей, за непочтительныя выраженія о лицахъ того или другого вѣдомства. Неосторожное слово, запрещенная книга могли повлечь за собою ссылку въ отдаленныя губерніи. Записки Герцена и дневникъ крайне умѣреннаго Никитенки могутъ дать понятіе объ этомъ порядкѣ вещей, въ которомъ задыхались русскіе люди. Въ первый разъ русское правительство, дотолѣ стоявшее во главѣ просвѣщенія, выступало явнымъ его врагомъ. Послѣ 48-го года реакція достигла высшей степени. Революціонныя движенія въ Западной Европѣ вызвали самыя суровыя мѣры противъ ни въ чемъ неповинныхъ русскихъ университетовъ. Цензура, которая, казалось, дошла уже до крайнихъ предѣловъ, сдѣлалась еще строже. Писать что-либо для независимаго человѣка стало невозможнымъ. Даже чисто-историческія изслѣдованія, безъ всякой тѣни политическаго намека, подвергались запрету.

А между тѣмъ, этотъ всеохватывающій деспотизмъ не только не искоренилъ въ русскомъ обществѣ либеральныхъ стремленій, а, напротивъ, развилъ ихъ въ еще большей мѣрѣ. Верхніе слои, окружающіе престолъ, дѣйствительно погрузились въ полное невѣжество. Они стремились къ образованію, пока оно требовалось сверху; но какъ скоро оно сдѣлалось предметомъ подозрѣнія и просвѣщенный образъ мыслей сталъ поводомъ къ опалѣ, такъ ему начали оказывать глубокое презрѣніе. Прежняя образованная гвардейская молодежь уступила мѣсто пустоголовымъ любителямъ свѣтскихъ удовольствій и кутежей. Въ государственныя люди возводились круглые невѣжды. Все это однако ограничивалось поверхностью; въ среднихъ слояхъ русскаго общества стремленіе къ просвѣщенію не изсякло, но оно естественно принимало болѣе и болѣе враждебное правительству направленіе. Всякое проскользнувшее слово, всякій оппозиціонный намекъ схватывались на лету и переходили изъ устъ въ уста. Подъ видомъ литературной критики распространялись идеи, которыя, при нестерпимомъ давленіи сверху, принимали все болѣе радикальный оттѣнокъ. Въ сердцахъ, особенно болѣе пылкой молодежи, накоплялись сѣмена непримиримой ненависти къ существующему порядку вещей. Но зрѣлые люди, умѣвшіе думать и не увлеченные личными интересами, видѣли всю его несостоятельность.

Въ Крымскую кампанію это убѣжденіе сдѣлалось всеобщимъ. Пораженіе русскихъ войскъ въ самыхъ нѣдрахъ отечества открыло глаза наиболѣе ослѣпленнымъ. Для всѣхъ стало яснымъ, что всеподавляющій деспотизмъ, уничтожая живыя силы народа, подрываетъ собственные свои корни. Величественное снаружи зданіе представляло внутри мерзость запустѣнія. „Сверху блескъ,

снизу гниль", по выраженію записки Валуева, представленной въ то время В. Князю Константину Николаевичу и ходившей по рукамъ. Въ яркихъ чертахъ изобразилъ тогдашнее состояніе Россіи одушевленный патріотическими стремленіями Хомяковъ:

Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной
И всякой мерзости полна.

Пораженное въ самыхъ завѣтныхъ своихъ чувствахъ, въ сознаніи своей мощи, русское общество съ неудержимою силой стремилось выйти изъ того невыносимаго положенія, въ которое поставилъ его безпощадный и слѣпой деспотизмъ Николая I-го. „Свободы! свободы!" слышалось отовсюду. Жившіе въ то время помнятъ то сладкое чувство облегченія, которое охватило русское общество, когда, послѣ тридцатилѣтняго гнета, вдругъ, съ высоты престола, послышались кроткія и милостивыя слова. „Простить, отпустить, разрѣшить!" говорилъ одинъ изъ видныхъ русскихъ литераторовъ на одномъ изъ многочисленныхъ тогдашнихъ публичныхъ обѣдахъ; „сколько заключается въ этихъ немногихъ словахъ!" Полные надежды, всѣ взоры устремились къ новому монарху. Никто въ то время не мечталъ о конституціи, но всѣ ожидали реформъ. Въ „Голосахъ изъ Россіи", напечатанныхъ въ Лондонѣ, эти стремленія нашли себѣ выраженіе.

Живучесть народа познается особенно въ времена бѣдствій. Когда послѣ пораженія народъ воспрянетъ съ обновленною силой, примется за излѣченіе своихъ внутреннихъ язвъ и поднимется на новую высоту, то это служитъ залогомъ великой будущности. Такъ поднялась Пруссія послѣ Іенскаго погрома; такъ обновилась и Россія послѣ Крымской кампаніи. Это составляетъ одну изъ величайшихъ страницъ въ ея исторіи. Но, въ отличіе отъ Пруссіи, обновленіе Россіи не было дѣломъ великаго государственнаго человѣка, который смѣлою рукою взялся за кормило правленія и двинулъ народъ на новый путь. Въ Россіи всѣ совершенныя преобразованія созрѣли уже въ общественномъ сознаніи; программы ихъ были намѣчены въ ходившей по рукамъ рукописной литературѣ; по важнѣйшимъ вопросамъ выработаны были цѣлые проекты частными людьми. Не на вершинахъ правящей бюрократіи, а среди второстепенныхъ дѣятелей, стоявшихъ въ близкой связи съ литературными и общественными кругами, нашлись руководители этого движенія; на помощь призваны были самые выдающіеся люди изъ общества, которыхъ вліяніе имѣло рѣшающее значеніе. И на мѣстахъ нашлись ревностные исполнители великаго дѣла; если они составляли меньшинство, то все же это было меньшинство значительное и просвѣщенное. Оказалось, что русское общество стояло неизмѣримо выше Николаевскаго правительства. Не смотря на суровый гнетъ, который

надъ нимъ тяготѣлъ, оно сохранило въ себѣ и живую мысль и самоотверженныя силы. Его, какъ младенца, держали въ пеленкахъ въ то время какъ оно, созрѣвши, готово было зажить новою жизнью. Для счастья Россіи нашелся Государь, который, не подъ гнетомъ неотразимой нужды, какъ Фридрихъ Вильгельмъ III, а послѣ честнаго мира, по собственной иниціативѣ, принялся за великую задачу, собралъ вокругъ себя лучшихъ людей и исполнилъ все то, что было предначертано общественною мыслью.

Одно за другимъ совершались великія преобразованія, которыя дали новое устроеніе русской землѣ. Прежде всего, надобно было отмѣнить крѣпостное право. Это былъ вопросъ, давно назрѣвшій и требовавшій разрѣшенія. Крѣпостное право было установлено въ то время, когда всѣ сословія были прикрѣплены къ государственной службѣ. Для того, чтобы помѣщики могли нести свою повинность, надобно было дать имъ власть надъ крестьянами. На этомъ порядкѣ создалось и выросло русское государство. Но времена измѣнились; государство окрѣпло и не нуждалось уже въ обязательной службѣ. Помѣщики были отъ нея освобождены, а крестьяне все еще оставались крѣпостными. Это была вопіющая несправедливость, которой требовалось положить конецъ. Это сознавалъ не только либеральный Александръ I, но и суровый Николай. Однако, могучій государь, передъ которымъ все трепетало, не дерзалъ коснуться этой основы всего русскаго политическаго быта. Самыя легкія ограниченія помѣщичьей власти казались опасными для общественнаго спокойствія. Только въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ съ польскими помѣщиками нечего было церемониться, введены были инвентари. Мягкій его преемникъ, менѣе дорожившій властью, счелъ священнымъ долгомъ исполнить справедливое дѣло, и его рѣшеніе возымѣло полный успѣхъ. Въ то время какъ въ Соединенныхъ Штатахъ отмѣна невольничества сопровождалась страшными междуусобіями и была куплена потоками крови, въ Россіи она совершилась силою зрѣло обдуманнаго и разумно исполненнаго законодательнаго акта, которымъ примирялись обоюдные интересы сословій и полагалось прочное начало новому порядку вещей, основанному на гражданской свободѣ. Въ высшей степени трудное дѣло, разрѣшеніе вѣковой связи, обнимавшей всѣ стороны жизни, какъ властвующихъ, такъ и подвластныхъ, и налагавшей свою печать на всѣ общественныя отношенія, совершилось мирно и правильно, дружнымъ дѣйствіемъ правительства и лучшихъ общественныхъ силъ. Положеніе 19-го Февраля есть величайшій законодательный памятникъ русской исторіи. Оно дѣлаетъ честь тому народу, среди котораго оно создалось. И это не было простое подражаніе иностраннымъ образцамъ, усвоеніе того, что было выработано другими. Оно вытекло изъ самой русской жизни, почему и приложеніе его не встрѣтило препятствій. Страна, совершившая у себя такое преобразованіе, заслуживаетъ уваженія, какъ современниковъ, такъ и потомства. И

имя царя, который его исполнилъ, останется благословеннымъ во вѣки.

Но это было только начало. Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ преобразованій, которыми созидался новый общественный порядокъ на почвѣ гражданской свободы. Крѣпостная Россія не имѣла суда, явный признакъ полнаго безправія населенія. Вмѣсто правосудія, господствовало крючкотворство; взяточничество было повсемѣстною, изстари вкоренившеюся язвой русской общественной жизни. И вдругъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, явился судъ со всѣми гарантіями, выработанными законодательствами образованныхъ народовъ Европы, съ безсмѣнностью судей, съ публичностью, гласностью, съ судомъ присяжныхъ. И эти формы просвѣщеннаго быта немедленно наполнились живымъ содержаніемъ, знакъ, что общество до нихъ доросло, и что напрасно оно такъ долго было лишено ихъ благодѣяній. И зрѣлые люди и юношество высшихъ учебныхъ заведеній устремились на новое поприще, одушевленные однимъ желаніемъ правосудія и пользы отечества. Первые наши суды представляли въ высшей степени отрадное явленіе. Сердце русскаго человѣка могло ими гордиться. Съ другой стороны, въ административной области, общественной дѣятельности открытъ былъ широкій просторъ. Новыя земскія учрежденія поставлены были въ независимое положеніе и наполнялись лучшими мѣстными силами, цвѣтомъ провинціальнаго общества. Широкія двери открылись и для литературной дѣятельности. Предварительная цензура была отмѣнена; книги стали выходить безпрепятственно; въ журналахъ обсуждались всѣ общественные вопросы съ такою свободой, о которой нельзя было и помыслить въ прежнее время. Наконецъ, однимъ изъ величайшихъ дѣяній Александра II было преобразованіе войска. Прежняя двадцатипятилѣтняя служба, отрывавшая солдата отъ семьи и занятій, была замѣнена шестилѣтнею. Прекратились столь обычные вопли женъ и матерей при проводахъ рекрутовъ. Въ самомъ войскѣ водворился новый духъ; изъ машины солдатъ превратился въ человѣка. Суровыя наказанія были отмѣнены; стали требовать образованія, какъ отъ рядовыхъ, такъ и отъ офицеровъ. И все это, несмотря на сѣтованія рутинныхъ служакъ, совершилось безъ послабленія дисциплины. Турецкая война доказала, что преобразованное русское войско сохранило всѣ свои прежнія доблести.

Такимъ образомъ, Россія вся преобразилась и готова была зажить новою жизнью. Отъ прежняго, какъ будто не осталось и слѣда. Даже въ матеріальномъ отношеніи страна получила новый видъ. Она покрылась сѣтью желѣзныхъ дорогъ; промышленность получила небывалый подъемъ. Это былъ величайшій переломъ въ русской исторіи. Крѣпостное дотолѣ общество какимъ-то чудомъ становилось свободнымъ и разомъ пріобрѣтало всѣ условія образованнаго быта. Тѣ, которые пережили это время, не могутъ вспомнить о немъ безъ сердечнаго умиленія.

Эта свѣтлая картина имѣла, однако и свои темныя стороны. Тридцатилѣтній гнетъ, подавляющій всякую мысль, не проходитъ даромъ. Онъ оставилъ по себѣ слѣды, которые не замедлили обнаружиться. Общество, связанное по рукамъ и ногамъ, не смѣющее двинуться, естественно не могло пріобрѣсти ни жизненнаго опыта, ни вѣрнаго взгляда на вещи. Если просвѣщенное меньшинство пришло къ ясному сознанію положенія и выработало даже цѣлую программу преобразованій, то въ массѣ русскаго общества бродили только смутныя понятія, безъ всякой опредѣленной точки опоры. Стѣсненіе умственной дѣятельности влекло за собою крайнюю скудость теоретическаго образованія, а жизненная практика не въ состояніи была его замѣнить, ибо старыя, вытекшія изъ жизни понятія и привычки не могли пригодиться для новыхъ порядковъ. Преобразованный строй требовалъ новыхъ взглядовъ и новыхъ пріемовъ, которые нужно было выработать изъ слагающихся на практикѣ отношеній. Реформы Александра II такъ быстро измѣнили весь обликъ русской земли, что обществу трудно было найтись въ этомъ водоворотѣ. Многимъ можетъ показаться, что они совершились слишкомъ поспѣшно, что общество надобно было постепенно пріучать къ новому порядку вещей. Но дѣло въ томъ, что они были слишкомъ долго задержаны. Когда правительство, вмѣсто того чтобы вести народъ путемъ постепенныхъ улучшеній, останавливаетъ всякое движеніе и подавляетъ всякую свободу, оно неизбѣжно приводитъ къ необходимости крутаго перелома. Приходится разомъ наверстать потерянное время. Умы успѣли созрѣть уже настолько, что они не довольствуются полумѣрами. Преобразованія Александра II-го были наименьшимъ, что можно было дать русскому обществу, и, какъ уже замѣчено выше, оно быстрымъ ихъ усвоеніемъ показало, что оно было къ нимъ готово. Оно бы и справилось съ ними, не смотря на быстроту перемѣны, если бы къ этому не примѣшались явленія другаго рода.

Естественное послѣдствіе угнетенія мысли состоитъ въ томъ, что она вдается въ крайнія направленія. Одна крайность всегда вызываетъ другую. Чѣмъ болѣе мысль стѣснена, тѣмъ болѣе въ ней возбуждается ненависть ко всякому стѣсненію, и чѣмъ менѣе практическая жизнь даетъ простора для дѣятельности, тѣмъ болѣе люди способны увлекаться теоретическими построеніями. Въ царствованіе Николая I-го, особенно въ послѣдніе его годы, русскому человѣку нечего было болѣе дѣлать, какъ фантазировать, а такъ какъ образованіе было скудное и наука не полагала предѣла воображенію, то послѣднее предавалось разгулу. Уже въ то время соціалистическія идеи были въ полномъ ходу среди учащейся молодежи. Съ водвореніемъ большей свободы пропаганда приняла болѣе широкіе размѣры. Сочиненія соціалистическаго и матеріалистическаго содержанія ходили по рукамъ въ рукописяхъ и брошюрахъ. Центромъ этой пропаганды сдѣлалась петербургская журналистика, которая задала себѣ цѣлью

подорвать всякій авторитетъ и явно проповѣдывала соціалистическія и матеріалистическія идеи, выставляя ихъ идеаломъ будущаго, къ которому надобно стремиться всѣми средствами. Для руководившихъ ею писателей законный порядокъ, право, политическая свобода, были только пустыми словами или орудіями для достиженія иныхъ цѣлей. Мужикъ, закрѣпощенный въ общину, и фабричный рабочій, связанный по рукамъ и по ногамъ въ государственной артели, таковъ былъ единственный ихъ идеалъ, и къ этому они направляли недоучившееся юношество, жадно внимавшее ихъ словамъ.

Трудно было придумать направленіе болѣе вредное для тѣхъ задачъ, которыя предстояли Россіи. Въ то время, какъ русское общество должно было усвоить себѣ новыя для него гражданскія начала, требовавшія разумнаго пониманія дѣйствительности и бережнаго отношенія къ свободѣ и праву, ему внушали, что все это вздоръ, что весь существующій порядокъ обреченъ на погибель; нахватавшіеся разныхъ вершковъ журналисты старались перепутать у него всѣ понятія, подорвать въ немъ всякое довѣріе ко всему, что возвышается надъ уровнемъ толпы; они поддерживали безсмысленное броженіе, когда нужно было спокойствіе, возбуждали смуты и тѣмъ самымъ вызывали реакціонныя мѣры.

Казалось бы, что правительство могло найти въ здоровыхъ элементахъ опору противъ этихъ стремленій. Но тутъ было затрудненіе другого рода порожденное точно также системою предшествовавшаго царствованія. Оно заключалось въ томъ глубокомъ недовѣріи къ правительству, которое, подъ гнетомъ Николаевскаго деспотизма, укоренилось въ русскомъ обществѣ. Не только люди крайнихъ мнѣній, но и вся мыслящая часть общества привыкла смотрѣть на правительство, какъ на своего врага. Поэтому, когда оно, уступая потребностямъ времени, принялось за преобразованія, оно не нашло дружной поддержки. Ни защитники, ни противники нововведеній не вѣрили въ твердость и послѣдовательность правящей власти. Этому въ значительной степени способствовали тѣ колебанія, которымъ подвергались преобразовательныя стремленія, и тѣ интриги, которыя велись противоположными партіями вокругъ престола. Когда же преобразованія были установлены на твердой почвѣ закона, исполненіе ихъ было ввѣрено людямъ, не внушавшимъ ни малѣйшаго довѣрія обществу. Главные дѣятели по освобожденію крестьянъ были удалены, и во главѣ управленія были поставлены чистые бюрократы. Отчасти въ этомъ заключалась политическая мысль: царь хотѣлъ успокоить дворянство, у котораго отнимались права. Если выработка закона происходила путемъ борьбы, то исполненіе должно было совершаться путемъ примиренія. Но для того, чтобы дѣйствовать примирительно, нужно внушать довѣріе, а именно, этого-то и не было. Одинъ изъ великихъ недостатковъ самодержавной власти состоитъ въ томъ, что она склонна

смотрѣть на людей, какъ на простыя орудія: что прикажутъ, то и будетъ сдѣлано, а о томъ, что для разумнаго и плодотворнаго исполненія нужны мысль и воля, что существеннымъ элементомъ всякаго управленія является нравственный авторитетъ людей, стоящихъ во главѣ, нѣтъ и помину. Понятно, что при такихъ условіяхъ, правительство, совершавшее величайшія преобразованія, не находило въ обществѣ надлежащей поддержки. Враги нововведеній становились къ нему въ явную оппозицію и стремились къ ограниченію верховной власти, съ цѣлью взять исполненіе въ свои руки; защитники же преобразованій, удаленные отъ дѣлъ и не довѣряя твердости правительства, давали ему расправляться, какъ оно знаетъ. Отсюда то странное явленіе, что всякій человѣкъ, который дерзалъ сказать слово въ пользу власти, водворявшей въ Россіи начала свободы и права, подвергался порицанію и гоненію именно со стороны людей либеральнаго лагеря. На него указывали, какъ на казеннаго писателя, преданнаго правительству и ищущаго карьеры. И правительство, съ своей стороны, не только не поддерживало своихъ защитниковъ, а, напротивъ, готово было при первомъ случаѣ выдать ихъ головою.

При такомъ настроеніи, соціалистическая пропаганда естественно не встрѣчала противодѣйствія. Вниманіе правительства и общества было поглощено совершавшимся въ отечествѣ великимъ дѣломъ, и она воспользовалась этимъ для тайной организаціи. Въ то самое время, какъ съ высоты престола даровалась свобода двадцати милліонамъ русскихъ людей, какъ происходилъ величайшій переворотъ въ русской исторіи, издавались печатно подпольныя прокламаціи, приглашавшія къ истребленію не только всей царской семьи, но и всего дворянства и высшаго чиновничества. Университеты волновались, и правительство не знало, что съ ними дѣлать. Оно вздумало принять крутыя мѣры, но это только усилило волненіе. Въ Петербургѣ распространились поджоги, которые приписывались той же тайной организаціи; произошелъ страшный пожаръ Апраксина двора. Провинція спокойно совершала дѣло освобожденія; но въ столицахъ господствовало невообразимое и безсмысленное броженіе умовъ.

Къ внутреннимъ затрудненіямъ присоединились внѣшнія. Вспыхнуло польское возстаніе. Поляки не сумѣли воспользоваться благими стремленіями Александра II. Имъ были сдѣланы крупныя уступки. Намѣстникомъ Царства назначенъ былъ либеральный братъ государя, одушевленный въ отношеніи къ Польшѣ самыми доброжелательными намѣреніями. Главнымъ его пособникомъ былъ государственный мужъ изъ поляковъ, человѣкъ, одаренный умомъ и энергіей, способный вести свое отечество по пути правильнаго и постепеннаго развитія, стремившійся дать ему самую широкую автономію. Но полякамъ нужно было все или ничего. Они хотѣли силою вырвать то, что давалось имъ медленнымъ процессомъ гражданской жизни. Въ этомъ сказался

тотъ недостатокъ политическаго смысла, который издавна характеризовалъ этотъ даровитый и несчастный народъ. Въ средѣ аристократовъ, по обыкновенію, происходили раздоры: Замойскій противодѣйствовалъ Велепольскому. Подъ его вліяніемъ изданъ былъ манифестъ, которымъ объявлялось, что Польша можетъ удовлетвориться только границами 1772 года, то есть, заявлялось совершенно безсильное притязаніе на весь заселенный русскимъ племенемъ Западный край. Этимъ уничтожалась всякая возможность сближенія съ Россіей, а вмѣстѣ съ тѣмъ объявлялась война и Пруссіи и Австріи. И для поддержанія этихъ безмѣрныхъ требованій организовалось революціонное движеніе. Оно разразилось всеобщимъ возстаніемъ, которое, не будучи въ состояніи дѣйствовать явною силой, прибѣгало къ тайному террору. Жандармы приводили въ трепетъ самыхъ мирныхъ гражданъ и заставляли ихъ примыкать къ движенію. Но именно это привело къ результатамъ совершенно противоположнымъ тѣмъ, которые имѣли въ виду революціонные дѣятели; они сами погубили свое дѣло, возбудивъ противъ себя общее негодованіе. Въ русскомъ обществѣ воспрянуло всегда присущее ему патріотическое чувство. Главнымъ его выразителемъ явился Катковъ, который черезъ это пріобрѣлъ громадную популярность. Польское движеніе создало его силу и дало ему новое направленіе. Это было начало общественной реакціи. Съ своей стороны, правительство принимало энергическія мѣры. Въ Литву былъ посланъ Муравьевъ, который противопоставилъ правительственный терроръ революціонному и тѣмъ подавилъ мятежъ. Литва была спасена. Безъ особеннаго труда было подавлено и возстаніе въ Польшѣ, послѣ того какъ русское правительство твердо отвергло всякое вмѣшательство иностранныхъ державъ. Для окончательнаго умиротворенія Польши туда посланы были главные дѣятели по освобожденію крестьянъ, которые рядомъ мѣръ въ пользу сельскаго населенія старались привязать его къ Россіи.

Все это естественно вытекало изъ положенія вещей и оправдывалось обстоятельствами. Къ сожалѣнію, русское правительство на этомъ не остановилось. Оно сочло нужнымъ окончательно уничтожить самостоятельность Царства Польскаго, включивъ его въ составъ Русской Имперіи. Это была крупная политическая ошибка. Нельзя искусственнымъ, чисто-механическимъ образомъ привязывать къ тѣлу членъ, который не связанъ съ нимъ органически. Польша всегда была и есть больное мѣсто Россіи: но наружная болѣзнь менѣе опасна, нежели вогнанная внутрь. Уничтоженіе самостоятельности Царства Польскаго и всѣ стремленія къ обрусенію края не содѣйствуютъ сближенію его съ Россіей, а, напротивъ, возбуждаютъ въ населеніи только большую ненависть къ иноземному владычеству. Своимъ безумнымъ возстаніемъ поляки надолго отдали возможность правильнаго рѣшенія вопроса: но и мѣры, принятыя русскимъ правитель-

ствомъ, нисколько не приближаютъ насъ къ этой цѣли. На исходѣ XIX-го вѣка это остается грознымъ вопросомъ будущаго.

Съ польскою смутой русское правительство справилось. Не такъ легко было справиться съ внутреннимъ броженіемъ. Увлеченная соціалистическою пропагандой часть русской молодежи пошла въ народъ. Распространялись всякаго рода должные слухи; фабриковались фальшивые манифесты. Подпольные листки печатались въ тайныхъ типографіяхъ и разсылались всюду. Очевидно, все это имѣло въ виду произвести возстаніе дикой массы противъ правительства и высшихъ классовъ. Мѣры, которыя принимала испуганная власть, только усиливали зло. Слѣдствіе надъ злоумышленниками было поручено лицу, не знавшему никакихъ нравственныхъ сдержекъ. Виновные и невинные, по малѣйшему подозрѣнію, сажались въ тюрьму и содержались тамъ по цѣлымъ годамъ при ужасающихъ условіяхъ. Административная ссылка практиковалась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, безъ всякаго толку и часто даже безъ всякаго повода. Когда впослѣдствіи стали разбирать эти дѣла, оказалось, что въ значительной части случаевъ полиція не знала даже, за что люди были сосланы въ отдаленныя губерніи или въ Сибирь. Все это, разумѣется, могло произвести только большее озлобленіе. По всѣмъ угламъ Россіи ссыльными разносились революціонныя идеи; множество семействъ, пораженныхъ въ самыхъ святыхъ своихъ чувствахъ, становились во враждебное отношеніе къ правительству. Нигилисты, черезъ это, не только не ослаблялись, а напротивъ, получали еще большую силу. Они сложились въ крѣпкую организацію, имѣвшую своимъ центромъ Женеву и пускавшую свои развѣтвленія всюду. Эта сплоченная группа поставила себѣ задачею терроризировать русское правительство и преслѣдовала свою цѣль съ удивительною послѣдовательностью и умѣніемъ. Начался цѣлый рядъ убійствъ; среди бѣлаго дня, на улицахъ столицы, шефъ жандармовъ палъ жертвою убійцъ. Самъ царь преслѣдовался. Въ него неоднократно стрѣляли; дѣлались подкопы подъ желѣзныя дороги на его пути; произошелъ взрывъ Зимняго Дворца. И при этомъ виновные, въ большинствѣ случаевъ, ускользали изъ рукъ неумѣлой и ошалѣвшей полиціи. Казалось, вся энергія, къ которой способенъ русскій человѣкъ, сосредоточилась въ этомъ скопищѣ, для дѣла чистаго безумія. Подобно тому, какъ сумасшедшій проявляетъ иногда изумительную хитрость въ достиженіи своихъ безсмысленныхъ цѣлей, русскіе нигилисты какъ будто направили весь свой умъ и всю свою волю на то, чтобы сбить Россію съ правильнаго пути, водворить въ ней полный хаосъ и тѣмъ самымъ, въ концѣ концовъ, вызвать самую суровую реакцію. Одно время потерявшее голову правительство думало обратиться къ содѣйствію общества. Призванный къ власти Лорисъ-Меликовъ хотѣлъ успокоить умы либеральными уступками. Печать вздохнула свободнѣе; множество ссыльныхъ были возвращены. Изготовленъ былъ даже проектъ созыва выборныхъ лицъ для совѣ-

щанія по законодательнымъ вопросамъ. Но нигилисты не дали совершиться этому дѣлу. Убійство царя положило конецъ всякимъ либеральнымъ начинаніямъ.

Съ невыразимымъ чувствомъ скорби и стыда вспоминаетъ русскій человѣкъ объ этомъ страшномъ событіи. Государь, даровавшій свободу многимъ милліонамъ своихъ подданныхъ, впервые внесшей въ Россію невѣдомыя ей дотолѣ начала права и закона, совершившій въ короткое время величайшія преобразованія, о какихъ повѣствуетъ всемірная исторія, палъ, злодѣйски растерзанный убійцами, вышедшими изъ нѣдръ облагодѣтельствованнаго имъ народа. Въ этомъ выразились не только вся умственная тупость, но и все то нравственное безобразіе, которыми отличался русскій нигилизмъ. Это безобразіе клеймилъ еще Герценъ въ женевской эмиграціи, въ выраженіяхъ, не поддающихся печати; оно вполнѣ выразилось въ процессѣ Нечаева. Убійство царя раскрыло всю его глубину. Только при отсутствіи всякаго нравственнаго чувства можно выставлять нигилистовъ людьми, стремившимися къ идеалу. Однако, Россія не можетъ снять съ себя нравственной отвѣтственности за дѣло, совершенное собственными ея сынами. Мы всѣ до нѣкоторой степени солидарны съ тѣми явленіями, которыя происходятъ среди насъ. Злодѣяніе 1-го марта обнаружило всю ту бездну зла, которое накопилось въ русскомъ обществѣ. Если легкость, съ которою совершились и усвоились великія преобразованія Александра II, показывали въ немъ присутствіе здоровыхъ элементовъ, способныхъ идти по пути просвѣщенія и прогресса, то нигилистическое движеніе раскрыло тѣ гнилые соки, которые, вскормленные и сдавленные предшествующимъ гнетомъ, обратились во внутреннія нарывы, заразившіе весь организмъ. Россія должна была понести за это кару; она явилась въ видѣ реакціи. Безуміе принесло свои плоды: вмѣсто того, чтобы содѣйствовать расширенію свободы, оно сообщило движенію попятный ходъ.

Реакція, всегда и вездѣ, составляетъ неизбѣжное послѣдствіе появленія на сцену крайнихъ элементовъ; это — общій историческій законъ. Вопросъ заключается въ томъ: какова реакція и какъ она дѣйствуетъ? Возстановляетъ ли она только то, что нужно, опираясь на здоровыя и умѣлыя силы общества, или она, въ свою очередь, впадаетъ въ крайность и тѣмъ самымъ вызываетъ новыя колебанія?

Въ Россіи реакція началась еще при Александрѣ II. Она была естественнымъ результатомъ нигилистическаго движенія. Она обнаружилась, какъ въ правительствѣ, такъ и въ обществѣ. Въ правительственныхъ сферахъ во главѣ ея стоялъ тогдашній шефъ жандармовъ, ничего не понимавшій въ государственномъ управленіи, кромѣ полицейскихъ мѣръ, и подыскивавшій себѣ пособниковъ изъ легковѣсныхъ гвардейцевъ и бюрократовъ. Въ значительной части Россіи введено было положеніе усиленной

охраны; на мѣсто законнаго порядка водворился произволъ. Однако, главныя основы реформъ остались нетронуты. Царь, вынужденный вступить на несвойственный ему путь, свято оберегалъ совершенное имъ дѣло. Самъ шефъ жандармовъ вскорѣ былъ удаленъ: въ концѣ царствованія либеральное направленіе снова восторжествовало.

Иной характеръ приняла общественная реакція. Здѣсь ея вожатымъ явился журналистъ, одаренный значительнымъ умомъ, образованіемъ и талантомъ, но чуждый всякихъ нравственныхъ побужденій, имѣвшій въ виду только личныя цѣли—достиженіе власти и вліянія. Пріобрѣтши выдающееся положеніе вслѣдствіе той роли которая далась ему въ польскомъ вопросѣ, онъ увидѣлъ, что играя на патріотической стрункѣ, можно съ успѣхомъ дѣйствовать и на правительство и на общество. Но въ его рукахъ поднятое имъ патріотическое знамя окунулось въ грязь. Оно перестало быть символомъ святыхъ чувствъ и благородныхъ стремленій; оно сдѣлалось синонимомъ раболѣпства и притѣсненія. Это была злобная травля всѣхъ подвластныхъ народностей, которыя обвинялись въ стремленіи къ сепаратизму. Всякое проявленіе независимости предавалось анаѳемѣ; все должно было подчиняться всемогущей и подводящей всѣхъ къ однообразному уровню государственной власти. Такое направленіе могло увлечь за собой толпу пошляковъ, которые и видѣли въ Катковѣ своего божка; но въ просвѣщенной части общества, въ людяхъ, стоявшихъ во главѣ общественныхъ учрежденій, оно не могло найти отголоска. Видя, что онъ теряетъ здѣсь почву, Катковъ обратился противъ всѣхъ независимыхъ общественныхъ силъ. Земство, города, университеты, суды, сдѣлались предметомъ постоянныхъ и яростныхъ его нападокъ. Снизу раболѣпная покорность власти, а сверху бюрократія, послушная голосу журналиста, таковъ идеалъ, который проповѣдывалъ этотъ прежній либеральный писатель, недавно еще безусловный поклонникъ англійскихъ учрежденій. Но пока живъ былъ Александръ II, эти стремленія сдерживались желаніемъ угодить Царю-преобразователю, который дорожилъ своими созданіями. Какъ же скоро онъ палъ жертвою убійцъ, такъ прежній льстецъ, считавшій своимъ призваніемъ прославлять мудраго монарха, обрушился на него всею силою своего ядовитаго краснорѣчія, осыпая ругательствами всѣ совершенныя имъ великія дѣла. Возстановленіе власти, передъ которой все должно преклоняться—таковъ былъ кличъ, раздавшійся изъ-за журнальнаго стола, и правительство послѣдовало этому зову. Катковъ первое время былъ однимъ изъ главныхъ совѣтниковъ новаго правителя.

Утвержденіе власти, способной подавить обнаружившіяся въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ революціонныя стремленія, было, безспорно, потребностью времени послѣ событія 1-го марта. Продолжать просто прежнюю либеральную политику, какъ хотѣлъ дѣлать Лорисъ-Меликовъ, было немыслимо. Это

была, съ его стороны, крупная ошибка. Но недостаточно стремиться къ усиленію власти; надобно знать, въ чемъ заключается истинная ея сила. Она состоитъ не въ однихъ механическихъ орудіяхъ; ихъ было въ избыткѣ. Она дается и не ширитою предоставленныхъ исполнителямъ правъ; и въ этомъ отношеніи все было сдѣлано, и дальше нельзя было идти: большая половина Россіи находилась въ положеніи усиленной охраны, и администраціи даны были самыя обширныя полномочія. Дѣло въ томъ, что сила власти не исчерпывается матеріальными средствами; надобно, чтобы къ этому присоединялся духовный элементъ, — тотъ нравственный авторитетъ, который привлекаетъ къ правительству довѣріе и уваженіе народа. Но для пріобрѣтенія нравственнаго авторитета надобно опираться на здоровые и крѣпкіе элементы общества. Это въ особенности необходимо тамъ, гдѣ приходится лѣчить глубоко вкоренившуюся болѣзнь. Тутъ недостаточно однихъ внѣшнихъ средствъ; нужна реакція со стороны самого организма, а для этого надобно побудить его къ дѣятельности. Между тѣмъ, реакція, наступившая послѣ трагической смерти Царя-Освободителя, дѣйствовала какъ разъ наоборотъ. Она обратилась не только противъ гнилыхъ соковъ, но и противъ самыхъ здоровыхъ элементовъ общества. Всякая независимая сила, всякая общественная самодѣятельность считались опасными. Утвержденіе власти было ввѣрено исключительно старой, оказавшейся никуда не годной и потерявшей всякій авторитетъ бюрократіи.

Для исполненія этой задачи выведенъ былъ изъ тьмы графъ Толстой, злобный и лукавый, явный врагъ всякой независимости и всякихъ общественныхъ учрежденій. Будучи министромъ народнаго просвѣщенія въ реакціонную пору царствованія Александра II, онъ возбудилъ противъ себя всеобщую ненависть бездушнымъ управленіемъ ввѣреннаго ему вѣдомства. Подъ вліяніемъ Каткова, онъ провелъ классическую реформу гимназій, которая нашимъ малосвѣдующимъ государственнымъ людямъ выдавалась за самое вѣрное средство внушить юношеству консервативныя идеи, но которая введена было чисто бюрократическимъ способомъ, чѣмъ самымъ она обречена была на полное безплодіе. Вопль противъ министра былъ общій, и первымъ дѣломъ Лорисъ-Меликова, когда онъ былъ призванъ къ власти, было удаленіе графа Толстаго. Теперь же опальный сановникъ, къ изумленію всѣхъ, снова былъ поднятъ на высоту и поставленъ во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ подмогу ему, министромъ народнаго просвѣщенія былъ прежній его товарищъ, ничтожный Деляновъ, трепетавшій передъ всякою силой, послушное орудіе въ рукахъ Каткова и компаніи. Утвердившись на мѣстѣ, союзники принялись за работу.

Первый ударъ постигъ университеты. Это было завершеніе печальной повѣсти русскаго высшаго образованія. Было время, когда русскіе университеты стояли высоко, и по своему составу,

1120055

и по своему вліянію на общество. Въ сороковыхъ годахъ, подъ просвѣщеннымъ управленіемъ графа Уварова и попечительствомъ графа Строганова, Московскій университъ въ особенности былъ центромъ, откуда распространялся свѣтъ по русской землѣ. Чего нельзя было говорить въ печати, то высказывалось на каѳедрѣ. При отсутствіи всякой общественной жизни, умственные интересы въ то время поглощали вниманіе всѣхъ и находили здѣсь богатую пищу. Изъ университета выходили молодые люди, исполненные жажды знанія, съ идеальными стремленіями. 48-й годъ все это разомъ сокрушилъ. Испуганное революціонными движеніями Запада, правительство обрушилось на русскіе университеты, въ которыхъ оно видѣло разсадники ненавистнаго ему либерализма. Число студентовъ было ограничено; преподаваніе философіи было ввѣрено священникамъ. Введена была военная дисциплина; студенты обучались маршировкѣ. Попечителемъ Московскаго учебнаго округа былъ назначенъ совершенно невѣжественный генералъ; каѳедры наполнялись бездарностями. Такъ продолжалось вплоть до новаго царствованія. Затѣмъ, послѣ безсмысленнаго гнета, наступила полная распущенность. Заботы были иныя, и на университеты обращали мало вниманія. Неумѣлое начальство не знало, на какой ногѣ плясать. Студенты сами выгоняли бездарныхъ профессоровъ. Наконецъ правительство рѣшилось принять строгія мѣры. Министромъ Народнаго Просвѣщенія назначенъ былъ крутой и ограниченный графъ Путятинъ. Но это только усилило броженіе. Во всѣхъ университетахъ произошли безпорядки. Петербургскій университетъ подвергся разгрому; нѣкоторые изъ лучшихъ профессоровъ изъ него вышли. Но Московскій былъ спасенъ, благодаря единодушію университетской корпораціи, которая противилась безпорядкамъ, дѣйствовала на студентовъ, но въ тоже время представила правительству о необходимости отмѣны стѣснительныхъ мѣръ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и пересмотра устарѣвшаго въ нѣкоторыхъ частяхъ университетскаго устава. Уступая этимъ представленіямъ, правительство созвало комиссію изъ профессоровъ отъ всѣхъ русскихъ университетовъ, которая и выработала уставъ 1863 года. Онъ былъ разосланъ затѣмъ по всѣмъ университетамъ и введенъ въ дѣйствіе послѣ зрѣлаго и всесторонняго обсужденія. По существу, онъ не заключалъ въ себѣ ничего новаго. Корпоративное устройство университетовъ, съ выборными ректоромъ и деканами, признавались и Александровскими уставами 1804 года и Николаевскимъ уставомъ 1835 года. Оно составляло естественную принадлежность университета, какъ высшаго просвѣтительнаго учрежденія, условіе его жизни и его вліянія на стекающуюся въ него молодежь. Уставомъ 1863 года были только точнѣе опредѣлены отношенія властей; университеты ставились въ совершенно нормальное движеніе. Въ результатѣ, въ нихъ на цѣлый рядъ лѣтъ водворилось спокойствіе.

Но именно противъ этого устава ополчился теперь [illegible]

ковъ, который во время своего либерализма былъ горячимъ его приверженцемъ. Товарищъ его по редакціи Московскихъ Вѣдомостей, Леонтьевъ, самъ участвовалъ въ обсужденіи составленнаго комиссіей проекта. Причина поворота была чисто личная. Московскія Вѣдомости считались газетою, издаваемою Московскимъ университетомъ, и таковою она прежде дѣйствительно была. Первоначально редакторы получили ее въ видѣ аренды по постановленію Совѣта, хотя впослѣдствіи аренда была продолжена распоряженіемъ правительства. Пользуясь своимъ положеніемъ и пріобрѣтеннымъ ими вліяніемъ, редакторы хотѣли властвовать въ университетѣ безгранично, и сначала это имъ удалось. Непріятныя имъ лица, служившія помѣхою ихъ властолюбію, были вытѣснены съ помощью сдѣлавшагося тогда министромъ графа Толстаго. Но затѣмъ Совѣтъ, почувствовавъ всю тяжесть опеки, взбунтовался. Ректоромъ былъ избранъ въ высшей степени почтенный и умѣренный, но не угодный редакціи человѣкъ, знаменитый историкъ, С. М. Соловьевъ. Вслѣдъ затѣмъ Леонтьевъ, при выборахъ послѣ истекшаго двадцатипятилѣтія службы, былъ забаллотированъ. Тогда онъ пришелъ въ Совѣтъ и въ присутствіи всѣхъ, цинически объявилъ: „вы лизнули моей крови, но я вамъ отомщу“. Со стороны редакціи начался самый яростный походъ противъ университетовъ. Факты извращались безсовѣстнымъ образомъ; всякая мелочь возводилось въ крупное событіе. И министерство графа Толстаго все это поддерживало. За отвѣты на расточаемыя газетою клеветы профессора подвергались выговорамъ. Самъ почтенный С. М. Соловьевъ принужденъ былъ оставить и ректорство и каѳедру, что ускорило его кончину.

Цѣль редакціи состояла въ уничтоженіи всякой автономіи университетовъ. Потерявши въ нихъ почву, она хотѣла властвовать въ нихъ посредствомъ послушнаго ей министерства. Въ этомъ духѣ выработанъ былъ проектъ новаго устава. Однако, графъ Толстой не рѣшился его проводить. При жизни Александра II, который дорожилъ своимъ дѣломъ, успѣхъ былъ болѣе, чѣмъ сомнителенъ. За такое малодушіе, при паденіи графа Толстаго, Катковъ осыпалъ его бранью. Но теперь обстоятельства были благопріятны, и временные враги примирились во имя личныхъ интересовъ, а новый министръ Народнаго Просвѣщенія, Деляновъ, былъ для этого самымъ удобнымъ орудіемъ. Въ сущности, введеніе новыхъ порядковъ не представляло для него никакого интереса. Онъ былъ совершенно равнодушенъ и къ университетамъ и къ народному просвѣщенію; ему нужно было только держаться на мѣстѣ, а для этого надобно было угодить Каткову, котораго онъ боялся, какъ огня. Проектъ новаго университетскаго устава былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ.

Но здѣсь онъ встрѣтилъ сильную оппозицію. Противъ него возсталъ вліятельный оберъ-прокуроръ Св. Синода, К. П. Побѣдоносцевъ, который самъ нѣкогда былъ преподавателемъ въ

Московскомъ университетѣ и понималъ все безуміе предлагаемыхъ мѣръ. Это былъ полный разгромъ университетъ, и притомъ безъ малѣйшаго повода. Въ самыя суровыя времена Николая I, когда университетовъ подверглись безпощадному гоненію, правительство присвоило себѣ только назначеніе ректора; выборъ декановъ оставался за факультетами. Теперь же отмѣнялись всѣ выборныя права; корпоративное устройство университетовъ совершенно уничтожалось; порывалась всякая связь профессоровъ между собой и съ студентами. Самое производство экзаменовъ отнималось у университетской коллегіи; оно ввѣрялись особымъ правительственнымъ комиссіямъ, которыя должны были экзаменовать всѣхъ кончившихъ курсъ, притомъ неизвѣстно на какихъ основаніяхъ, ибо не было ни программъ, ни учебниковъ. Очевидно, это могло произвести только полный хаосъ, какъ и показало послѣдующее время. И къ довершенію безобразія, все это прикрывалось лицемѣрнымъ знаменемъ свободы преподаванія, о которой въ дѣйствительности не было и помину. Нелѣпость новаго устава была такъ ясна, что значительное большинство Государственнаго Совѣта высказалось противъ него.

Тогда произошла закулисная игра, весьма характерная для судебъ русскаго законодательства. Послѣ различныхъ настояній и переговоровъ, противники пришли къ соглашенію. Оберъ-прокуроръ Св. Синода расчелъ, что ему гораздо выгоднѣе быть въ союзѣ съ Толстымъ, Деляновымъ и Катковымъ, нежели становиться къ нимъ во враждебное отношеніе изъ за такого пустаго, по петербургскому воззрѣнію, вопроса, какъ судьба русскихъ университетовъ и русскаго юношества. Онъ выдалъ университеты ихъ врагамъ. Но при этомъ надобно было обойти Государя. И это было сдѣлано очень тонкимъ образомъ. Побѣдоносцеву, какъ юристу, было весьма хорошо извѣстно, что Государственный Совѣтъ есть первое учрежденіе Имперіи, что онъ созданъ именно затѣмъ, чтобы въ законодательныхъ вопросахъ изъять монарха изъ подъ вліянія мелкихъ категорій и личныхъ отношеній. Государь можетъ не согласиться съ большинствомъ, но если онъ не имѣетъ собственнаго мнѣнія, то онъ въ этомъ большинствѣ находитъ опору: утверждая его постановленія, онъ оказываетъ уваженіе высшему законодательному органу государства. На это могъ сослаться опытный юристъ, если онъ видѣлъ колебанія монарха. Вмѣсто того, что же сдѣлалъ Побѣдоносцевъ? Онъ посовѣтовалъ Государю, послѣ того какъ законъ былъ обсужденъ въ Государственномъ Совѣтѣ, составить маленькое совѣщаніе изъ довѣренныхъ лицъ и подвергнуть проектъ новому обсужденію. Совѣщаніе было подстроено такъ, что самые вліятельные противники новаго устава, Бунге, баронъ Николаи, въ это время были въ отпуску. Къ совѣщанію были призваны трое изъ защитниковъ проекта, Толстой, Деляновъ и всегда послушный имъ Островскій, а противникомъ его явилось только одно лицо, оберъ-

прокуроръ Св. Синода. Понятно, какъ онъ возражалъ, и немудрено, что послѣ совѣщанія Государь сказалъ ему: „вы видите, что всѣ противъ васъ: какъ же я могу съ ними не согласиться?“ Штука была сыграна, и новый уставъ утвержденъ во всей своей силѣ. Катковъ разразился торжествующею статьею.

И тутъ же министерство Народнаго Просвѣщенія постаралось доказать, что все это было только недостойною комедіей, что повода къ перемѣнамъ не было никакого. Отмѣнивъ всѣ выборныя права университетовъ, оно отъ перваго до послѣдняго назначило ректорами и деканами тѣхъ самыхъ лицъ, которыя передъ тѣмъ были выбраны факультетами и совѣтами. И, сколько извѣстно, одинъ только ректоръ Харьковскаго университета, Цѣхановецкій, отказался промѣнять выборную должность на правительственную, что, конечно, болѣе свидѣтельствуетъ и податливости профессоровъ, нежели объ ихъ оппозиціонномъ духѣ. Очевидно, правительство считало ихъ людьми достойными своего довѣрія. Чѣмъ же, спрашивается, вызванъ былъ весь этотъ разгромъ и на что онъ былъ нуженъ? Когда подумаешь, что вся судьба русскаго юношества и русскаго просвѣщенія была отдана на жертвы самымъ низменнымъ личнымъ цѣлямъ безсовѣстнаго журналиста, кипящей въ немъ жажду мести и власти, то все нравственное существо человѣка возмущается противъ порядка вещей, въ которомъ возможны подобныя явленія.

Этотъ нанесенный университетамъ ударъ не могъ не имѣть для нихъ самыхъ печальныхъ послѣдствій. Наименьшимъ еще зломъ былъ тотъ хаосъ, который водворился въ нихъ на первыхъ порахъ. Изъ всѣхъ отраслей государственнаго управленія народное просвѣщеніе есть то, которое требуетъ наибольшей послѣдовательности, осторожности и умѣнія. Тутъ нужны не одни административныя, но и педагогическія способности. Надобно пріучить юношей къ умственной дисциплинѣ, пріобрѣсти надъ ними нравственный авторитетъ, внушить имъ уваженіе къ ихъ руководителямъ. Въ этой области всего вреднѣе колебанія въ ту и другую сторону, смѣны строгости и распущенности; менѣе всего допустимы радикальные перевороты. А тутъ внезапно перевертывался весь строй университетской жизни. Все старое уничтожалось, а новое не было создано, да и не могло быть создано, ибо оно противорѣчило существующимъ условіямъ. Первые годы послѣ введенія новаго устава никто не зналъ, что дѣлать и чего требовать. Одно за другимъ выпускались поколѣнія съ полнымъ хаосомъ въ умахъ. Мало по малу пришлось возвратиться къ прежнимъ порядкамъ, возстановить ежегодныя испытанія по лекціямъ профессоровъ. Отъ новаго устава остался безсмысленный гонораръ, который, при отсутствіи свободы преподаванія к полномъ недостаткѣ умственныхъ силъ, велъ только къ безмѣрному стяжанію однихъ при нищенскомъ вознагражденіи другихъ. Студентамъ предоставлялось справляться съ этимъ, какъ они знаютъ.

Но если въ учебномъ строѣ можно еще было ввести нѣкоторый порядокъ, устранивъ главныя основанія новаго устава, то ничто не могло исцѣлить того нравственнаго разстройства и униженія, которыя были имъ произведены. Корпоративныя связи были разрушены, нравственный авторитетъ подорванъ. Профессора превратились въ чиновниковъ, обязанныхъ читать лекціи. Что должны были думать студенты о преподавателяхъ, которымъ правительство оказывало полное недовѣріе, отнявъ у нихъ права, принадлежавшія имъ исконно, съ тѣхъ, поръ какъ существовали университеты? Или это недовѣріе было заслужено, и тогда преподаватели оказывались недостойными своего призванія; или-же ихъ постигла незаслуженная кара, и тогда подрывалось всякое довѣріе къ правительству, которое являлось произвольнымъ и притѣснительнымъ врагомъ свободы и просвѣщенія. Въ дѣйствительности, оба эти взгляда были усвоены учащеюся молодежью: она потеряла всякое довѣріе, какъ къ близкой, такъ и къ отдаленной власти. Но такъ какъ юношамъ нужна опора, то они искали ее въ тайной связи между собою. Съ разрушеніемъ корпоративной связи университетовъ создалась тайная организація студенчества. Противодѣйствовать этому университеты не могли; они, лишены были всякихъ правъ и всякаго авторитета. Это сдѣлалось задачею полиціи. Покинутые университетомъ, студенты были отданы ей на жертву. Ихъ хватали и ссылали массами, даже безъ вѣдома университетскаго начальства. Когда профессора хотѣли за нихъ заступиться, имъ дѣлали выговоры за то, что они вмѣшивались не въ свое дѣло. Но, конечно, такой способъ дѣйствія могъ возбудить только общее негодованіе молодежи. Организація студенчества не только не была сломлена, но она распространилась на всю Россію. Въ слѣдующее царствованіе она обнаружилась въ волненіяхъ, охватившихъ всѣ университеты.

Такимъ образомъ, реакціонныя мѣры противъ высшаго просвѣщенія привели только къ полному его разстройству, къ паденію всякаго нравственнаго авторитета и, въ концѣ концовъ, къ новымъ смутамъ.

Затѣмъ дошла очередь до выборныхъ мѣстныхъ учрежденій — земства и мирового суда. И тутъ не было ни малѣйшей нужды въ какихъ либо радикальныхъ перемѣнахъ. Земство держало себя смирно, въ предѣлахъ своихъ полномочій; оно строило школы и больницы; ничего большаго оно не домогалось. Мировые суды, несмотря на скудость нашихъ мѣстныхъ силъ, успѣли пріобрѣсти довѣріе населенія; лучшіе мѣстные люди отдались имъ съ полнымъ самоотверженіемъ. Тѣ недостатки, которые оказывались въ крестьянскомъ управленіи вслѣдствіе плохаго устройства уѣздныхъ присутствій, созданныхъ уже въ реакціонное время, легко было исправить, не затрогивая самаго существа учрежденій. Но въ русскихъ правительственныхъ сферахъ господствуетъ стремленіе все передѣлывать и ломать до основанія. Великія преобразованія, совершенныя Александромъ II, внушили

мысль, что тоже самое можно дѣлать каждыя двадцать лѣтъ, между тѣмъ, какъ всякія новыя учрежденія тогда только дѣйствуютъ успѣшно, когда они измѣняются осторожно и постепенно. Еще при Лорисъ-Меликовѣ образована была коммиссія, которой поручено было выработать планъ коренного преобразованія мѣстнаго управленія, съ расширеніемъ вѣдомства земства и введеніемъ всесословной волости. При графѣ Толстомъ ея работамъ естественно дано было совершенно противоположное направленіе: теперь все стало клониться къ тому, чтобы ограничить права земства, поставить его подъ опеку и выборное начало въ значительной степени замѣнить бюрократическимъ.

Плоды дѣятельности графа Толстого не замедлили обнаружиться. Въ одно прекрасное утро Россія, къ удивленію своему, узнала, что мировые суды, неизвѣстно почему, уничтожаются и замѣняются земскими начальниками. Это былъ одинъ изъ самыхъ необъяснимыхъ законодательныхъ актовъ, какіе встрѣчаются въ исторіи. Россія, какъ сказано, со времени своего существованія не имѣла настоящаго суда. Впервые онъ былъ созданъ преобразованіями Александра II. Но правительство, при наличныхъ средствахъ, съ трудомъ могло устроить общіе суды, а нуженъ былъ, кромѣ того, судъ болѣе близкій къ народу, удовлетворяющій мѣстнымъ потребностямъ. Къ счастью, нашлись на мѣстахъ люди, которые взяли на себя эти обязанности и исполняли ихъ добросовѣстно, по мѣрѣ силъ. Несмотря на неизбѣжные недостатки, вообще мировыми судами были довольны; никто не жаловался. И вдругъ это учрежденіе, которое заслуживало самаго сочувственнаго вниманія и самаго заботливаго обхожденія, безъ всякаго повода выбрасывается за окно и замѣняется полицейскимъ произволомъ. Всѣ обомлѣли, но всѣ покорились; русскіе люди къ этому привыкли. Многіе даже льстиво благодарили.

Съ мировыми судьями уничтожены были и выборные отъ земства непремѣнные члены уѣздныхъ присутствій, наблюдавшіе за крестьянскимъ управленіемъ. Земскіе начальники, назначаемые правительствомъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, а за недостаткомъ ихъ изъ другихъ лицъ, и облеченные самыми широкими правами, должны были замѣнить собою все. Это были маленькіе царьки изъ отставныхъ поручиковъ, которымъ всецѣло подчинялось крестьянское населеніе.

Съ временъ Екатерины русское дворянство пользовалось обширными правами въ области суда и мѣстной администраціи. Преобразованіями Александра II, которыя измѣнили весь существующій строй, эти права были у него отняты. Въ замѣнъ того, оно получило преобладающее положеніе въ земскихъ учрежденіяхъ, гдѣ оно, стоя во главѣ всѣхъ сословій, могло самостоятельно вѣдать хозяйственныя дѣла губерніи и участвовать, посредствомъ выбора мировыхъ судей и непремѣнныхъ членовъ, въ мѣстномъ судѣ и управленіи. Уничтоженіе послѣднихъ очевидно

было умаленіемъ правъ, слѣдовательно знакомъ недовѣрія. А между тѣмъ, ему говорили, что это милость, на томъ основаніи, что земскихъ начальниковъ правительство предполагало брать преимущественно изъ его среды. Когда при Николаѣ I вводились становые пристава, велѣно было также набирать ихъ преимущественно изъ мѣстныхъ дворянъ, по совѣщаніи съ предводителями; однако никто не думалъ выдавать это за милость, оказанную дворянству. Самъ графъ Толстой смотрѣлъ на это совершенно иначе: въ своихъ объясненіяхъ къ проекту онъ прямо говорилъ, что дворянство призывается тутъ единственно какъ поставщикъ чиновниковъ, чѣмъ оно искони было, а отнюдь не какъ корпорація, отвѣтственная за своихъ членовъ.

Въ дворянскомъ духѣ были преобразованы и земскія учрежденія. По уставу Александра II, въ избирательномъ съѣздѣ личныхъ землевладѣльцевъ соединялись люди, принадлежавшіе къ разнымъ сословіямъ, и это было вполнѣ цѣлесообразно, ибо именно тутъ интересы были общіе. На практикѣ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, дворянство имѣло въ собраніяхъ значительный перевѣсъ; но такъ какъ оно не выдѣлялось никакими особенными привилегіями, то это не возбуждало неудовольствія, а содѣйствовало сближенію сословій. Дворянство, въ силу фактическаго превосходства, естественно становилось въ ихъ главѣ. Теперь эта вполнѣ цѣлесообразная организація была разрушена, и притомъ опять безъ малѣйшаго практическаго повода. Всѣ личные землевладѣльцы, принадлежавшіе къ другимъ сословіямъ, были отдѣлены отъ дворянъ и образовали особые избирательные съѣзды, съ весьма ограниченнымъ числомъ представителей. Гдѣ требовалось сближеніе во имя общихъ интересовъ, поселялась рознь. Дворянство черезъ это ровно ничего не выиграло, но противъ него возбудилось неудовольствіе другихъ сословій, которыя чувствовали себя обиженными.

Еще худшая участь постигла крестьянское представительство. Не только оно было значительно сокращено, но губернатору предоставлено было право изъ числа выбранныхъ волостями кандидатовъ назначать гласныхъ по своему усмотрѣнію. Въ самомъ собраніи эти мнимые представители крестьянскаго сословія лишены были всякой независимости, ибо вмѣстѣ съ ними засѣдали земскіе начальники, которые могли каждаго изъ нихъ оштрафовать и посадить подъ арестъ по своему произволу, безъ всякой отвѣтственности. Послѣдніе становились такимъ образомъ распорядителями крестьянскихъ голосовъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и значительной части рѣшеній собранія. Можно сказать, что это было полное искаженіе земскихъ учрежденій, которое завершилось еще тѣмъ, что эти преобразованныя въ мнимо дворянскомъ духѣ учрежденія были поставлены подъ ближайшую опеку бюрократической власти. Если, несмотря на все это, они сохранили еще нѣкоторую силу и значеніе, то они обязаны этимъ тому

благородному духу, который успѣлъ вкорениться въ нихъ въ прежнее время, и тому вліянію, которое сохранила въ нихъ лучшая часть мѣстнаго дворянства.

Люди, стоявшіе во главѣ реакціи, понимали однако, что такого рода мнимыми привилегіями, прикрывающими умаленіе правъ и усиленіе бюрократической опеки, трудно было привлечь къ себѣ дворянство. Рѣшились задобрить его денежными выгодами. Съ этою цѣлью учрежденъ былъ Дворянскій Банкъ, который выдавалъ ссуды по крайне низкимъ процентамъ, при чемъ относительно самой уплаты процентовъ дѣлались всевозможныя льготы. Разоряющіеся дворяне просіяли. Со всѣхъ сторонъ посыпались благодарственные адресы за эти расточаемыя сверху благодѣянія. Возбужденные ими аппетиты разыгрались; одинъ безумнѣе другаго возникали проекты для возстановленія павшаго и униженнаго дворянскаго сословія. Казалось, открывались новая дворянская эра, сулившая безконечныя блага. Лучшіе представители дворянства съ грустью смотрѣли на эту смѣсь раболѣпства и корысти, которая обнаруживала нравственное разложеніе сословія. Но они безсильны были остановить зло, которое, при поддержкѣ правительства, распространялось все шире и шире.

Однако и матеріальные результаты оказались призрачные. Если правительство одною рукою бросало дворянству грошевыя подачки, то другою рукой оно воздвигало систему, которая вела его къ конечному разоренію. Министерство финансовъ задумало утвердить благосостояніе Россіи на развитіи крупной промышленности. Съ этою цѣлью введена была покровительственная система въ самыхъ преувеличенныхъ размѣрахъ. Но именно земледѣлія она не касалась. Въ другихъ государствахъ европейскаго материка возродившееся покровительство вызывается прежде всего тяжелымъ положеніемъ земледѣлія, которое, при удешевленіи средствъ перевозки, страдаетъ отъ соперничества непочатыхъ еще странъ. Но къ условіямъ русскаго земледѣлія это не приложимо, ибо у насъ земледѣльческіе продукты составляютъ предметъ не ввоза, а вывоза. Покровительство оказывается не тому, что земледѣлецъ продаетъ, а тому, что онъ покупаетъ. Все, ему нужное, онъ долженъ оплачивать вдвое и втрое. Съ него взимаются не только таможенныя пошлины, идущія въ пользу государства, но и доходы заводчиковъ и фабрикантовъ. Величина этихъ доходовъ можетъ измѣриться тѣмъ, что, напримѣръ, на сахарныхъ заводахъ, съ помощью искусственнаго покровительства, составились состоянія, которыя считаются десятками милліоновъ. Разоряющаяся отрасль, находящаяся въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, облагалась непомѣрно въ пользу отраслей процвѣтающихъ. Министерство финансовъ не хотѣло знать, что Россія, по своимъ природнымъ условіямъ, есть преимущественно земледѣльческая страна, и что поэтому именно эта отрасль требуетъ особеннаго вниманія и бережнаго къ ней отношенія. Зем-

ледѣліе не находится въ его вѣдѣніи, между тѣмъ какъ для заводской и фабричной промышленности имѣются въ немъ особые департаменты. А потому имъ оказываются всевозможныя льготы; имъ дается право, съ помощью покровительственныхъ пошлинъ, обирать разоренныхъ сельчанъ. Для ихъ выгодъ затѣяна была съ Германіей таможенная война, которая нанесла самый тяжелый ударъ русскому земледѣлію. А съ другой стороны, между тѣмъ какъ помѣщиковъ и крестьянъ заставляли втридорога покупать все, что имъ нужно, ихъ собственныя произведенія искусственнымъ образомъ удешевлялись проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ въ непочатыя степи Востока и дифференціальными тарифами, которые, уничтожая невыгоду разстояній, не допускали поднятія цѣнъ при благопріятныхъ условіяхъ. На средства казны, то есть, въ значительной степени на подати, платимыя тѣми же, кругомъ обираемыми, земледѣльцами, пролагались дороги за Уралъ и въ Сибирь, которыя служили къ ихъ же разоренію. Съ одной стороны, они принуждены были все покупать дороже, съ другой стороны имъ приходилось все продавать дешевле. Немудрено, что при такихъ условіяхъ обѣднѣніе шло возрастая. Грошевые подарки правительства были только каплей въ морѣ для русскаго землевладѣнія, которое чувствовало себя въ безвыходномъ положеніи. Поэтому, не смотря на возвѣщеніе новой эры, жалобы продолжались съ прежнею силой, и проекты для возстановленія дворянства становились все безобразнѣе и нелѣпѣе.

Но еще хуже было положеніе крестьянства. Къ неблагопріятнымъ экономическимъ условіямъ присоединялось полное неустройство внутренняго быта. Положеніе 19-го Февраля, установивъ основныя правила, опредѣлявшія переходъ отъ крѣпостного состоянія въ свободное, предоставило внутреннее устройство крестьянскаго быта дальнѣйшему развитію законодательства и жизни. Но наступившая затѣмъ реакція, которой вся государственная мудрость ограничивалась принятіемъ полицейскихъ мѣръ, оставила эти вопросы нетронутыми. А такъ какъ жизнь настойчиво требовала ихъ разрѣшенія, то здѣсь водворилась полная безурядица. Крестьяне не знаютъ, каковы ихъ права и что имъ принадлежитъ. Столкновенія происходятъ на каждомъ шагу и разрѣшаются совершенно случайно. Общинное владѣніе, сохраненное въ великороссійскихъ губерніяхъ, составляетъ преграду всякому гражданскому и экономическому развитію. Признаніемъ права выкупа за каждымъ отдѣльнымъ членомъ общины Положеніе 19 Февраля давало изъ него постепенный и правильный выходъ; но именно этотъ выходъ былъ запертъ реакціоннымъ правительствомъ, которое воспретило выкупъ безъ согласія міра и объявило надѣльную землю неотчуждаемою. Вмѣсто свободнаго распоряженія своимъ лицомъ и имуществомъ, которое имѣлось въ виду Положеніемъ 19 Февраля, крестьяне, какъ отдѣльное сословіе, были вновь закрѣпощены въ свой особый маленькій мірокъ, съ полной неопредѣленностью правъ. Всѣ

понятія о собственности у нихъ перепутались. Тѣ, которые въ теченіи тридцати лѣтъ выкупали свой надѣлъ, при передѣлѣ по наличнымъ душамъ лишались своей земли въ пользу другихъ. Водворенію соціалистическихъ началъ данъ былъ полный просторъ. Правительство возвращалось къ воззрѣніямъ крѣпостного права, послѣ того какъ крестьяне объявлены были свободными. Въ чемъ состоятъ условія свободы и что она за собою влечетъ, объ этомъ въ правительственныхъ сферахъ имѣли столь же мало понятія, какъ и о томъ, что прочность права собственности составляетъ краеугольный камень всякаго благоустроеннаго гражданскаго быта. При такихъ порядкахъ, конечно, объ увеличеніи благосостоянія не могло быть рѣчи. Народонаселеніе росло, земля истощалась, а накопленіе капитала, которое, при правильномъ экономическомъ развитіи, должно съ избыткомъ восполнять проистекающій отсюда недостатокъ, не только не шло въ уровень съ потребностями, а можно сказать, почти совершенно отсутствовало. Результатомъ этого процесса было обѣднѣніе крестьянства, которое выразилось, наконецъ, въ самыхъ рѣзкихъ формахъ въ слѣдовавшіе другъ за другомъ, на недалекомъ разстояніи, голодные года. Между тѣмъ какъ тридцать лѣтъ тому назадъ продовольственные капиталы земства лежали нетронуты, и нѣкоторыя собранія даже ходатайствовали о томъ, чтобы дать имъ болѣе производительное употребленіе, въ настоящее время всѣ эти капиталы исчезли, и правительство принуждено тратить сотни милліоновъ на прокормленіе голодающаго населенія. И къ этимъ сотнямъ присоединяются еще многіе милліоны, пожертвованные частными людьми, и все таки это оказывается недостаточнымъ для устраненія самыхъ вопіющихъ явленій голоднаго тифа и повальной цынги, охватывающихъ обширныя губерніи и уносящихъ цѣлые слои обнищавшаго населенія. И это происходитъ при громадномъ развитіи путей сообщенія, когда, казалось бы, помощь могла бы легко получаться отовсюду. Если, при всякомъ недородѣ, правительство принуждено кормить населеніе, то послѣднее, очевидно, находится на краю нищеты. Это фактъ явный, котораго не могутъ устранить никакіе статистическіе софизмы.

Россія на порогѣ двадцатаго столѣтія представляетъ въ матеріальномъ отношеніи странное явленіе. Финансы ея находятся въ болѣе блестящемъ положеніи, нежели когда либо. Кассы ея наполнены золотомъ; доходы постоянно представляютъ значительный избытокъ надъ расходами. Послѣ многихъ лѣтъ бумажнаго хозяйства, удалось, наконецъ, съ помощью фиксированія курса, ввести въ страну металлическое денежное обращеніе. Правительство сосредоточило въ своихъ рукахъ громадную сѣть желѣзныхъ дорогъ; всѣ потребности государства оно покрываетъ, не скупясь. Но, съ другой стороны, долги въ короткій срокъ, во времена полнаго мира, возросли болѣе, чѣмъ на милліардъ рублей; на будущія поколѣнія наложены страшныя тягости; землевла-

дѣльцы обременены непосильными долгами, а коренное населеніе голодаетъ. Очевидно, денежныя средства правительства пріобрѣтены въ ущербъ производительнымъ силамъ народа. Это невольно напоминаетъ изреченіе знаменитаго французскаго публициста: „когда дикіе народы хотятъ собрать плоды съ дерева, они губятъ дерево и срываютъ плодъ; таково изображеніе деспотизма“. Правительство, которое можетъ налагать на народъ всякія тягости, не спрашиваясь никого, всегда рискуетъ подорвать его платежныя силы и тѣмъ самымъ поразить основы народнаго благосостоянія.

Но каково бы ни было матеріальное положеніе русскаго народа, онъ въ концѣ концовъ, изъ него выйдетъ, когда съ него будутъ сняты опутывающія его узы, ибо это народъ смышленный и трудолюбивый. Несравненно хуже то нравственное зло, которое, подъ вліяніемъ близорукой реакціи, разъѣдало несчастную русскую землю, проникая во всѣ сферы, отправляя лучшія ея силы и искажая великія, совершенныя въ ней преобразованія.

Изъ всѣхъ созданій эпохи реформъ одни общіе суды формально остались нетронутыми; но въ нихъ вселялся новый духъ, совершенно противоположный тому безкорыстному и благородному стремленію къ правдѣ, которое одушевляло ихъ въ первыя времена. Всемогущему правительству не трудно искоренить въ судахъ всякую тѣнь независимости, сохранивъ отъ нея одну внѣшнюю форму. Достаточно производить нужное давленіе, назначать и повышать людей, угождающихъ власти, дѣйствовать развращающею приманкою наградъ, а независимымъ людямъ выказывать суровое нерасположеніе начальства, и можно быть увѣреннымъ, что суды превратятся мало-по-малу въ послушныхъ клевретовъ правительства. Эту роль взялъ на себя министръ юстиціи Манассеинъ, посаженный на это мѣсто своимъ школьнымъ товарищемъ, оберъ-прокуроромъ Св. Синода, Побѣдоносцевымъ. Крутой и властолюбивый, чуждый всякихъ нравственныхъ побужденій и неразборчивый на средства, а съ тѣмъ вмѣстѣ покорный слуга своего патрона, онъ сдѣлалъ то, что суды, созданные для того, чтобы быть гарантіею гражданъ, обратились въ орудія религіознаго гоненія. Цѣлый рядъ процессовъ показалъ, что судьи позволяли себѣ самое вопіющіе пристрастіе, самыя явныя нарушенія закона. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣлъ были кассированы Сенатомъ, но, наконецъ и Сенатъ, болѣе и болѣе наполняемый креатурами реакціоннаго правительства, послѣдовалъ тому же теченію. Недавно насажденное правосудіе грозитъ снова исчезнуть съ лица русской земли.

Религіозное гоненіе было естественнымъ спутникомъ реакціи. Главнымъ двигателемъ его былъ оберъ-прокуроръ Св. Синода. Въ началѣ царствованія Александра III, когда, послѣ страшнаго событія 1 марта, всѣ трепетали за жизнь царя, раскольниковъ старались приманить нѣкоторыми льготами. Но какъ скоро правительство почувствовало свою силу, гоненія на-

чались. Первою жертвою ихъ сдѣлались штундисты. Эта секта, близкая къ протестанскимъ методистамъ, сильно распространялась на Югѣ. Не удовлетворенные формализмомъ господствующей церкви, многіе, даже изъ низшихъ классовъ, охваченные религіозною жаждой, собирались для молитвъ и для чтенія Св. Писанія. Они были признаны опасными для государства и причислены къ особенно вреднымъ сектамъ. Собранія ихъ были воспрещены; противъ нихъ принимались самыя строгія полицейскія мѣры, суды карали ихъ немилосердно.

Еще худшая участь постигла духоборцевъ. Эти сектанты давно были выселены въ Закавказскій край, гдѣ они достигли цвѣтущаго положенія. Въ Восточную войну они выказали самый искренній патріотизмъ и оказали отечеству значительныя услуги Внутреннія раздоры, поддержанные правительствомъ, повели къ тому, что секта раскололась, и большая часть ея, подъ вліяніемъ фанатической проповѣди, отказалась исполнять военную службу. Примѣры людей, считающихъ военную службу за грѣхъ, не новы. Обыкновенно ихъ нравственному чувству, хотя и ложно направленному, оказывается уваженіе: военная повинность замѣняется другими. Такъ было поступлено въ Россіи въ отношеніи къ меннонитамъ. Но съ духоборцами расправились иначе. Предводителей движенія сослали въ самую глубь Сибири, гдѣ они, вмѣстѣ съ политическими ссыльными, должны были жить въ самыхъ ужасающихъ условіяхъ. Остальные же были выселены въ совершенно безплодный край, гдѣ имъ не дали даже земли. Они принуждены были искать себѣ пропитанія подневнымъ трудомъ, котораго притомъ часто нельзя было добыть, такъ что они не только въ концѣ разорились, но были обречены на постоянный голодъ. Между ними распространились страшныя болѣзни; многіе отъ истощенія ослѣпли. Нѣкоторые изъ поклонниковъ извѣстнаго писателя, графа Л. Н. Толстого, отправились на мѣста, чтобы лично убѣдиться въ положеніи вещей Они вернулись съ ужасающими разсказами о томъ, что они тамъ видѣли. Графъ Толстой сталъ собирать частную подписку въ пользу духоборцевъ: эти разсказы проникли и въ журналы. Результатъ былъ тотъ, что журналамъ, осмѣлившимся говорить объ этомъ дѣлѣ, дали предостереженія, а Толстовцевъ, виновныхъ въ человѣколюбивомъ собраніи свѣдѣній и денегъ, выслали изъ Россіи. Самого Толстого однако не рѣшились тронуть; это былъ бы скандалъ на весь міръ. Изъ опасенія скандала разрѣшено было самимъ духоборцамъ выселиться изъ Россіи. Графъ Толстой собралъ для этого деньги, и нѣсколько тысячъ сильнаго и рабочаго русскаго населенія были перевезены въ Канаду, гдѣ ихъ приняли съ радостью; имъ дали земли и пособія. Тамъ ихъ не считаютъ опасными для государства.

Религіозное гоненіе постигло не однихъ отщепенцевъ отъ православія; оно коснулось и признанныхъ вѣроисповѣданій,

давно имѣющихъ въ Россіи право гражданства. Евреи издавна подвергаются у насъ значительнымъ стѣсненіямъ. За исключеніемъ особо поименованныхъ разрядовъ, имъ воспрещено жительство въ великороссійскихъ губерніяхъ. Въ царствованіе Александра III, при министерствѣ графа Игнатьева, эти стѣсненія были еще усилены. Даже въ мѣстахъ жительства имъ воспрещены покупка и арендованіе земель. Поступленіе ихъ въ высшія и среднія учебныя заведенія было ограничено извѣстнымъ процентомъ. Несчастныхъ старались стѣснить всѣми мѣрами, нигдѣ не давать имъ выхода. И все это опять совершалось безъ всякаго повода. На нихъ, послабленіемъ полиціи, напускались шайки грабителей, а потомъ ихъ же за это подвергали карѣ. Правительство играло на самыхъ неизмѣнныхъ страстяхъ русскаго населенія, потакая затаенной въ немъ непріязни къ евреямъ. Это чувство распространено во многихъ странахъ, даже весьма образованныхъ; въ евреяхъ видятъ не только чужеродцевъ и иновѣрцевъ, но и опасныхъ конкуррентовъ. Однако, всякій, кто живалъ въ Малороссіи, знаетъ, что народъ сживается съ ними очень хорошо и отъ присутствія ихъ не бѣднѣетъ, а, напротивъ, пользуется большимъ благосостояніемъ, нежели тамъ, гдѣ этихъ такъ называемыхъ паразитовъ нѣтъ. Безпристрастные помѣщики и даже духовныя лица признаютъ пользу, приносимую краю этимъ дѣятельнымъ и торговымъ племенемъ. Вредъ происходитъ главнымъ образомъ отъ ихъ скученности и отъ окружающихъ ихъ стѣсненій, которыя заставляютъ ихъ прибѣгать ко всякимъ средствамъ, чтобы добыть себѣ скудное пропитаніе. Но въ такомъ случаѣ единственная раціональная мѣра состоитъ въ дозволеніи имъ селиться, гдѣ угодно, и заниматься, чѣмъ угодно. Это—единственный порядокъ, совмѣстный съ общественнымъ строемъ, въ которомъ признаны начала гражданской свободы. А между тѣмъ, при господствѣ реакціи, всѣ прежнія льготы и послабленія были отмѣнены. Русскія власти дошли до того, что евреямъ воспрещено ѣздить лѣчиться на Кавказскія воды, подъ тѣмъ предлогомъ, что Кавказъ не принадлежитъ къ области ихъ осѣдлости.

Но нигдѣ эти гоненія не приняли такихъ возмутительныхъ размѣровъ, какъ въ самомъ центрѣ Россіи—въ Москвѣ. Здѣсь старый генералъ-губернаторъ, князь Долгоруковъ, привыкшій къ мягкимъ пріемамъ Александра II, можетъ быть и не безъ личнаго интереса, много лѣтъ смотрѣлъ сквозь пальцы на поселеніе въ Москвѣ массы евреевъ, не имѣвшихъ на то формальнаго права. Наконецъ, это обнаружилось. Его за это смѣнили, и на мѣсто его назначенъ былъ В. Князь Сергѣй Александровичъ. Но передъ этимъ произведено было повальное изгнаніе евреевъ изъ Москвы. Сотни семействъ, давно въ ней поселенныхъ и занимавшихся самыми невинными промыслами, были высланы на мѣста жительства. Ремесленники, комиссіонеры, торговцы старинными вещами, ученицы консерваторіи,

добывавшія себѣ хлѣбъ уроками музыки, подверглись безпощадному изгнанію. Имъ не давали даже срока для устройства своихъ дѣлъ; Москва должна была быть немедленно очищена для прибытія Августѣйшаго ея начальника. Вопль поднялся отовсюду; но на жалобы не обращали ни малѣйшаго вниманія. Началась усиленная эмиграція евреевъ изъ Россіи. Правительство Соединенныхъ Штатовъ, изумленное внезапнымъ ихъ наплывомъ, прислало коммиссаровъ, чтобы освѣдомиться на мѣстѣ о положеніи дѣлъ. Они представили Конгрессу вопіющія картины бѣдствія и нищеты, которыя были послѣдствіемъ принятыхъ русскимъ правительствомъ мѣръ. Знаменитый англійскій историкъ Лекки, въ своей книгѣ о демократіи, выставилъ ихъ въ полномъ свѣтѣ и заклеймилъ позоромъ это возмутительнѣйшее явленіе въ русской жизни XIX столѣтія. Это были не клеветы иностранцевъ, не знающихъ нашихъ условій и нашего быта; то была чистая и голая правда. Но ко всему этому русское правительство осталось совершенно равнодушнымъ. Послѣдняя сдержка, стыдъ передъ мнѣніемъ образованной Европы, исчезла. Для Москвы это имѣло то послѣдствіе, что завязавшіяся, съ помощью еврейскихъ коммиссіонеровъ, связи между московскими фабрикантами и Малороссіей, замѣнились связью между Малороссіей и Лодзью. Десятки милліоновъ были такимъ образомъ потеряны для Москвы. Столица очистилась отъ еврейскихъ ростовщиковъ; но остались русскіе, которые, не опасаясь уже конкурренціи, стали взимать вдвое большіе проценты.

Не менѣе тяжела была судьба польскихъ уніатовъ. Здѣсь гоненіе началось еще въ реакціонную пору царствованія Александра II; оно было слѣдствіемъ чиновничьяго подлога. Литовскіе уніаты, какъ извѣстно, были присоединены къ православію еще въ царствованіе Николая I, дѣятельностью уніатскаго епископа Симашки, который выдалъ свою паству русскому правительству. Но въ двухъ губерніяхъ Царства Польскаго, населенныхъ русскимъ племенемъ, унія сохранилась. Въ Холмской епархіи епископъ Поппель послѣдовалъ примѣру Симашки, и уніаты были присоединены къ православію безъ всякаго насилія. Но иначе обошлось дѣло въ Сѣдлецкой губерніи. Здѣсь губернаторомъ былъ Громека, нѣкогда либеральный писатель. Видя успѣхъ дѣйствій Поппеля, онъ вознамѣрился учинить присоединеніе уніатовъ къ православію давленіемъ гражданской власти и тѣмъ подслужиться къ правительству. Съ этою цѣлью собраны были депутаты отъ разныхъ общинъ; имъ представленъ былъ для подписи адресъ, въ которомъ, въ совершенно туманныхъ выраженіяхъ, говорилось, между прочимъ, что они одной вѣры съ царемъ. Это было представлено въ Петербургъ, какъ выраженіе желанія населенія присоединиться къ православію. Актомъ Св. Синода присоединеніе было учинено. Когда это было объявлено населенію, оно пришло въ изумленіе и заявило, что никогда подобнаго порученія оно своимъ депутатамъ не давало, и сами депу-

таты не думали подписывать ничего подобнаго. Жалобы пошли въ Петербургъ; велѣно было нарядить слѣдствіе. Но бюрократія распорядилась по своему. Всякими мѣрами было собрано по общинамъ нѣкоторое число подписей, и это было представлено, какъ выраженіе согласія этихъ общинъ на присоединеніе къ русской церкви. Тогда все это населеніе, согласные и несогласные, подписавшіеся и не подписавшіеся было окончательно объявлено православнымъ. Это былъ явный подлогъ. Тутъ же уніатскіе храмы были обращены въ православные. Когда изъ нихъ стали выносить органы, народъ этому воспротивился, и дѣло дошло до кровопролитія. Многія тысячи населенія продолжали упорствовать въ уніи. Они знать не хотѣли православныхъ священниковъ, и всѣ свои требы, браки, крещеніе дѣтей, совершали у католическихъ ксендзовъ или у уніатскихъ священниковъ, призываемыхъ тайно изъ Галиціи. За это ихъ преслѣдовали и сажали въ тюрьму; священниковъ ловили, заточали или ссылали во внутреннія губерніи. Во всѣ восьмидесятые годы продолжалось это возмутительное гоненіе. Сотни людей томились въ темницахъ; тысячи лишены были всякаго религіознаго утѣшенія. Даже по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, всегда умаляющимъ истину, болѣе 70,000 человѣкъ донынѣ упорствуютъ въ своемъ отчужденіи отъ господствующей церкви.

Тоже самое было и въ остзейскомъ краѣ. И тутъ, разнаго рода приманками, часть латышскаго населенія была нѣкогда привлечена къ православію; но затѣмъ она оказалась упорно преданною своему старому лютеранскому исповѣданію. Новообращенные Латыши и ихъ потомки не хотѣли имѣть дѣла съ православными священниками, для совершенія таинствъ они прибѣгали къ своимъ прежнимъ лютеранскимъ пасторамъ, которые были поставлены въ самое трудное положеніе между священными обязанностями передъ Богомъ и передъ совѣстью и оффиціальнымъ закономъ, воспрещавшимъ совершеніе требъ надъ людьми, формально причисленными въ другой вѣрѣ. Въ мягкое и гуманное царствованіе Александра II на это смотрѣли сквозь пальцы. Разрѣшено было даже при смѣшанныхъ бракахъ крестить дѣтей по волѣ родителей, ибо въ чисто лютеранскомъ краѣ православная церковь все-таки признавалась господствующею и въ этомъ отношеніи пользовалась привилегіею. При Побѣдоносцевѣ это согласное съ свободою совѣсти разрѣшеніе было отмѣнено, а противъ пасторовъ, совершающихъ незаконныя требы, возбуждено преслѣдованіе. Болѣе шестидесяти пасторовъ, свято исполнявшихъ свои религіозныя обязанности, были такимъ образомъ преданы суду и отрѣшены отъ должности; нѣкоторые изъ нихъ были сосланы во внутреннія губерніи. Латыши, формально причисленные къ православію, были лишены всякой христіанской помощи.

И послѣ всего этого, оберъ-прокуроръ Св. Синода имѣлъ смѣлость, передъ лицемъ всего міра, утверждать, что у насъ существуетъ свобода совѣсти! Въ Сводѣ Законовъ она значится,

но это не болѣе какъ мертвая буква, съ которою дѣйствительность находится въ вопіющемъ противорѣчіи.

Но не одно религіозное гоненіе постигло Остзейскій край. Русское правительство принялось за его обрусеніе. Это была давнишняя мечта славянофиловъ. Ярый противникъ нѣмцевъ Юрій Самаринъ, издалъ за границею свои Окраины Россіи, въ которыхъ онъ злобно нападалъ на всѣ порядки въ Остзейскихъ губерніяхъ. Можно сказать, что это былъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ грѣховъ этого даровитаго и благороднаго ума. Вся узкость и нетерпимость славянофильства, преувеличенная оцѣнка своего и непониманіе чужаго, сказались здѣсь вполнѣ. Вытекающія изъ ихъ исторіи особенности остзейскихъ нѣмцевъ, трудное ихъ положеніе между самовластнымъ русскимъ правительствомъ и инородческимъ населеніемъ, ихъ заботливое охраненіе корпоративныхъ учрежденій, хотя во многомъ устарѣлыхъ, но ограждавшихъ прочность и преемственность права, все это для русскаго публициста было только предметомъ ядовитыхъ нападковъ. При томъ неизмѣнномъ уровнѣ, на который спустилось русское патріотическое чувство послѣ проповѣди Каткова, эти обличенія жадно воспринимались русскимъ обществомъ, а, наконецъ, и правительство поддалось этому направленію.

Доселѣ русское правительство весьма бережно относилось къ остзейскимъ порядкамъ. Остзейскій край былъ присоединенъ къ Россіи съ обѣщаніемъ сохранить всѣ его особенности и права. Съ тѣхъ поръ остзейцы вѣрно служили престолу. Они проливали свою кровь за Россію, и многіе изъ нихъ оказали ей значительныя услуги. Нѣмецкая культурность и аккуратность были полезнымъ элементомъ и въ русской администраціи и въ общественной жизни. Въ преданности нѣмцевъ нельзя было сомнѣваться, а потому даже такіе суровые деспоты, какъ Николай I, не трогали ихъ порядковъ и ихъ привилегій. За свои Рижскія Письма, писанныя еще въ сороковыхъ годахъ, Юрій Самаринъ былъ посаженъ подъ арестъ. Тоже направленіе продолжалось и при Александрѣ II. Безъ сомнѣнія, многое въ Остзейскомъ краѣ требовало улучшенія, особенно послѣ того какъ въ Россіи были произведены либеральныя реформы. Освобожденіе крестьянъ было совершенно тамъ еще въ началѣ столѣтія съ согласія дворянства; но надобно было упорядочить эти отношенія, дать большія гарантіи низшему населенію. Не подводя Остзейскія губерніи къ одному уровню съ остальною Россіей, можно было бережно и осторожно измѣнять устарѣвшія учрежденія, примѣняясь къ особенностямъ края, къ установившимся въ немъ взглядамъ и привычкамъ, и обращая должное вниманіе на связанные съ этими порядками интересы. Вмѣсто того, русское правительство, съ своими обычными медвѣжьими пріемами, принялось за ломку всего существующаго. Въ то время какъ оно въ Россіи уничтожило мировые суды, оно ввело ихъ въ Остзейскихъ губерніяхъ, только съ назначеніемъ отъ правительства, то есть, безъ всякой

связи съ краемъ и безъ всякой самостоятельности. Главное же, оно стало всюду вводить русскій языкъ, не только въ оффиціальныхъ актахъ, но и въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Нѣмецкій языкъ изгонялся даже изъ заведеній, учрежденныхъ и содержимыхъ на счетъ нѣмецкаго дворянства. И эта ломка производилась нерѣдко просто административными распоряженіями, не прибѣгая къ сложному и медленному законодательному пути. Въ Остзейскій край посылались губернаторы, не знавшіе нѣмецкаго языка, и имъ говорили: „вы дѣйствуйте, а мы васъ будемъ поддерживать".

Результатомъ этой политики было возбужденіе всеобщаго неудовольствія, а вмѣстѣ полный разгромъ всего весьма высоко стоявшаго учебнаго дѣла. Въ этомъ отношеніи Остзейскій край доселѣ составлялъ въ Россіи счастливое исключеніе. Это была единственная мѣстность, въ которой нѣмецкіе педагогическіе пріемы и культурныя понятія успѣли противостоять даже бюрократической тупости нашей учебной администраціи и произведеннымъ ею реформамъ. Теперь все это было разомъ уничтожено и низведено къ общему уровню всероссійскихъ учебныхъ заведеній. Въ гимназіяхъ учителя, отъ которыхъ требовали, чтобъ они преподавали по-русски, массами выходили въ отставку. Дерптскій университетъ, нѣкогда стоявшій столь высоко, благодаря своей связи съ Германіей, давшій наукѣ первоклассныхъ дѣятелей Россіи—Пирогова и Грубе, Европѣ—Бергмана и другихъ, превратился въ мѣсто, куда стали ссылать всѣхъ тѣхъ, кто по неспособности не могъ попасть въ другіе университеты. Число студентовъ въ немъ значительно сократилось; преподаваніе, за немногими исключеніями, низошло къ весьма невысокому уровню. Нѣкогда Катковъ, когда умъ его не былъ еще совершенно отуманенъ патріотическимъ задоромъ, говорилъ, что обрусеніе Дерптскаго университета было бы преступленіемъ противъ просвѣщенія. Это преступленіе было совершено.

До чего доходило стремленіе къ обрусенію, можно видѣть изъ того, что нѣмецкихъ докторовъ предавали суду за то, что они на своихъ дверяхъ вывѣшивали объявленія паціентамъ на нѣмецкомъ языкѣ. И введенные Манассеинымъ мировые суды налагали на нихъ штрафы, не въ силу закона, ибо такового не было, а на томъ основаніи, что господамъ министрамъ угодно, чтобы русскій языкъ былъ господствующимъ въ краѣ. Однако Сенатъ кассировалъ эти рѣшенія.

Не лучше было положеніе и въ чисто русскихъ губерніяхъ. Тринадцать лѣтъ протекло отъ мученической кончины Александра II до смерти Александра III; никакихъ въ этотъ промежутокъ не было ни смутъ, ни покушеній; а между тѣмъ, значительная часть Россіи и въ особенности столицы состояли подъ усиленною охраной. Власти требовали продолженія ея изъ года въ годъ, увѣряя, что безъ этого онѣ не могутъ управлять. Кавуръ говорилъ, что всякій болванъ можетъ управлять съ осад-

нымъ положеніемъ. Русскіе управители хотѣли оправдать это изреченіе, не понимая, что въ ихъ требованіяхъ усиленныхъ полномочій заключается сознаніе своей глупости. И эти чрезвычайныя права, установленныя для преслѣдованія политическихъ заговорщиковъ, прилагались ко всему на свѣтѣ: къ извощикамъ, къ дворникамъ, къ мостовымъ. Ссылаясь на положеніе объ усиленной охранѣ, начальники губерній налагали на домовладѣльцевъ совершенно произвольные штрафы; издавались правила для экипажей; закрывались торговые ряды и лавки; требовалось извѣстное устройство мостовыхъ. То, что по закону предоставлялось городскимъ думамъ, было, въ силу безобразнаго толкованія полномочій, перенесено на полицію, которой произволъ не зналъ границъ. Въ Москвѣ, беззаконные штрафы, налагаемые оберъ-полицеймейстеромъ на извощиковъ, въ одинъ годъ превзошли 100.000 рублей. Самая организація полиціи сдѣлалась крайне сложною и пустила многочисленныя развѣтвленія. Прежнія явная и тайная полиція были сохранены; но рядомъ съ обыкновенною тайною полиціей, представляемой жандармскимъ управленіемъ, учреждена была особая тайная полиція подъ именемъ охраны, которая частью находилась въ вѣдѣніи явной полиціи, частью же непосредственно сносилась съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и дѣйствовала невѣдомымъ путемъ, на основаніи невѣдомыхъ инструкцій. Въ сравненіи съ нею, самое жандармское управленіе являлось подобіемъ какого-то законнаго порядка. Вся эта крайне спутанная организація вела лишь къ тому, что всякій, облеченный властью, имѣлъ право человѣка схватить и сослать безъ разбора, и на это не было ни суда, ни расправы. Административныя ссылки умножались въ ужасающихъ размѣрахъ. Онѣ прилагались не только къ политически неблагонадежнымъ людямъ, понятіе, которое уже само по себѣ открывало возможность самаго широкаго произвола, но и вообще ко всякому лицу, по чему либо неугодившему начальству или просто повздорившему съ полиціей. Въ управленіе князя Долгорукова въ Москвѣ были вопіющіе примѣры такого злоупотребленія полномочіями изъ чисто личныхъ цѣлей. Но и въ провинціи это практиковалось безнаказанно.

И на все это приниженное русское общество смотрѣло съ какимъ-то тупымъ равнодушіемъ. Никто не дерзалъ открыть рта изъ опасенія неминуемой кары. За всякое сколько нибудь независимое слово человѣкъ немедленно подвергался опалѣ и нигдѣ не встрѣчалъ поддержки. Благородныя стремленія эпохи преобразованій какъ будто отошли въ туманную даль. Общество привыкало видѣть въ этихъ ежедневныхъ, изъ года въ годъ повторяющихся явленіяхъ естественный и нормальный порядокъ вещей.

Журналистика, разумѣется, не смѣла пикнуть. Самые видные ея представители, которыхъ властвующая бюрократія еще нѣсколько боялась, сошли въ могилу: Катковъ, который вслѣд-

ствіе своего вліянія при дворѣ, былъ грозою министровъ; Аксаковъ, который свой блестящій талантъ и свою благородную натуру употребилъ на пустозвонную проповѣдь славянофильства, способную только внести еще большую смуту въ сбитые съ толку умы. Послѣ нихъ остались посредственности, съ которыми нечего было церемониться. Цензура не была возстановлена; но система предостереженій вполнѣ достигала цѣли. Негласными распоряженіями редакторамъ воспрещалось говорить о самыхъ животрепещущихъ вопросахъ, а кто осмѣливался преступить запретъ, подвергался немедленной карѣ. Всѣ журналы съ сколько нибудь либеральнымъ направленіемъ висѣли на волоскѣ, а холопствующей ватагѣ поклонниковъ реакціи давался полный просторъ. Они могли на своемъ раболѣпномъ жаргонѣ прославлять правительство на всѣ лады, восхвалять всѣ его самыя вопіющія мѣры, видѣть въ немъ спасителя отечества. Болѣе или менѣе значительною свободой пользовались и соціалисты. Либерализмъ казался правительству опаснымъ; но соціализмъ, пока онъ являлся въ теорической формѣ, представлялся безвреднымъ. Вслѣдствіе этого, ученіе Маркса, въ книгахъ и брошюрахъ, именно въ это время получило самое широкое распространеніе, особенно среди учащейся молодежи. Только среднее, умѣренно либеральное направленіе оставалось въ накладѣ. Въ журналистикѣ оно не имѣло органа, а книги, кромѣ самыхъ задорныхъ, у насъ давно перестали читать.

Отсюда и въ литературѣ и въ обществѣ, преобладаніе крайнихъ направленій, изъ которыхъ одно, нагло выставляясь на показъ, теряло однако болѣе и болѣе подъ собою почву, а другое, скрываясь подъ личиной теоретическихъ изысканій и любви къ народу, въ тайнѣ овладѣвало неопытными умами. Это явленіе повторяется во многихъ странахъ и при разныхъ условіяхъ, но оно всегда служитъ признакомъ ненормальнаго положенія вещей. Это — симптомъ, указывающій на внутреннюю болѣзнь. Въ Россіи, при скудости нашего образованія, эти явленія приняли особенный непригляднный характеръ. Реакціонная партія, кромѣ владычествующей бюрократіи, заключала въ себѣ разорившихся или разоряющихся дворянъ, которые изъ корыстныхъ видовъ возсылали свои мольбы къ правительству, какъ источнику всякихъ матеріальныхъ и чиновныхъ благъ. Въ ней тѣснилось и созданное Катковымъ поколѣніе, получившее прозваніе молодыхъ подлецовъ, которые ничего не понимали, кромѣ произвола и подобострастія. Къ ней примыкала, наконецъ, вся та масса пошляковъ, наполняющихъ всякое общество, особенно же такое невѣжественное, какъ наше, которая слѣдуетъ общемученію и готова преклониться передъ всякою властью. Ни одинъ изъ этихъ элементовъ, конечно, не содержалъ въ себѣ залоговъ для будущаго развитія отечества и для разумной государственной жизни. Можно сказать, что это были худшіе изъ элементовъ русскаго общества, которые однако,

при господствѣ реакціи, пользовались особеннымъ покровительствомъ, одни имѣли голосъ и повышались по чиновной лѣстницѣ. Противоположное направленіе, напротивъ, обнимало собою всю волнующуюся молодежь, исполненную благородныхъ стремленій, но лишенную всякой основательной подготовки и всякаго разумнаго руководства. Этотъ элементъ, еще менѣе, нежели первый, могъ способствовать правильному развитію русской общественной жизни. Скорѣе, онъ былъ для нея величайшею помѣхой. Соціализмъ есть безсмысленное отрицаніе всего существующаго общественнаго строя во имя фантастическаго будущаго; что же онъ могъ дать гражданскому порядку, кромѣ разрушенія? Благодаря соціалистической пропагандѣ русское общество лишилось плодовъ великихъ преобразованій Александра II. Именно это пропаганда вызвала реакцію: она же продолжала служить ей главной опорой. Когда недоучившіеся юноши сходились въ тайныя организаціи и возмущали народъ на фабрикахъ, то для полиціи это была пожива. Лучшаго себѣ оправданія она не могла найти.

Однако, въ русскомъ обществѣ не было недостатка въ здоровыхъ силахъ; но онѣ были принижены и затеряны среди крайнихъ направленій. Эти люди дѣйствовали въ тиши, на мѣстахъ; они заводили школы и строили больницы. Но правительство смотрѣло на нихъ съ недовѣріемъ. Всякій независимый человѣкъ, не пресмыкающійся передъ властью, въ высшихъ кругахъ считается у насъ краснымъ; онъ становится предметомъ подозрѣнія. Въ обществѣ же они не находили опоры. Разоряющееся дворянство потеряло всякую самостоятельность и ожидало своего возрожденія отъ милостей власти. Купечество, вслѣдствіе покровительственной системы, находилось всецѣло въ рукахъ правительства, которое могло, однимъ почеркомъ пера, осыпать его незаслуженными благами или подорвать самые существенные его интересы. Крестьянство представляло косную массу, которая имѣла въ виду только насущный кусокъ хлѣба. Всѣ прежнія самостоятельныя силы исчезли, а новыя еще не успѣли сложиться. Къ тому же, прежніе разсадники просвѣщенія, отъ которыхъ исходилъ свѣтъ по русской землѣ, были придавлены, а соціалистическая молодежь смотрѣла на разумныхъ и умѣренныхъ людей, какъ на отсталыхъ. Не гражданскій порядокъ, а рабочій вопросъ и крестьянскія смуты составляли для нея предметъ вожделѣній. Не мудрено, что русскіе люди, которые сохранили еще ясность мысли и благородные идеалы, пріуныли, не видя исхода изъ страшнаго положенія. Русское общество отупѣло, его умственный и нравственный уровень значительно понизился. Оффиціальная ложь охватила его со всѣхъ сторонъ. Выраженіе независимыхъ мнѣній не допускалось, а лицемѣрныя изліянія преданности и любви, на старинномъ языкѣ холоповъ, желающихъ подслужиться къ барину, неслись въ сферы, ни мало не соотвѣтствуя истиннымъ чувствамъ писавшихъ.

Если таково было положеніе внизу, то на верху оно было

еще несравненно хуже. Во всякомъ благоустроенномъ государствѣ одна изъ самыхъ существенныхъ задачъ политики состоитъ въ томъ, чтобы привлечь къ правительству лучшія общественныя силы; а тутъ поступали какъ разъ наоборотъ: къ верху поднимались именно худшіе элементы. Все независимое, имѣющее свои убѣжденія, тщательно устранялось, а возвышалось все гибкое, угодливое, пошлое. Чиновная лѣстница служила какъ бы способомъ очищенія бюрократіи отъ всякихъ независимыхъ элементовъ. Если и случалось, что порядочный человѣкъ, силою покровительства, пріобрѣталъ вліятельное положеніе, то онъ скоро подпадалъ дѣйствію среды; она его заѣдала, и онъ терялъ всякое сознаніе различія между добромъ и зломъ. Отсюда столь частое у насъ превращеніе людей, какъ скоро они достигаютъ высшихъ чиновъ: они становятся неузнаваемы. Все это составляетъ обычную принадлежность неограниченной власти и бюрократическаго управленія. Неограниченные монархи, вообще, любятъ окружать себя угодниками; самостоятельное мнѣніе имъ непріятно. Это— общее свойство человѣческой природы. Раболѣпство и лесть вездѣ составляютъ отличительныя черты царедворцевъ. Только въ тѣ времена, когда власть чувствуетъ себя шаткою или предстоитъ совершить какое-либо трудное дѣло, какъ было у насъ въ эпоху преобразованій, призываются къ участію независимыя общественныя силы; какъ же скоро потребность миновалась, такъ онѣ удаляются. Съ своей стороны, бюрократія представляетъ громадную машину, въ которой каждое лицо играетъ роль маленькаго колеса. Вступая въ нее, чиновникъ долженъ отречься отъ себя, оказаться отъ всякой независимости. Повиноваться и исполнять, таково отнынѣ его призваніе, и это въѣдается въ его плоть и кровь, становится для него второю натурой. Таковъ обычный ходъ вещей. Но всѣ эти недостатки учрежденій еще въ значительной степени усугубляются тамъ, гдѣ, какъ у насъ, ощущается полное отсутствіе серьезнаго образованія. Когда же къ этому присоединяется вліяніе реакціи, которая заподозриваетъ всякое самостоятельное движеніе мысли и ничего не хочетъ знать, кромѣ безмолвной покорности, то зло можетъ достигнуть самыхъ страшныхъ размѣровъ. Въ Россіи нравственный уровень высшихъ правительственныхъ сферъ никогда не былъ высокъ; но въ восьмидесятыхъ годахъ онъ понизился такъ, что это превосходитъ всякое вѣроятіе. Небольшое дѣло, случившееся въ то время, можетъ служить тому наилучшимъ доказательствомъ.

Строитель Рязанско-Козловской желѣзной дороги, Павелъ Григорьевичъ фонъ-Дервизъ, оставилъ по себѣ многомилліонное состояніе, перешедшее къ двумъ его сыновьямъ, изъ которыхъ старшій былъ уже совершеннолѣтній, а второй состоялъ подъ опекою матери. У умершаго богача былъ братъ, Дмитрій Григорьевичъ фонъ-Дервизъ, членъ Государственнаго Совѣта. Онъ изъ-за чисто личныхъ вопросовъ поссорился съ племянникомъ и вознамѣрился воспрепятствовать свободному его распоряженію

своимъ имуществомъ. Добровольнымъ орудіемъ этой интриги явился школьный товарищъ и пріятель фонъ Дервиза, министръ Юстиціи Манассеинъ. Онъ доложилъ Государю, что молодаго Дервиза надобно взять въ опеку, ибо онъ расточаетъ состояніе, оставленное ему отцомъ, и разоряетъ малолѣтняго брата. Были даже намеки, что деньги идутъ на неблагонадежныя цѣли. Государь, однако, не хотѣлъ рѣшить частное дѣло по личному докладу министра; но вмѣсто того, чтобы дать ему законный ходъ, то есть, вести его черезъ Дворянское Депутатское Собраніе, такъ какъ фонъ-Дервизъ былъ рязанскій дворянинъ, онъ велѣлъ разсмотрѣть его въ Комитетѣ Министровъ. Собрались всѣ высшіе государственные сановники, чтобы произнести приговоръ, который долженъ былъ имѣть послѣдствіемъ лишеніе полноправнаго дворянина принадлежащихъ ему гражданскихъ правъ и наложеніе на него позорнаго наказанія. По прочтеніи докладной записки министра Юстиціи, Абаза замѣтилъ, что слѣдовало бы потребовать объясненій отъ обвиняемаго. На это другіе отвѣчали, что послѣ того, какъ министръ собралъ всѣ нужныя свѣдѣнія, это совершенно излишне, и всѣ, не обинуясь, подписали рѣшеніе. Тутъ сидѣли юристы, въ томъ числѣ Побѣдоносцевъ, которымъ весьма хорошо было извѣстно, что обсужденіе человѣка безъ предъявленія ему обвиненія и безъ полученія отъ него отвѣта есть вопіющее нарушеніе самыхъ элементарныхъ требованій правосудія. Они знали, что по нашимъ законамъ, когда земское собраніе не то, что предаетъ суду, а только представляетъ Сенату о преданіи суду члена управы, виновнаго въ какихъ-либо злоупотребленіяхъ, Сенатъ возвращаетъ представленіе, если при немъ нѣтъ объясненія обвиняемаго. И тѣмъ не менѣе, они сочли возможнымъ, въ угоду товарищу, попрать ногами и правосудіе и довѣріе Государя. Опекуномъ былъ назначенъ другой товарищъ и пріятель Манассеина, сенаторъ Коробьинъ, которому внезапно съ неба свалились 30,000 рублей годоваго дохода. Всѣ поздравляли его съ этимъ радостнымъ событіемъ.

Между тѣмъ, ни въ чемъ не повинный Дервизъ сидѣлъ у себя въ деревнѣ, вовсе неподозрѣвая собравшейся надъ нимъ грозы. Вдругъ ему объявляютъ, что онъ, какъ расточитель имѣнія, взятъ въ опеку! Къ счастью, мать его, живя за границею, была знакома съ одною особой, имѣвшей положеніе и связи при дворѣ. Она бросилась къ ней и объяснила, что все это чистая клевета, что никакого разоренія нѣтъ, а напротивъ, со времени смерти стараго Дервиза, капиталы увеличились. Та посовѣтовала подать прошеніе Государю и взялась его доставить. Государь увидѣлъ, что онъ былъ обманутъ и велѣлъ разсмотрѣть дѣло вновь въ Комитетѣ Министровъ. На этотъ разъ Манассеинъ, видя, что штука не удалась, даже не явился въ засѣданіе, и всѣ, точно также безъ всякаго прекословія, подписали отмѣну прежняго рѣшенія. Разсказывали, что послѣ этого Побѣдоносцевъ плакался передъ Государемъ, увѣряя его, что онъ былъ введенъ

въ заблужденіе; какъ будто можно заблуждаться на счетъ того, что непозволительно осуждать человѣка, не потребовавъ даже отъ него отвѣта на счетъ взводимыхъ на него обвиненій!

Можно навѣрное сказать, что если бы дѣло фонъ-Дервиза, вмѣсто того, чтобы судиться собраніемъ высшихъ сановниковъ Русской Имперіи, было передано послѣднему изъ входящихъ въ составъ ея сословій, напримѣръ, мѣщанамъ, оно получило бы иное рѣшеніе. Они не взяли бы на себя осудить человѣка, не предъявивъ ему вины и не получивъ отъ него отвѣта. Въ нихъ пробудилась бы совѣсть, которая въ собраніи сановниковъ блистала только полнымъ своимъ отсутствіемъ. И надобно замѣтить, что въ числѣ этихъ сановниковъ были люди несомнѣнно честные и порядочные. Но это именно показываетъ нравственный уровень среды, въ которой самыя вопіющія нарушенія правды и нравственности считаются дѣломъ столь обычнымъ, что на него не стоитъ даже обращать вниманіе.

Историческая задача новаго царствованія раскрывалась сама собою. Царствованіе Александра III-го все опредѣлилось катастрофою 1-го марта, также какъ царствованіе Николая I опредѣлилось возмущеніемъ 14-го декабря. Въ обоихъ случаяхъ наступила реакція, часто неумѣлая и шедшая черезъ край, но вызванная предшествующими событіями. Царствованія же ихъ преемниковъ должны были снова поставить Россію на путь правильнаго развитія. Однако, между обѣими эпохами была существенная разница. Александру II предстояло совершить все упущенное родителемъ, преобразовать русскую землю на новыхъ началахъ. Нынѣ не было такихъ крупныхъ задачъ, ибо величайшія преобразованія были уже совершены. Нужно было, прежде всего, возстановить ихъ въ полной силѣ, сдѣлать ихъ истиной и утвердить на нихъ прочный законный порядокъ вещей. Нельзя же оставлять людей цѣлые десятки лѣтъ въ осадномъ положеніи; надобно, наконецъ, возвратиться къ нормальному порядку, и перемѣна правленія представляетъ для этого самый удобный поводъ . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Тѣ, которые ожидали лучшихъ дней, пріуныли. Небольшой инцидентъ обнаружилъ это въ полной мѣрѣ.

Въ Петербургѣ происходили выборы городского головы. Первымъ кандидатомъ прошелъ молодой графъ Мусинъ-Пушкинъ, а вторымъ купецъ Леляновъ. Занимая придворную должность, графъ Пушкинъ, еще до выборовъ, поручалъ спросить: будетъ ли угодно, если онъ выступитъ кандидатомъ? На это онъ получилъ весьма благосклонный отвѣтъ, а потому никто не сомнѣвался, что онъ будетъ утвержденъ, какъ вдругъ оказалось, что утвержденъ Леляновъ, на томъ основаніи, что онъ получилъ большее количество голосовъ. Между тѣмъ, въ городскихъ выборахъ, въ отличіе отъ дворянскихъ, количество голосовъ, по-

учаемыхъ первымъ и вторымъ кандидатомъ, не имѣетъ ровно никакого значенія. На дворянскихъ выборахъ избираются два кандидата на одномъ и томъ же собраніи и одинаковымъ количествомъ голосовъ. Первымъ считается тотъ, кто получилъ больше, а вторымъ слѣдующій за нимъ. На практикѣ, этотъ порядокъ порождаетъ безпрерывныя затрудненія. Второй кандидатъ меньшинства, а того же большинства, которому онъ служитъ только подставнымъ лицомъ, на случай если первый не будетъ утвержденъ. Поэтому надобно разсчитать голоса такъ, чтобы онъ получилъ ихъ нѣсколько меньше перваго. Но такъ какъ и меньшинство кладетъ свои шары въ тотъ же ящикъ, то оно легко можетъ разстроить эти разсчеты, переложивъ второму кандидату, который черезъ это становится первымъ. Такимъ образомъ, большинство часто лишается возможности провести своего кандидата. Вслѣдствіе такого устройства въ дворянскихъ собраніяхъ происходитъ нескончаемыя закулисныя интриги. Стараются заранѣе узнать, куда будетъ класть свои шары меньшинство, подслушиваются разговоры, строго слѣдятъ за ящиками, такъ что тайная баллотировка на дѣлѣ превращается въ явную. Иногда посреди баллотировки внезапно мѣняются инструкціи, вслѣдствіе подмѣченныхъ козней меньшинства. Во избѣжаніе всѣхъ этихъ происковъ и замѣшательствъ, для городскихъ выборовъ установлена другая, весьма простая система: оба кандидата баллотируются отдѣльно, въ разныхъ собраніяхъ. При такомъ порядкѣ, каждый избиратель знаетъ, въ пользу котораго изъ двухъ онъ подаетъ свой голосъ, и какое бы количество голосовъ ни получилъ второй кандидатъ, онъ никогда не можетъ стать первымъ, который и есть настоящій избранникъ общества. Второй представляется только на случай, если первый почему-либо не можетъ быть утвержденъ. Все это весьма хорошо извѣстно всѣмъ, кто занимается городскими выборами, а также и всякому юристу; но эта подробность не была извѣстна царю, которому впервые приходилось рѣшать эти вопросы. Прямою обязанностью министра Внутреннихъ Дѣлъ, который докладывалъ это дѣло было разъяснить эти особенности. Вмѣсто того, онъ сознательно извратилъ дѣло и Лелявовъ былъ утвержденъ на томъ основаніи, что онъ получилъ большее число голосовъ противъ Пушкина. Министръ разсчитывалъ, что Лелявовъ откажется, и тогда онъ обозначитъ своего кандидата. Однако, разсчетъ оказался невѣренъ; Лелявовъ принялъ, и штука была сыграна напрасно. Но вина остается та же: это былъ явный обманъ.

Сановники расходились. Они увидѣли, что имъ предоставленъ полный просторъ дѣлать все, что угодно, и они воспользовались этимъ для своихъ цѣлей. Одни за другими стали появляться самые нелѣпые и невѣжественные проекты и записки, въ которыхъ подъ видомъ возвеличенія самодержавія, каждый хотѣлъ захватить большую или меньшую частичку его въ свою пользу. Главноуправляющій Канцеляріей для принятія прошеній,

Сипягинъ (нынѣ министръ Внутреннихъ Дѣлъ), представилъ проектъ, далеко оставлявшій за собою прежнія затѣи Манассеина. Онъ доказывалъ, что существо русскаго самодержавія состоитъ въ томъ, что царь долженъ имѣть возможность самъ рѣшать всѣ дѣла и служить прибѣжищемъ всѣхъ притѣсняемыхъ, ибо только къ нему народъ имѣетъ безграничное довѣріе. Вслѣдствіе этого предлагалось дать главноуправляющему право принимать всѣ прошенія, какъ по частнымъ дѣламъ, такъ и по дѣламъ, производимымъ во всѣхъ административныхъ и судебныхъ мѣстахъ, и рѣшать ихъ путемъ личныхъ докладовъ Государю, согласно съ волею Его Величества. Очевидно, Д. С. Сипягинъ хотѣлъ, подъ фирмою самодержавной власти, самъ быть самодержавнымъ царькомъ, ибо всѣмъ извѣстно, что дѣла по личнымъ докладамъ обыкновенно рѣшаются согласно съ мнѣніемъ докладчика, такъ какъ монархъ не имѣетъ ни малѣйшей возможности провѣрить основательность представленія. Едва ли этому изумительному предложенію суждено осуществиться. Ясно, что всѣ министры должны противъ него возстать, ибо черезъ это они, въ сущности, становятся подчиненными главноуправляющаго Канцеляріей для принятій прошеній; но самая возможность внесенія въ Государственный Совѣтъ такихъ дикихъ проектовъ можетъ служить характернымъ признакомъ времени*).

Министръ Финансовъ не хотѣлъ отстать отъ своего товарища и друга. Онъ, въ свою очередь, по поводу предложеннаго министромъ Внутреннихъ Дѣлъ введенія земскихъ учрежденій въ Западныхъ губерніяхъ, представилъ записку, въ которой, возвеличивая самодержавіе, онъ, вопреки самымъ элементарнымъ понятіямъ государственнаго права и политики, вопреки всей исторіи, какъ западно-европейской, такъ и русской, доказывалъ, что съ этимъ образомъ правленія несовмѣстны всесословныя выборныя учрежденія. Единственное сообразное съ этимъ началомъ орудіе управленія есть, по мнѣнію министра Финансовъ, всемогущее и всеохватывающее чиновничество. Китай представляется ему идеаломъ государственнаго устройства. Когда умный человѣкъ проповѣдываетъ подобныя небылицы, въ которыя самъ онъ не можетъ вѣрить, то надобно искать за этимъ како-либо задней мысли. Здѣсь она очевидно заключается въ томъ, чтобъ, забравъ какъ можно болѣе силы и власти въ свои руки, устранивъ все, что можетъ препятствовать полному ея разгулу. Каждому министру, конечно, выгодно выступать ярымъ защитникомъ самодержавія, ибо на этомъ зиждется собственное его положеніе. Подъ этою фирмой, алчная къ власти бюрократія, оторванная отъ почвы, погруженная въ бумажное дѣлопроизводство, не имѣющая понятія объ истинныхъ потребностяхъ народа и представляющая ихъ постоянно въ превратномъ видѣ, сообразно съ личными цѣлями правящихъ чиновниковъ, хочетъ руководить всею жизнью русскаго общества, направлять его по своему усмотрѣнію, опутать

*) Проектъ этотъ въ свое время не прошелъ. *Прим. ред.*

его цѣлою сѣтью агентовъ, не дать ему дохнуть, однимъ словомъ уничтожить въ немъ всякую самостоятельность и всякую самодѣятельность. Можно себѣ представить, что бы вышло, еслибы эта программа осуществилась. Это былъ бы конецъ Россіи; всѣ ея живыя силы были бы подорваны, и она задохнулась бы въ бюрократическихъ тискахъ.

Однако, министерство Внутреннихъ Дѣлъ не оставило этой записки безъ отвѣта. Оно вовсе не желало выпустить изъ своихъ рукъ подчиненное ему и удобное во многихъ отношеніяхъ земство. Поэтому оно выступило въ его защиту, утверждая, что оно, въ сущности представляетъ такое же чиновничье учрежденіе, какъ и всѣ другія, доказательствомъ чему является то, что служащимъ въ немъ присвоены чины и мундиры. Единственная бѣда состоитъ, по мнѣнію министерства, въ недостаточной регламентаціи его дѣятельности; это было опущено при составленіи Земскаго положенія. Но когда министерство восполнитъ этотъ пробѣлъ, когда оно опутаетъ земство цѣлою сѣтью изданныхъ имъ правилъ, тогда все придетъ въ надлежащій порядокъ.

Такимъ образомъ, на несчастное земство, которое держитъ себя тише воды, ниже травы, собирается гроза со всѣхъ сторонъ, во имя самодержавія, то есть произвола чиновниковъ. У него хотятъ отнять школы, ограничить его право самообложенія, поставить его подъ бюрократическую опеку, выгнать изъ него всякій независимый духъ и превратить его въ чисто чиновничье учрежденіе. Насколько этотъ походъ будетъ имѣть успѣхъ, покажетъ будущее.

Рядомъ съ этимъ проектируется и реформа судовъ. И тутъ результатъ еще неизвѣстенъ; но при существующемъ настроеніи въ высшихъ сферахъ, можно понять, въ какомъ направленіи должно совершиться преобразованіе. И теперь уже отъ судебныхъ уставовъ осталась почти что одна форма; духъ, ихъ оживлявшій, давно отлетѣлъ. Къ чести Муравьева надобно сказать, что онъ не счелъ начала несмѣняемости судей несовмѣстнымъ съ самодержавіемъ, хотя, при открытіи комиссіи, онъ коснулся этого вопроса и примѣръ товарищей по министерству былъ слишкомъ соблазнителенъ. Однако, въ проектѣ это начало не распространяется на низшіе, близкіе къ народу суды, которыми предполагается замѣнить упраздненные мировые. А такъ какъ рядомъ съ этимъ остаются и земскіе начальники, то это будетъ лишь новый бюрократическій элементъ, внѣдряющійся въ мѣстную жизнь. Съ другой стороны, съ введеніемъ винной монополіи, провинція наводняется цѣлою массою правительственныхъ агентовъ. Русская провинція, въ которой доселѣ еще можно было дышать лишь благодаря тому, что правительственная власть была далека, нынѣ охватывается ею во всѣхъ своихъ углахъ. Бюрократія всюду пускаетъ свои развѣтвленія, стремясь опутать всю русскую жизнь желѣзною цѣпью произвола и формализма. Вольный воздухъ степей заражается міазмами, идущими изъ петербургскихъ кан-

целярій и распространяющихся по всей несчастной русской землѣ.

А между тѣмъ, эта бюрократія, которая стремится всюду властвовать и все забрать въ свои руки, оказалась совершенно несостоятельною именно въ той отрасли, откуда ей удалось изгнать всякую самостоятельность, въ народномъ просвѣщеніи. Здѣсь произошла перемѣна, которая могла имѣть важныя послѣдствія. Раздавившій русскіе университеты и возведенный за это въ графское достоинство, Делянов умеръ, покоясь на лаврахъ. На его мѣсто назначенъ былъ впервые человѣкъ, вышедшій изъ учащаго сословія, а потому близко знакомый съ его потребностями и взглядами—Н. П. Боголѣповъ, недавно еще дѣльный профессоръ римскаго права, сперва выборный, потомъ назначенный отъ правительства ректоръ московскаго университета, а затѣмъ возведенный въ попечители московскаго учебнаго округа. Онъ пользовался репутаціей безукоризненной честности, и можно было ожидать, что онъ воспользуется своимъ положеніемъ, чтобы возвратить университетамъ безсмысленно отнятыя у нихъ права и возстановить въ нихъ нормальный порядокъ. Этого требовало уваженіе къ университетамъ и къ просвѣщенію, и минута была самая благопріятная. Однимъ этимъ актомъ пріобрѣталась огромная популярность новому министру. Но такова уже у насъ судьба людей, что когда они возвышаются по чиновной лѣстницѣ и вступаютъ въ затхлую атмосферу высшей бюрократіи, у нихъ отуманивается голова и всякія здравыя понятія исчезаютъ. Новый министръ народнаго просвѣщенія явился первымъ противникомъ автономіи университетовъ. Полицейскіе взгляды возобладали надъ уваженіемъ къ просвѣщенію. То, что въ деспотическое правленіе Николая I представлялось естественнымъ и нормальнымъ, выборъ ректора и деканов, то въ концѣ XIX-го вѣка, послѣ великихъ преобразованій, обновившихъ всю русскую землю, министру, вышедшему изъ среды ученаго сословія, показалось опаснымъ. Ему было, однако, извѣстно, что не далѣе, какъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, при введеніи новаго устава, министерство Народнаго Просвѣщенія, какъ уже сказано было выше, назначило на эти должности тѣхъ самыхъ лицъ, которыя передъ тѣмъ были выбраны университетами, и этимъ яснѣе дня доказало, что выборы не заключали въ себѣ ничего опаснаго, а напротивъ, заслуживали довѣрія правительства. Съ тѣхъ поръ оно властвовало безгранично, наполняло университеты своими клевретами, сажало на должности кого ему было угодно. Если за это время положеніе такъ измѣнилось, что выборы сдѣлались опасными, то это могло быть только горькою ироніей, самою злою критикой устава 1884 года; этимъ доказывалось полное безсиліе правительства и необходимость возвращенія къ нормальному порядку. Но для людей, ослѣпленныхъ властью, самые очевидные доводы пропадаютъ даромъ. Минута была упущена, и порядокъ вещей, порожденный уставомъ 1884 года, продолжалъ существовать.

Горькіе плоды этого устава не замедлили обнаружиться. По самому пустому поводу въ петербургскомъ университетѣ возникли безпорядки, которые затѣмъ распространились по всѣмъ университетамъ и другимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ. Поводъ состоялъ въ томъ, что передъ актомъ ректоръ вывѣсилъ объявленіе, въ которомъ перечислялись наказанія, установленныя закономъ за безпорядки на улицахъ. Студенты обидѣлись и на актѣ освистали ректора, но затѣмъ, въ доказательство, что въ этой демонстраціи не было ничего политическаго, самымъ чиннымъ образомъ пропѣли гимнъ: Боже, Царя храни! Между тѣмъ, полиція, заранѣе извѣщенная о готовившихся въ стѣнахъ университета безпорядкахъ, вздумала почему-то принять мѣры на улицахъ. При выходѣ изъ университета, студенты нашли преграженнымъ путь по Дворцовому мосту и по Невѣ. Они хотѣли прорваться, но полиція ихъ не пускала. Они стали кидать въ полицію снѣжками, отъ чего лошади конной стражи испугались. Тогда конный полицейскій отрядъ принялъ въ нагайки всю эту толпу, въ которой находились не одни студенты, но также профессора и постороннія лица. Это была дикая расправа, которая возмутила не только студентовъ, но и все петербургское общество; оно горою стало за молодежь. Въ университетѣ начались сходки; студенты рѣшили прекратить посѣщеніе лекцій, пока имъ не дано будетъ удовлетворенія. По всѣмъ другимъ университетамъ разосланы были эмиссары, и вездѣ было рѣшено не ходить на лекціи. Оказалось, что профессорская корпорація была разрушена, но студенты были организованы. Противъ этого движенія тупое университетское начальство, лишенное всякихъ средствъ нравственнаго воздѣйствія, приняло чисто полицейскія мѣры. Студентовъ, безъ всякаго разбора и суда, массами исключали изъ университета, а полиція немедленно высылала ихъ на мѣста жительства.

Никогда прежнія выборныя университетскія власти не вели себя такимъ недостойнымъ образомъ. Случалось, что онѣ твердо стояли противъ студенческихъ безпорядковъ, какъ было въ Московскомъ университетѣ въ 1861 году; но онѣ бережно и любовно относились къ учащейся молодежи. Онѣ чувствовали свою нравственную связь со студентами и съ университетомъ. Исключеніе изъ университета считалось строгимъ наказаніемъ, которое никогда не прилагалось безъ тщательнаго разбора дѣла. Противъ полиціи университетскія власти являлись заступниками за студентовъ. При всякихъ полицейскихъ разслѣдованіяхъ былъ депутатъ отъ университета, который старался отстоять невинныхъ и облегчить судьбу виновныхъ. Студенты чувствовали, что о нихъ есть попеченіе. Новыя же власти, созданныя уставомъ 1884 года, показали себя тѣмъ, чѣмъ онѣ были на самомъ дѣлѣ,— чисто полицейскими чиновниками. Онѣ превзошли даже полицію въ повальномъ примѣненіи административнаго произвола. Когда же профессора хотѣли вступиться въ эти обострившіяся отно-

шенія и просили разрѣшенія собраться въ Совѣтъ и обсудить положеніе вещей, какъ было въ Кіевѣ и въ Казани, имъ объявляли, чтобы они не вмѣшивались не въ свое дѣло и формально воспрещали собираться. Въ Москвѣ профессоръ физики, который старался успокоить студентовъ увѣщаніями, сперва на каѳедрѣ, а потомъ на дому, получилъ такое же внушеніе. И все это поддерживалось министерствомъ, которое, кромѣ самыхъ крутыхъ полицейскихъ мѣръ, ничего не хотѣло знать. Понятно, что это могло произвести только вящшее раздраженіе.

Однако, и въ петербургскихъ высшихъ бюрократическихъ сферахъ, благодаря внутреннимъ раздорамъ министровъ, нашлись заступники за студентовъ. Въ пику министру внутреннихъ дѣлъ, министръ финансовъ подалъ записку, въ которой онъ рѣзко нападалъ на полицію, доказывалъ, что въ студенческомъ движеніи нѣтъ ничего политическаго, и предлагалъ учрежденіе комиссіи, подъ предсѣдательствомъ довѣреннаго Государю лица, для разслѣдованія причинъ студенческихъ безпорядковъ. Это предложеніе было принято; назначена была комиссія, подъ предсѣдательствомъ бывшаго военнаго министра, генерала Ванновскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, студентамъ было объявлено, что до окончательнаго разслѣдованія дѣла, всѣ исключенные и высланные ихъ товарищи будутъ возвращены. Это возымѣло свое дѣйствіе; волненія временно прекратились.

Но правительство само позаботилось объ ихъ возобновленіи. Высланные студенты дѣйствительно были возвращены вездѣ, исключая Кіева; но здѣсь министерство упорно въ этомъ отказывало, вѣроятно вслѣдствіе того, что въ числѣ исключенныхъ были многіе поляки и евреи, замѣшанные въ прежнихъ безпорядкахъ, бывшихъ по поводу открытія памятника Мицкевичу. Кіевскіе студенты раздѣлились на двѣ партіи, изъ которыхъ одна стояла за продолженіе забастовки, пока высланные не будутъ возвращены, а другая хотѣла только просить о ихъ возвращеніи и между тѣмъ посѣщать лекціи. Разумной власти не трудно было поддержать послѣднихъ; вмѣсто того, она отдала ихъ на жертву забастовщикамъ. Когда же профессора хотѣли выступить посредниками и подали о томъ записку, имъ воспретили собираться. Такой способъ дѣйствія, разумѣется, могъ только разжечь огонь и дать силу крайнимъ элементамъ, которые начали прибѣгать даже къ насиліямъ для достиженія своихъ цѣлей. Отъ кіевскихъ студентовъ посланы были повсюду эмиссары, съ просьбою о поддержкѣ, вслѣдствіе чего и въ другихъ университетахъ прекратившаяся было забастовка возобновилась съ новою силой. Тогда министерство приняло самую необыкновенную мѣру: оно исключило всѣхъ студентовъ изъ всѣхъ русскихъ университетовъ, при чемъ имъ было объявлено, что они могутъ подавать прошенія объ обратномъ вступленіи, но начальство будетъ принимать, по своему усмотрѣнію, только тѣхъ, которыхъ оно признаетъ благонадежными. Это было циническое возведеніе административнаго

произвола въ принципъ университетскаго управленія. Часть студентовъ, которымъ, во что бы ни стало, нужно было держать экзаменъ, на это пошли, но значительная часть осталась исключенною. Университеты подверглись полному разстройству; студенты были оскорблены, профессора были оскорблены, общество было возмущено, но полицейская сила, въ лицѣ министра и его клевретовъ, торжествовала побѣду.

Между тѣмъ, комиссія Ванновскаго кончила свои разслѣдованія. Каковъ былъ ея докладъ, публикѣ осталось неизвѣстнымъ.

. . . . . .

Несравненно хуже тѣ суровыя мѣры противъ учащейся молодежи, которыя были выработаны въ совѣщаніи управляющихъ различными учебными заведеніями министровъ, военнаго, финансовъ, земледѣлія, народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ. Нетолько за произведеніе безпорядковъ въ заведеніяхъ или внѣ оныхъ, но и за упорное уклоненіе, по уговору, отъ учебныхъ занятій и за подстрекательство къ такому уклоненію, молодые люди присуждаются къ отбыванію воинской повинности, на срокъ отъ одного до трехъ лѣтъ, несмотря ни на льготы по семейному положенію, ни на избавляющій отъ повинности жребій, ни даже на недостаточный возрастъ, и потомъ съ потерею пріобрѣтенныхъ уже по образованію льготъ. Негодные для строевой службы назначаются въ нестроевыя должности. Впервые такая мѣра является въ видѣ общаго закона. Въ дореформенныя времена, виновныхъ, особенно въ политическихъ проступкахъ, отдавали иногда въ солдаты; но это были исключительные случаи и на это требовалось каждый разъ особое Высочайшее повелѣніе. Только крѣпостные отдавались въ рекруты по волѣ господъ. Со введеніемъ же всеобщей воинской повинности все это исчезло. Солдатская служба перестала быть карой; служеніе отечеству получило болѣе возвышенное и благородное значеніе. Въ настоящее время мы снова возвращаемся къ дореформеннымъ понятіямъ и пріемамъ. Вдобавокъ, то, что прежде допускалось лишь, какъ рѣдкое исключеніе, по личному рѣшенію монарха, то нынѣ возводится въ правило, приложеніе котораго предоставляется министрамъ. Для суда надъ провинившимися юношами учреждаются особыя совѣщанія изъ представителей разныхъ вѣдомствъ, и на рѣшеніе подлежащаго министра нѣтъ апелляціи. Судьба цѣлой массы молодыхъ людей, даже пріобрѣтенныя права, всецѣло предаются министерскому рѣшенію. Мѣра эта была просто объявлена Сенату министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, тогда какъ, по основнымъ законамъ Русской Имперіи, для отмѣны законодательныхъ постановленій требуется Именной указъ, подписанный Государемъ. И вся эта жестокая расправа, напоминающая худшія преданія дореформеннаго быта, вводится при участіи и подъ отвѣтственностью министра Народнаго Просвѣщенія, вышедшаго изъ среды профессорскаго сословія, питомца Московскаго университета!!

Надобно, впрочемъ, сказать, что эти мѣры служили больше для устрашенія. Прилагать ихъ доселѣ не приходилось, ибо университеты, послѣ вакацій, открылись при полномъ спокойствіи. Всѣмъ исключеннымъ студентамъ дана была возможность вернуться къ занятіямъ, и поводы къ волненіямъ были такимъ образомъ устранены. Надолго-ли наступило затишье, мудрено сказать. Возстановить внѣшній порядокъ въ университетахъ, конечно, не трудно. Но воображать, что полицейская расправа въ состояніи произвести нравственное умиротвореніе, можно только при отсутствіи всякаго понятія о свойствахъ и стремленіяхъ юношества. Подобныя мѣры способны только возстановить учащихъ и учащихся и сдѣлать ихъ непримиримыми врагами правительства. А между тѣмъ, у правительства нѣтъ иного способа дѣйствія, ибо оно само разрушило корпорацію профессоровъ, единственное возможное орудіе нравственнаго вліянія. Не поражающими своею наивностью наставленіями инспекціи, не устройствомъ литературныхъ кружковъ и студенческихъ общежитій можно успокоить взволнованные умы. Для этого надобно прежде возстановить въ университетахъ нормальный порядокъ, то есть возвратить имъ тѣ права, которыя принадлежатъ имъ по существу, и которыя были даны имъ старыми уставами 1804, 1835 и 1863 годовъ.

Изъ всѣхъ странъ, подвластныхъ скипетру русскихъ царей, была одна, которая пользовалась полнымъ благоустройствомъ и благосостояніемъ; это была Финляндія. Между тѣмъ, какъ въ настоящее время можно пройти всю русскую землю отъ Ледовитаго моря до Туркестанскихъ степей и не встрѣтить ни одного отраднаго явленія и ни одного довольнаго человѣка, кромѣ тѣхъ, которые, пользуясь покровительствомъ власти, ловятъ рыбу въ мутной водѣ, здѣсь люди жили мирно и счастливо, довольные своею судьбой и своими учрежденіями, благословляя охраняющую ихъ длань русскихъ монарховъ. Здѣсь законный порядокъ и свобода—вотъ контрастъ, который можно было наблюдать у самыхъ воротъ столицы. Онъ съ полною очевидностью доказывалъ преимущества конституціоннаго правленія передъ неограниченной монархіей.

Конституціонныя права Финляндіи были утверждены на совершенно ясномъ и точномъ основаніи законовъ и никогда не подвергались ни малѣйшему сомнѣнію. До присоединенія къ Россіи она входила въ составъ шведскаго государства и пользовалась искони принадлежавшими шведскому народу политическими правами. Эти права существенно состояли въ участіи государственныхъ чиновъ, составленныхъ изъ представителей четырехъ сословій, дворянства, духовенства, горожанъ и сельчанъ, въ законодательствѣ и обложеніи. Одно время въ Швеціи преобладала аристократія, и это повело къ разстройству государства. Но при Густавѣ III монархическая власть была возстановлена въ прежней силѣ. Ея права и ея отношенія къ чинамъ были опре-

дѣлены Формою Правленія 1772 года и Актомъ Соглашенія и Безопасности 1789 года.

Однако, съ тѣхъ поръ, какъ русская держава придвинулась къ Балтійскому морю, положеніе Финляндіи между Швеціей и Россіей было трудное. Со временъ Петра Великаго она была постояннымъ театромъ войны. Вслѣдствіе этого въ ней пробудилось стремленіе отдѣлиться отъ Швеціи и образовать самостоятельное, нейтральное государство. Русское правительство поддерживало эти вожделѣнія. Въ манифестѣ 1742 года, изданномъ по поводу войны съ Швеціей, Елисавета прямо обратилась съ воззваніемъ къ Финляндцамъ, объявляя имъ, что если они хотятъ отдѣлиться отъ Швеціи и образовать независимое государство, то Россія будетъ имъ въ этомъ помогать. При Екатеринѣ, во время Шведской войны, стремленіе къ отдѣленію проявилось при образованіи Аньяльскей конфедераціи, составленной офицерами шведскаго войска противъ короля; она черезъ Спренгтпортена вошла въ сношенія съ русскимъ дворомъ. На его докладѣ Императрица собственноручно написала: „Еслибы проектъ независимости Финляндіи былъ вопросомъ, то отвѣтъ, что этотъ проектъ не противорѣчитъ интересамъ Россіи, нетрудно было бы найти.“ Дѣло было предложено совѣщанію высшихъ сановниковъ, и оно постановило, что „такъ какъ соединеніе Финляндіи съ Швеціей никогда не можетъ быть въ нашихъ выгодахъ, то мы должны прежде всего требовать отдѣленія Финляндіи отъ этой страны.“ Однако, при Екатеринѣ эти сношенія не привели ни къ чему. Но Спренгтпортенъ, вступившій на русскую службу, продолжалъ свои проэкты при Александрѣ I. Онъ стремился образовать изъ Финляндіи особое государство, соединенное съ Россіей, и Александръ вошелъ въ эти виды, которые вполнѣ соотвѣтствовали его образу мыслей. Они осуществились послѣ войны съ Швеціей, поведшей къ завоеванію Финляндіи.

Еще прежде окончанія войны въ Петербургъ были вызваны депутаты отъ всѣхъ чиновъ для обсужденія съ ними положенія дѣлъ и необходимыхъ мѣръ для устройства Финляндіи. Однако, депутаты не сочли себя уполномоченными для какихъ либо рѣшеній. Они, а съ ними и Спренгтпортенъ, настаивали на созваніи настоящаго сейма, выбраннаго по законамъ страны. Спренгтпортенъ представлялъ, что это единственное средство привлечь къ себѣ сердца Финляндцевъ и привязать ихъ къ Россіи. Александръ согласился, такъ какъ это входило въ его виды; сеймъ былъ созванъ въ Борго. Въ манифестѣ 15 марта 1809 года было сказано: „Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика, по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ

и дѣйствіи; во утвержденіе чего и сію грамоту собственноручнымъ подписаніемъ Нашимъ утвердить благоволили." Въ рѣчи, произнесенной при открытіи сейма, Александръ говорилъ: „Я хотѣлъ видѣть васъ, чтобы дать вамъ новое доказательство моихъ намѣреній для блага вашего отечества. Я обѣщалъ сохранить вашу конституцію, ваши коренные законы; ваше собраніе здѣсь гарантируетъ вамъ мое обѣщаніе." Въ предложеніяхъ, представленныхъ сейму, было сказано: „Е. И. Величество, созывая чины Финляндіи въ общій сеймъ, хотѣлъ этимъ дать торжественное доказательство своихъ великодушныхъ намѣреній сохранить и поддержать ненарушимо религію, законы, конституцію края, права и привиллегіи всѣхъ чиновъ вообще и каждаго гражданина въ особенности."

Александръ хотѣлъ еще болѣе торжественнымъ актомъ закрѣпить связь между Финляндіей и Россіей. Въ Боргосскомъ соборѣ, сидя на престолѣ украшенномъ финляндскимъ гербомъ, онъ принялъ присягу чиновъ. Въ церемоніалѣ было сказано (ст. 7): „Послѣ чего генералъ-губернаторъ объявитъ, что Е. И. Величество соизволилъ торжественно утвердить конституцію Финляндіи, освящая ее своею подписью; онъ громко прочтетъ Актъ Утвержденія и передастъ его маршалу дворянства." Присяга дворянства была такова: „Мы, рыцарство и дворянство, собранныя въ этомъ общемъ сеймѣ, какъ за насъ самихъ, такъ и за тѣхъ изъ нашего сословія, которые остались дома, обѣщаемъ и клянемся, всѣ вмѣстѣ и каждый въ особенности, передъ Богомъ и Святымъ Его Евангеліемъ, что мы признаемъ своимъ Государемъ Александра I, Императора и Самодержца всей Россіи, Великаго Князя Финляндскаго, и что мы хотимъ сохранить ненарушимо основные законы и конституціи края, такъ какъ они существуютъ и дѣйствуютъ, а также быть опорою Верховной Власти" и проч.

Такимъ образомъ еще до заключенія мира съ Швеціей, Александръ I торжественнымъ актомъ присоединилъ Финляндію къ Россіи, обѣщавъ сохранить ея права и ея конституцію. Поэтому, когда при мирныхъ переговорахъ шведскіе уполномоченные настаивали на томъ, чтобы въ трактатъ включена была статья, гласящая, что Русскій Императоръ обязывается сохранить ненарушимыми права и конституцію Финляндіи, какъ обыкновенно дѣлается въ подобныхъ случаяхъ, то Румянцевъ отвѣчалъ, что тутъ положеніе совершенно иное, нежели обыкновенно, что Государь пріобрѣлъ уже любовь финляндцевъ, принялъ ихъ присягу и утвердилъ ихъ права. „Этотъ аргументъ подѣйствовалъ," писалъ Румянцевъ Государю. Вслѣдствіе этого, въ 6-ой статьѣ Фридрихсгамскаго трактата сказано только, что „поелику Е. В. Императоръ Всероссійскій самыми несомнѣнными опытами милосердія и правосудія ознаменовалъ уже образъ правленія своего жителямъ пріобрѣтенныхъ имъ нынѣ областей, обезпечивъ, по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго своего соизволенія, свободное отправленіе ихъ вѣры, права собственности и преиму-

щества: то Его Шведское Величество, тѣмъ самымъ освобождается отъ священнаго впрочемъ долга чинить о томъ въ пользу прежнихъ своихъ подданныхъ какія либо условія."

Стало быть, государственное положеніе Финляндіи потому только не сдѣлалось предметомъ международнаго обязательства, что ея конституція была уже утверждена русскимъ Императоромъ. Если это было сдѣлано по собственному его соизволенію, то и присяга финляндцевъ была принесена добровольно. Это было прямо сказано въ манифестѣ 23 марта 1809 года: „Объявляя о семъ, Мы полагаемъ должнымъ вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстить нашихъ вѣрныхъ подданныхъ Финляндіи, что основываясь на старинномъ и чтимомъ въ этомъ краѣ обычаѣ, мы взираемъ на присягу вѣрности, добровольно и по собственному побужденію принесенную сословіями вообще и депутатами отъ крестьянъ въ частности, за себя и за своихъ довѣрителей, какъ на дѣйствительную и обязательную для всѣхъ жителей Финляндіи". Александръ намѣренно подчеркивалъ, что Финляндія присоединяется къ Россіи не какъ завоеванный край, а какъ добровольно отдавшая себя въ подданство русскому Императору.

Рѣшено было сохранить и военныя учрежденія края, Въ изданномъ по этому поводу манифестѣ 15 марта 1810 г. сказано: „Съ тѣхъ поръ какъ Провидѣніе ввѣрило намъ судьбу Финляндіи, Мы рѣшили править этою страною, какъ народомъ свободнымъ, пользующимся тѣми правами, которыя гарантированы ему его конституціею... Всѣ акты, изданные доселѣ для внутренняго управленія края, суть только послѣдствія и приложенія этого начала. Сохраненіе религіи и законовъ, созывъ сейма, учрежденіе Правительствующаго Совѣта внутри націи, ненарушимое сохраненіе порядка судебнаго и административнаго, суть тому доказательства, которыя должны упрочить финскому народу права его политическаго существованія".

Учрежденный Александромъ Правительствующій Совѣтъ былъ впослѣдствіи переименованъ въ Сенатъ, дабы поставить его, какъ верховное государственное учрежденіе, на ряду съ Сенатами Русской Имперіи и царства Польскаго. Въ изданномъ по этому поводу манифестѣ 1816 г. сказано: „Бывъ удостовѣрены, что конституція и законы, къ обычаямъ, образованію и духу финляндскаго народа примѣненные и съ давнихъ временъ положившіе основаніе гражданской его свободѣ и устройству, не могли бы быть ограничиваемы и отмѣняемы безъ нарушенія оныхъ, Мы, при воспріятіи царствованія надъ симъ краемъ, не только торжественнѣйше утвердили конституцію и законы сіи, съ принадлежащими, на основаніи оныхъ, каждому финляндскому согражданину особенными правами и преимуществами, но, по предварительномъ разсужденіи о семъ съ собравшимися земскими сего края чинами, и учредили особенное Правительство, подъ названіемъ Правительствующаго Совѣта, составленнаго изъ коренныхъ финляндцевъ, который доселѣ управляль гражданскою

частью края сего и рѣшилъ судебныя дѣла, въ качествѣ послѣдней инстанціи, не зависѣвъ ни отъ какой другой власти, кромѣ власти законовъ и сообразующейся съ оными Монаршей Нашей воли. Таковыми мѣрами оказавъ наше доброе расположеніе, которое имѣли и впредь будемъ имѣть къ финляндскимъ вѣрноподданнымъ Нашимъ, надѣемся Мы, что довольно утвердили на всегдашнія времена данное Нами обѣщаніе о святомъ сохраненіи особенной конституціи края сего подъ державою Нашею и Наслѣдниковъ Нашихъ".

Послѣ всего этого, кажется, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія для всякаго человѣка, которой не хочетъ намѣренно закрывать глаза на истину, что Финляндія присоединена къ Россіи не какъ завоеванная область, а какъ отдѣльное государство, неразрывно связанное съ Россіей, но имѣющее свою особенную конституцію. Въ докладѣ Сперанскаго императору Александру по финляндскимъ дѣламъ, отъ 11 февраля 1811 г., прямо сказано: „Финляндія есть государство, а не губернія". Поэтому и статья 4 Основныхъ Законовъ Русской Имперіи гласитъ: „Съ престоломъ Россійской Имперіи неразрывно связаны престолы Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго". Это совершенно ясно и иначе быть не можетъ, ибо, хотя монархъ одинъ, но власть его въ обоихъ государствахъ разная: въ одномъ онъ является монархомъ неограниченнымъ, въ другомъ онъ ограниченъ конституціей и правами чиновъ. Образъ правленія, то есть устройство верховной власти, въ соединенныхъ государствахъ разный. Эта связь есть то, что въ государственномъ правѣ называется реальнымъ соединеніемъ. Всѣ возраженія, которыя дѣлаются противъ этого опредѣленія, на томъ основаніи, что въ настоящемъ случаѣ эти государства неравноправны, не имѣютъ силы, ибо реальное соединеніе, также какъ и конституціонная монархія; не есть устройство, которое подводится непремѣнно къ одному шаблону. Условія могутъ быть разныя; но существо отношеній не подлежитъ сомнѣнію: оно основано на самой буквѣ закона.

Вводя такое устройство въ завоеванной русскимъ оружіемъ странѣ, Александръ I руководствовался не одними либеральными убѣжденіями своей молодости, онъ имѣлъ въ виду весьма опредѣленныя политическія цѣли: онъ хотѣлъ не только осчастливить покоренный народъ, но и соблюсти истинные интересы Россіи. Въ опубликованномъ Даніэльсономъ секретномъ рескриптѣ финляндскому генералъ-губернатору по вопросу объ отношеніяхъ къ Швеціи, сказано: „Съ присоединеніемъ Финляндіи къ Россіи, вся цѣль нашихъ въ сей странѣ предположеній была достигнута. Два главныя правила отсюда проистекали: 1) чтобы не входить ни подъ какимъ видомъ во внутреннія дѣла Швеціи; 2) чтобъ внутреннимъ устройствомъ Финляндіи предоставить народу сему несравненно болѣе выгодъ въ соединеніи съ Россіею, нежели сколько онъ имѣлъ бы подъ обладаніемъ Швеціи. Изъ

перваго правила произошло все поведеніе, какое въ дѣлахъ Швеціи доселѣ было наблюдаемо. Изъ втораго возникло то устройство, которое теперь въ Финляндіи дѣйствуетъ". И далѣе: „Намѣреніе Мое при устройствѣ Финляндіи состояло въ томъ, чтобы дать этому народу бытіе политическое, чтобы онъ считался не порабощеннымъ Россіи, но привязаннымъ къ ней собственными его очевидными пользами; для сего: 1) сохранены ему не только гражданскіе, но и политическіе его законы"...

Исторія оправдала эту гуманную, а вмѣстѣ и дальновидную политику. Въ теченіи девяноста лѣтъ Финляндія соединена съ Россіей и во все это время она не подавала ни малѣйшаго повода къ политическимъ осложненіямъ. Еслибы въ двѣнадцатомъ году недовольная область стремилась вновь присоединиться къ Швеціи и русское правительство принуждено было бы держать тамъ большее или меньшее количество войска, то исходъ войны могъ быть иной. При Николаѣ I Финляндія была вовлечена въ Восточную войну во имя интересовъ совершенно ей чуждыхъ; она потеряла въ ней весь свой торговый флотъ, уничтоженный англичанами; но это нисколько не поколебало ея вѣрности. Объ этомъ свидѣтельствовали русскіе монархи съ высоты престола, и это болѣе чѣмъ превѣшиваетъ расточаемыя нынѣ клеветы, въ подкрѣпленіе которыхъ не приводится даже и тѣни доказательства.

Однако, Александръ I, который, какъ извѣстно, во вторую половину своего царствованія измѣнилъ своимъ либеральнымъ стремленіямъ, не созывалъ болѣе сеймовъ, что производило застой въ законодательствѣ. По финляндской конституціи, основанной на шведскихъ уставахъ, собраніе чиновъ предоставлялось вполнѣ усмотрѣнію Государя. Тоже самое продолжалось и въ долголѣтнее царствованіе Николая I. Возникавшія въ жизни потребности разрѣшались правительственными постановленіями. Всякому, нѣсколько знакомому съ государственнымъ правомъ, извѣстно, что различіе между закономъ и постановленіемъ весьма шатко, вслѣдствіе чего сильныя правительства нерѣдко дозволяютъ себѣ рѣшать путемъ постановленій то, что по существу дѣла должно было бы рѣшаться закономъ. Финляндская же конституція въ этомъ отношеніи предоставляла монарху значительный просторъ: вся экономическая и административная область могла регламентироваться путемъ указовъ. Тѣмъ не менѣе, основанія финляндской конституціи, утвержденной Императоромъ, даже и въ это царствованіе оставались непрпкосновенными.

Знаменательное для Россіи царствованіе Александра II было и для Финляндіи началомъ новой жизни. Въ первый разъ послѣ 1809 года снова былъ созванъ сеймъ. Этимъ не только подвигалось рѣшеніе многихъ важныхъ дѣлъ, требовавшихъ содѣйствія чиновъ, на что было указано въ изданномъ по этому поводу Высочайшемъ повелѣніи, что Государь хотѣлъ, передъ лицемъ всей Европы, показать, что если онъ въ то же самое время

подавлялъ польское возстаніе, то онъ дѣлалъ это не какъ врагъ свободы народовъ. Онъ хотѣлъ выказать себя другомъ конституціонныхъ учрежденій, когда они являются не какъ революціонное требованіе, а какъ законный порядокъ вещей, согласный съ истинными интересами народа. Въ рѣчи, сказанной при открытіи сейма, онъ обѣщалъ даже расширеніе конституціонныхъ правъ; „сохраняя монархическій конституціонный принципъ, присущій правамъ финляндскаго народа, и отъ котораго всѣ его законы и учрежденія носятъ свой отпечатокъ", говорилъ великодушный монархъ, „Я намѣренъ допустить и болѣе широкое право, нежели то, которое доселѣ имѣютъ чины относительно податнаго обложенія и законодательнаго почина, издревле имъ принадлежавшаго"... „Вы, представители Великаго Княжества", заключалъ онъ, „должны доказать, достоинствомъ, умѣренностью и спокойствіемъ вашихъ совѣщаній, что въ рукахъ разумнаго народа, рѣшившагося работать, въ согласіи съ Государемъ, въ практическомъ духѣ, видъ развитіемъ своего благосостоянія, либеральныя учрежденія не только не представляютъ опасности, но становятся гарантіями порядка и благосостоянія". Представители Финляндіи вполнѣ оправдали эти надежды.

Важнѣйшимъ расширеніемъ правъ было установленіе періодичности сеймовъ. По 2-й статьѣ изданнаго въ 1869 году Сеймова́го Устава, они должны созываться по крайней мѣрѣ каждый пятый годъ. Статьею 71 того же Устава постановлено, что основные законы страны могутъ быть измѣняемы не иначе, какъ по предложенію Государя и съ согласія всѣхъ сословій, а въ утвержденіи Устава сказано, что Государь сохраняетъ за собою принадлежащее ему право въ томъ видѣ, какъ оно установлено въ Формѣ Правленія 1772 года и въ Актѣ Соглашенія и Безопасности 1780 года, чѣмъ самымъ оба эти закона признаны основными законами Финляндіи.

При Александрѣ II, въ 1878 году, проведенъ былъ и новый законъ о воинской повинности, замѣнившій прежнюю устарѣлую помѣстную систему. Какъ водится при переговорахъ, это было сдѣлано на основаніи обоюдныхъ уступокъ. Финляндія обязалась содержать 5000 постояннаго мѣстнаго войска для защиты края. Изъ 134 статей этого устава, 14, по ходатайству чиновъ, были признаны основными законами Великаго Княжества, такъ какъ ими отмѣнялся прежній основной законъ. Остальное подлежало измѣненію въ обыкновенномъ законодательномъ порядкѣ, то есть, не съ согласія всѣхъ четырехъ сословій, а большинствомъ трехъ.

Расширеніе права законодательнаго почина, обѣщанное Александромъ II, не было однако приведено имъ въ исполненіе; но это было сдѣлано его преемникомъ, который въ этомъ отношеніи слѣдовалъ по стопамъ отца. Казалось, конституція и права Финляндіи, утвержденныя всѣми слѣдовавшими другъ за другомъ монархами, покоятся на самыхъ твердыхъ основаніяхъ. Если

царское слово что нибудь значитъ, то въ этомъ случаѣ оно должно было имѣть полную силу, ибо не было ни малѣйшаго повода къ нарушенію торжественныхъ, съ высоты престола данныхъ обѣщаній. Мирная страна, подъ сѣнью своихъ законовъ, несмотря на свою скудную природу и суровый климатъ, пользовалась полнымъ внутреннимъ порядкомъ и довольствомъ. При восшествіи на престолъ нынѣ царствующаго Государя, ея права были вновь подтверждены, такъ же какъ и при всѣхъ предшественникахъ, какъ вдругъ произошелъ неожиданный поворотъ.

Походъ противъ Финляндіи предпринятъ былъ еще въ царствованіе Александра III и, вопреки русскимъ обычаямъ, онъ начался съ тяжеловѣснаго сочиненія. Г. Ординъ издалъ объемистое изслѣдованіе о завоеваніи Финляндіи и о томъ положеніи, которое было дано ей Александромъ I. Повидимому, оно основывалось на архивныхъ документахъ; но въ дѣйствительности это было не только крайне пристрастное, но и прямо лживое изложеніе, съ умолчаніемъ однихъ фактовъ, превратнымъ толкованіемъ другихъ и извращеннымъ представленіемъ третьихъ. Тѣмъ же менѣе, Академія Наукъ признала это сочиненіе достойнымъ премія, чѣмъ взяла на себя тяжелый грѣхъ передъ отечествомъ и исторіей. За г. Ординымъ послѣдовалъ г. Еленевъ и вся ватага раболѣпствующихъ журналистовъ, для которыхъ весь смыслъ патріотизма заключается въ насиліи и притѣсненіи другихъ. Доказывали, что Финляндія вовсе не есть соединенное съ Россіей государство, имѣющее свою особенную конституцію, а просто завоеванная провинція, получившая нѣкоторыя права отъ милости русскихъ монарховъ, которые всегда могутъ отнять то, что они дали. Самые русскіе основные законы или вовсе игнорировались, или толковались, какъ пеловкая редакція. Увѣряли, что подъ именемъ коренныхъ законовъ Финляндіи русскіе государи, ихъ утверждавшіе, разумѣли вовсе не политическія учрежденія, а лишь законы гражданскіе, церковные и административные. Только Финляндцы лживымъ толкованіемъ пытались вывести отсюда какія-либо политическія права. Когда Александръ I и его преемники торжественно утверждали всѣ права сословій, то въ это не включалось право участія въ законодательствѣ и въ обложеніи; путемъ іезуитскаго умолчанія подразумѣвалось: всѣ права, кромѣ политическихъ. Пытались установить совершенно нелѣпое и безсмысленное различіе между коренными и основными законами, между конституціями и конституціей. Когда же, наконецъ, никакія толкованія не помогли, ибо текстъ былъ совершенно очевидный, тогда прибѣгали къ послѣдней уловкѣ: увѣряли, что русскіе государи были обмануты и сами не знали, что подписывали, хотя для подобныхъ нареканій никогда не представлялось и тѣни доказательства. И русскіе цари и ихъ совѣтники, какъ Сперанскій и даже Аракчеевъ, изображались въ видѣ куколъ въ рукахъ иноземныхъ интригановъ, единственно потому, что у нихъ были

болѣе возвышенныя понятія о призваніи государства и объ интересахъ Россіи, нежели тѣ, которыя бродятъ въ головахъ нашихъ холопствующихъ публицистовъ. Тѣ самые люди, которые ложь и клевету сдѣлали главнымъ орудіемъ своихъ дѣйствій, обвиняли во лжи и обманѣ ни въ чемъ неповинныхъ Финляндцевъ, которые искренно приняли дары русскихъ монарховъ и свято соблюдали данную имъ присягу вѣрности.

Какъ ни безстыдна была эта кампанія, она возымѣла свое дѣйствіе: Calomniez, calomniez toujours; il en restera quelque chose". Многіе русскіе государственные люди, иные сознательно, другіе безсознательно, усвоили себѣ эту точку зрѣнія, которая приходилась имъ совершенно по вкусу, ибо главнымъ предметомъ ихъ ненависти былъ конституціонный порядокъ, полагающій предѣлъ бюрократическому произволу. Благоустройство Финляндіи, подъ охраною закона, было живымъ урокомъ тому безконтрольному владычеству чиновничества, которое извратило всѣ лучшія созданія Царя-Освободителя. Уже при Александрѣ III назначенъ былъ комитетъ для разсмотрѣнія отношеній Финляндіи къ Россіи. Однако, онъ остался безъ послѣдствій. Несмотря на свою склонность къ реакціи, онъ понималъ, что нарушеніе торжественно даннаго обѣщанія будетъ для него вѣчнымъ упрекомъ. Притомъ окружающіе нѣсколько его побаивались и не смѣли приступать къ нему съ явно лживыми объясненіями...

Рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ...

Какъ приготовленіе къ замышляемому дѣйствію, генералъ-губернаторомъ Финляндіи назначенъ былъ генералъ Бобриковъ, который съ перваго же шага объявилъ Финляндцамъ, что отечество ихъ вовсе не Финляндія, а Россія. Повидимому, для генерала Бобрикова отечество есть нѣчто такое, что мѣняется по приказанію начальства. Онъ этимъ себя обезсмертилъ. Нужды нѣтъ, что въ Уставѣ о воинской повинности, въ статьѣ 123, сказано, что „военныя силы Финляндіи имѣютъ цѣлью защищать Престолъ и Отечество, и тѣмъ содѣйствовать также и защитѣ Имперіи", тѣмъ самымъ признается, что ихъ отечество вовсе не Россія, а Финляндія. Для Бобрикова законъ имѣетъ столь же мало значенія, какъ и самыя святыя человѣческія чувства: приказано мѣнять отечество, такъ слушайся и не разсуждай.

Наконецъ, какъ ударъ грома, послѣдовалъ манифестъ 3-го февраля 1899 года, которымъ для общихъ дѣлъ Имперіи и Великаго Княжества установляется особый законодательный порядокъ. Всѣ такого рода дѣла должны, съ заключеніемъ Сейма, поступать на разсмотрѣніе русскаго Государственнаго Совѣта, и и затѣмъ, мнѣніе, утвержденное Государемъ, публикуется во всеобщее свѣдѣніе. Этимъ сразу ниспровергались всѣ утвержденныя права финляндскаго народа. По финляндской конституціи, ни одинъ законъ, касающійся Финляндіи, не можетъ быть измѣненъ безъ согласія Сейма. Для измѣненія основныхъ законовъ нужно согласіе всѣхъ четырехъ сословій. А здѣсь отъ нихъ требуется

только заключеніе, которое поступаетъ на дальнѣйшее обсужденіе въ русское учрежденіе съ чисто совѣщательнымъ характеромъ.

Несчастная страна застонала. Всѣ ея вѣковыя права, которыми она дорожила, какъ святыней, которыя составляли основу ея благосостоянія, пересматривались разомъ. Она мирно покоилась подъ державою русскихъ царей, полагалась на обѣщанія, и вдругъ все это оказалось призракомъ. Почва заколебалась подъ ногами; всѣ залоги общественнаго благоустройства, прочнаго порядка и мирнаго развитія исчезли. Финляндскій Сенатъ, перевѣсомъ одного голоса, рѣшилъ обнародовать манифестъ, но сдѣлалъ представленіе о его незаконности, а прокуроръ предъявилъ протестъ. Раздались протесты и со стороны чиновъ. Предсѣдатели собраній просили аудіенціи, но имъ было въ этомъ отказано. По всей Финляндіи начали собирать адресъ, подъ который подписались 523000 человѣкъ; для поднесенія его съѣхались въ Петербургъ депутаты отъ всѣхъ общинъ; но и ихъ отправили домой. Какъ противодѣйствіе этой всенародной манифестаціи нашли въ Выборгской губерніи общину, состоящую изъ 1500 человѣкъ, въ которой и удѣлялись набрать подписи подъ вѣрноподданническій адресъ. Ихъ получили всего 7, но затѣмъ, всякими средствами, наверстали еще нѣкоторое число; тѣмъ не менѣе, эту подложную бумагу публиковали, какъ выраженіе мнѣній цѣлой общины. Наконецъ, въ Петербургъ явилась даже международная депутація съ адресомъ въ пользу Финляндіи; разумѣется, и ее отказались принять.

Генералъ Бобриковъ разослалъ циркуляръ, въ которомъ онъ разъяснялъ населенію, что никто не думалъ нарушать финляндскую конституцію, что всѣ подобныя толкованія суть лживые происки злонамѣренныхъ людей, которые стараются распространить въ народѣ мнѣніе, будто всѣ законы, гражданскіе, церковные, административные и самое право собственности подвергаются опасности, между тѣмъ, какъ всѣ мѣстные законы Финляндіи остаются непарушимыми и только для дѣлъ общихъ Финляндіи и Имперіи установлены новыя правила.

Тѣмъ не менѣе, этотъ циркуляръ получилъ одобреніе.

Финляндская и русская печать, разумѣется, не смѣли поднять голоса. Въ Финляндіи генералъ-губернаторъ объявилъ, что онъ будетъ прилагать самыя строгія наказанія къ тѣмъ, кто осмѣлится толковать мѣры правительства. Въ этомъ отношеніи финляндскіе законы предоставляютъ администраціи полный просторъ. Многія газеты закрыты, другія принуждены молчать. О русской печати и говорить нечего. „Вѣстникъ Европы“ получилъ заднимъ числомъ предостереженіе за статью, напечатанную за нѣсколько мѣсяцевъ до манифеста, въ которой г. Мехелинъ доказывалъ, что при ходатайствѣ о внесеніи въ основные законы Финляндіи нѣкоторыхъ статей Устава о воинской повинности 1878 года никакого обмана не происходило. Предостереже-

ніе было дано за простое возстановленіе фактической истины, искаженной нашими финнофобами. Зато послѣднимъ предоставлена была полная свобода, и они съ яростью накинулись въ особенности на рѣчи, произнесенныя на сеймѣ, объявляя ихъ неслыханною дерзостью, оскорбительною для русскаго чувства. Дѣйствительно, привыкшимъ къ раболѣпному жаргону нашихъ оффиціальныхъ адресовъ, благородный языкъ свободныхъ людей, сознающихъ свое достоинство и свое право, долженъ казаться неслыханною дерзостью,

Систематическое разсѣваніе лжи не могло, однако, успокоить населеніе, которое хорошо знаетъ и понимаетъ истинное положеніе дѣлъ. Чтобы вѣрнѣе достигнуть цѣли, старались его разъединить, приманивъ къ русскому правительству бѣднѣйшую часть народа. Вдругъ оказалось, что въ Финляндіи есть значительная часть безземельныхъ крестьянъ, о судьбѣ которыхъ доселѣ никто не заботился. Велѣно было изъ избытковъ финляндской кассы ежегодно отчислять два милліона марокъ для надѣленія ихъ землею. Едва-ли, однако, эта мѣра въ состояніи будетъ привязать финновъ. Не достигнетъ цѣли и организованная генераломъ Бобриковымъ обширная система шпіонства. Русскихъ шпіоновъ, разсылаемыхъ по всей странѣ въ видѣ странствующихъ торговцевъ, населеніе не хочетъ принимать, и казна принуждена кормить ихъ на свой счетъ. Финляндія, безъ сомнѣнія, будетъ сокрушена въ неравномъ спорѣ. *) Что можетъ маленькая страна противъ нашей бюрократіи, управляющей ста тридцатью милліонами людей? Условія теперь иныя, нежели при борьбѣ грековъ съ персами и нидерландовъ противъ Испаніи. Цивилизація въ этомъ отношеніи подвинула человѣчество не впередъ, а назадъ. При господствѣ грубой силы въ современномъ мірѣ, всюду, на Сѣверѣ и на Югѣ, въ Трансваалѣ, какъ и въ Финляндіи, раздается одинъ крикъ: горе слабымъ! Тѣмъ не менѣе, право носитъ въ себѣ нравственную силу, которая не нарушается безнаказанно. Единодушную стойкость народа, который дорожитъ своими правами, не легко превозмочь. Окончательно побѣдителемъ выходитъ тотъ, кто умѣетъ выдержать до конца.

Спрашивается: для кого и для чего нужна была вся эта система? Требовалась-ли она интересами Россіи? Но интересъ Россіи состоитъ, прежде всего, въ томъ, чтобы привязать къ себѣ подвластныя народности, а не въ томъ, чтобы отталкивать ихъ отъ себя и дѣлать ихъ себѣ врагами. Такъ понимали этотъ интересъ Александръ I и всѣ его преемники. Задача состояла въ томъ, чтобы поставить покоренную страну въ такое положеніе, чтобы ей выгодно было оставаться въ соединеніи съ Россіей, а не стремиться къ отторженію. Какія бы сплетни и роз-

*) Событія послѣдующихъ лѣтъ доказали, что предположенія автора не оправдались. *Прим. ред.*

сказни ни ходили о нерасположеніи Финляндцевъ къ Русскимъ, нерасположеніи, которое естественно вызывается опасеніемъ быть поглощенными русскимъ колоссомъ и можетъ только усилиться принимаемыми въ этомъ смыслѣ мѣрами, дѣло вовсе не въ этихъ частныхъ отношеніяхъ, весьма, впрочемъ, разнообразнаго свойства, а въ томъ, что собственный интересъ Финляндцевъ побуждаетъ ихъ держаться связи съ Имперіей. Если-бы въ нихъ проявлялись революціонныя стремленія, то насильственное ниспроверженіе права могло бы найти себѣ нѣкоторое оправданіе. Но ничего подобнаго нѣтъ; самые злые ихъ враги этого не утверждаютъ. Подъ скипетромъ русскихъ царей Финляндія благоденствовала и, согласно съ характеромъ народа, всегда оставалась вѣрна своему долгу. Объ этомъ неоднократно свидѣтельствовали сами русскіе государи. Александръ III, который вовсе не благоволилъ къ иноплеменникамъ и стремился къ обрусенію окраинъ, жаловалъ Финляндцевъ. Онъ любилъ ѣздить въ финляндскія шхеры, заѣзжалъ въ Гельсингфорсъ, и студенты дѣлали ему овація. Единственное желаніе Финляндіи состоитъ въ томъ, чтобы ея не трогали и позволили ей мирно развиваться подъ охраною учрежденій, дарованныхъ ей русскими царями. Зачѣмъ же нужно было всю эту мудрую и съ такимъ постоянствомъ, въ теченіи почти цѣлаго вѣка, поддержанную политику опрокидывать разомъ, вносить смуту и разстройство въ мирную страну, дѣлать себѣ изъ финляндцевъ враговъ и заставлять ихъ, волею или неволею, видѣть въ Россіи притѣснителя и обращать свои взоры въ другую сторону? Этого-ли требуютъ выгоды русскаго государства? Можно сказать, что такая перемѣна политики не только не вызывается интересами Россіи, а идетъ имъ прямо на перекоръ.

У Россіи есть и другой интересъ, еще важнѣйшій—интересъ нравственный. Счастье подчиненныхъ ея державѣ народовъ возвышаетъ ея нравственное достоинство.

Но, можетъ быть, военныя соображенія требуютъ этой ломки? Для оцѣнки этого аргумента достаточно указать на то, что пятитысячное финляндское войско, въ сравненіи съ русскимъ, представляетъ каплю въ морѣ. Каково-бы ни было его устройство, ниспровергать изъ-за этой бездѣлицы весь существующій порядокъ есть опять таки совершенная нелѣпость. Россія имѣетъ въ Финляндіи одинъ интересъ: это—для нея военная позиція. Этотъ интересъ вполнѣ удовлетворяется тѣмъ, что она всегда можетъ занимать важнѣйшіе пункты и въ случаѣ войны ввести, сколько угодно, русскаго войска. Въ этомъ отношеніи желать больше нечего. Нынѣшнее устройство финляндскаго войска основано на уставѣ, предложенномъ Сейму самимъ русскимъ правительствомъ и утвержденномъ Государемъ, слѣдовательно оно приноровлено къ потребностямъ Россіи. Тѣ, которые видятъ высшую государственную мудрость въ однообразіи, могутъ считать отдѣльное мѣстное войско такою аномаліей, которую слѣдуетъ во

что бы ни стало уничтожить; но истинно-государственный человѣкъ, который знаетъ, что политика состоитъ, прежде всего, въ умѣніи примѣняться къ разнообразію обстоятельствъ и въ особенности щадить существующіе интересы, конечно, не увлечется такого рода соображеніями. Указываютъ на то, что Финляндія несетъ гораздо меньшія военныя тягости, нежели Россія; но не хотятъ знать, что Финляндія не есть Россія. Она не играетъ роли великой державы, а потому несправедливо было бы налагать на нее то бремя, которое русскій народъ несетъ для поддержанія своего историческаго значенія. Предложенное русскимъ правительствомъ уравненіе повинности, притомъ съ возложеніемъ увеличенныхъ расходовъ на средства бѣдной страны и съ подчиненіемъ финскихъ войскъ русскому военному министру, есть высшая степень неправды. Если хотятъ увеличенія военной повинности въ сносныхъ размѣрахъ и, вообще, если требуются частныя измѣненія въ уставѣ, то этого можно достигнуть законнымъ путемъ, безъ ниспроверженія существующихъ учрежденій. Созванный по этому случаю финляндскій Сеймъ въ своемъ предложеніи возвысилъ количество войска съ 5000 до 12, что для бѣдной страны составляетъ весьма тяжелое бремя. Слѣпніе же финляндскаго войска съ русскимъ можетъ повести къ результатамъ совершенно противоположнымъ тѣмъ, которые ожидаются отъ подобной мѣры. Если желаютъ имѣть въ финляндскомъ войскѣ крѣпкую поддержку противъ вторженія непріятеля, то надобно, прежде всего, чтобы Финляндія была довольна, а принятыя мѣры направлены къ тому, чтобы возбудить всеобщее неудовольствіе. Хотятъ имѣть надежное и преданное войско и дѣлаютъ все, чтобы подорвать эту преданность. Съ какой стороны ни возьми вопросъ, кромѣ полнаго хаоса мыслей тутъ ничего не найдешь.

Нѣтъ, не государственныя потребности и не военныя соображенія вызвали тѣ странныя мѣры, которыя разгромили несчастную страну и внесли печаль въ сердца мирныхъ гражданъ. Корень ихъ лежитъ въ той ненависти, которую бездушные бюрократы, раболѣпствующіе сановники и бюрократы питаютъ ко всякому законному порядку, ко всякимъ гарантіямъ права, ко всякимъ ограниченіямъ произвола. Благоустроенная Финляндія была имъ нестерпима; надобно было, во что ни стало, ее раздавить—и ее раздавили.

Съ этимъ Россія вступаетъ въ двадцатый вѣкъ. Что сталось съ тѣмъ подъемомъ духа, съ тѣми великими надеждами, съ которыми она встрѣтила преобразованія Царя-Освободителя? Все это разлетѣлось въ прахъ. Къ счастью, крѣпостного права уже не вернешь; это одно, что подаетъ надежду на лучшее будущее. Но если Россія уже не клеймена игомъ рабства, то по прежнему она, какъ и въ дореформенное время,

Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной
И всякой мерзости полна.

Бѣдная Россія! А сколько въ ней было хорошихъ силъ! Сколько благородныхъ стремленій! И какъ, въ сущности, легко было бы правительству, понимающему свое призваніе, править этимъ добрымъ, умнымъ, податливымъ, но вмѣстѣ энергическимъ и даровитымъ народомъ! Нужно только, чтобы оно покровительствовало не тому, что есть въ немъ худшаго, а тому, что есть лучшаго, не раболѣбству и угодничеству, а здоровымъ и независимымъ элементамъ. Нынѣшняя политика есть повтореніе политики дореформеннаго времени; она неизбѣжно приведетъ къ тѣмъ же результатамъ; сперва къ умственному и нравственному пониженію общественнаго уровня, что уже наступило, а затѣмъ къ какой-нибудь катастрофѣ, которая выбьетъ Россію изъ ложной колеи, въ которую она застряла, и заставитъ ее снова вступить на правильный путь закономѣрнаго развитія.

Но катастрофа, во всякомъ случаѣ, есть дѣло случайное. Она можетъ быть близкая или отдаленная; она можетъ быть вызвана внутренними смутами или внѣшними событіями: все это—тайна исторіи. Задача мыслящей части русскаго общества состоитъ въ томъ, чтобы заранѣе приготовиться къ лучшему порядку вещей. Надобно выяснить себѣ настоящее положеніе дѣлъ, знать, чего слѣдуетъ желать и къ чему идти. Въ дореформенное время лучшіе умы замѣтили уже всю программу будущихъ преобразованій; поэтому они и совершились легко. Обязанность мыслящихъ людей въ настоящее время состоитъ въ томъ, чтобы точно также выяснить себѣ и обществу назрѣвшія задачи русской жизни.

Эти задачи уже не тѣ, которыя предстояли въ дореформенное время. То, что тогда намѣчалось, теперь уже совершено. Исправить искаженія и возвратиться къ нормальному порядку вещей не представляло бы большой трудности; но надобно ясно уразумѣть, при какихъ условіяхъ это возможно, а для этого нужно знать, гдѣ лежитъ главная причина зла.

Для всякаго мыслящаго наблюдателя современной русской жизни очевидно, что главное зло, насъ разъѣдающее, заключается въ томъ безграничномъ произволѣ, который царствуетъ всюду, и въ той сѣти лжи, которою, сверху до низу, опутано русское общество. Корень того и другого лежитъ въ бюрократическомъ управленіи, которое, не встрѣчая сдержки, подавляетъ всѣ независимыя силы и, болѣе и болѣе захватывая власть въ свои руки, растлѣваетъ всю русскую жизнь. Это—зло стародавнее, но казалось, что мы нашли изъ него выходъ. Великое значеніе преобразованій Александра II заключалось именно въ томъ, что, устрояя русское государство на новыхъ для него началахъ свободы и права, они давали общественнымъ силамъ возможность стать на свои ноги. Эти преобразованія обнимали однако не всѣ стороны государственной жизни. Между тѣмъ, какъ внизу все перестраивалось заново, наверху все оставалось по старому. На первыхъ порахъ это было полезно, ибо всеобщая ломка могла повести къ общему крушенію. Только при сохраненіи твердаго

центра, который давалъ нужную точку опоры, преобразованія могли совершиться мирно и правильно. Но рано или поздно противорѣчіе между старымъ и новымъ должно было оказаться: или бюрократія должна была подавить независимыя общественныя силы, или послѣднія должны были измѣнить пріемы и привычки бюрократическаго управленія. Нигилистическое движеніе дало карты въ руки бюрократіи, и она воспользовалась этимъ для подавленія общественныхъ силъ и для искаженія созданныхъ реформою учрежденій. Очевидно, что возвратиться къ нормальному порядку можно только положивъ предѣлъ бюрократическому произволу.

Если законный порядокъ составляетъ самую насущную потребность русскаго общества, то эта потребность можетъ быть удовлетворена только переходомъ отъ неограниченной монархіи къ ограниченной. Въ этомъ и состоитъ истинное завершеніе реформъ Александра II. Иного исхода для Россіи нѣтъ.

Противъ такого взгляда, безъ сомнѣнія, поднимется вопль со стороны всѣхъ теоретическихъ и практическихъ поклонниковъ самодержавія, которые видятъ въ немъ нѣчто такое, что неразрывно срослось съ самою жизнью русскаго народа. Указываютъ на то, что самодержавіе создало, устроило и просвѣтило русскую землю, что оно связано со всѣми ея преданіями и ея развитіемъ; увѣряютъ, что безъ него Россія распадется на клочки.

Изъ всѣхъ этихъ разглагольствованій можно принять во вниманіе весьма немногое.

Самодержавіе несомнѣнно имѣло великое историческое значеніе, какъ у западныхъ народовъ, такъ и въ особенности у насъ. Оно собрало и устроило русскую землю, насадило въ ней просвѣщеніе; наконецъ, оно освободило народъ и поставило на ноги общественныя силы. Но этимъ самымъ оно совершило свое призваніе. Неограниченная монархія есть образъ правленія, пригодный для младенческихъ народовъ, а отнюдь не для зрѣлыхъ. Она можетъ довести народъ до извѣстной ступени, но никакъ не далѣе. Высшее развитіе совершается уже въ оппозицію неограниченной власти. Когда же, вынужденная неотразимыми жизненными потребностями, она водворяетъ, наконецъ, либеральныя начала, она тѣмъ самымъ полагаетъ основаніе своему упраздненію. Провозглашеніе всеобщей гражданской свободы есть знакъ, что общество созрѣло и можетъ стоять на своихъ ногахъ; за этимъ неизбѣжно должна слѣдовать свобода политическая. Раньше или позднѣе это совершится, зависитъ отъ мѣстныхъ и временныхъ условій; но это непремѣнно должно быть, ибо это въ порядкѣ вещей.

Тѣ, которые ссылаются на тѣсную историческую связь между монархомъ и народомъ, не хотятъ знать законовъ и условій историческаго развитія. Воображать, что одинъ и тотъ же образъ правленія пригоденъ для народа, находящагося въ крѣпостномъ состояніи, и для гражданскаго быта, основаннаго

на свободѣ, есть политическій абсурдъ. Крѣпостное право, также какъ и самодержавіе, имѣетъ свое историческое назначеніе; оно также содѣйствуетъ скрѣпленію государства. Не даромъ оно, силою вещей, установилось у насъ при утвержденіи государственнаго порядка. Оно тѣсно связано и съ самымъ образомъ правленія: крѣпостное право внизу порождаетъ крѣпостное право наверху, и обратно. Пока все низшее населеніе находится въ рабствѣ, иного государственнаго устройства быть не можетъ, кромѣ аристократіи или чистой монархіи. Но послѣдняя ведетъ къ единенію, а первая къ раздорамъ. Вслѣдствіе этого, установленіе неограниченной монархіи, при этихъ условіяхъ, становится требованіемъ государственной жизни и залогомъ высшаго общественнаго развитія. Но какъ скоро крѣпостное право отмѣнено внизу, такъ требуется упраздненіе его и наверху. Тогда для народной жизни наступаютъ иныя задачи; свобода предъявляетъ свои права. Для народа дѣйствительно большое благо, когда судьба его связана съ извѣстною династіей, которая умѣла пріобрѣсти любовь подданныхъ. Монархія есть одно изъ великихъ началъ исторіи; но надобно, чтобы она способна была принимать различныя формы, сообразныя съ потребностями развитія. Съ развитіемъ народной жизни неограниченная монархія должна перейти въ ограниченную; тогда только она можетъ остаться ея центромъ. Исторія представляетъ тому поучительные примѣры. Послѣ того обоготворенія, которымъ пользовался во Франціи Людовикъ XIV и даже недостойный его преемникъ, прошло немного лѣтъ, и монархія, не умѣвшая своевременно преобразоваться и совершить нужныя реформы, пала среди неистовыхъ криковъ парижской черни.

Въ Россіи мы тоже видѣли, какъ въ царствованіе Николая I вся мыслящая часть русскаго народа смотрѣла на правительство, какъ на своего врага. Даже великія реформы Царя-Освободителя не могли излѣчить общество отъ этого глубоко вкоренившагося недуга, и благодѣтель своихъ подданныхъ палъ жертвою гнуснаго заговора. Послѣдовавшая затѣмъ реакція всего менѣе способна была залѣчить эти раны. Вмѣсто того, чтобы опираться на здоровыя общественныя силы, правительство выказывало имъ полное недовѣріе, а недовѣріе, въ свою очередь, вызываетъ недовѣріе. Между правительствомъ и обществомъ образовалась глубокая пропасть. И это недовѣріе вполнѣ понятно при томъ нравственномъ уровнѣ, на которомъ стоятъ у насъ правящія сферы.

Но готово ли русское общество къ такой перемѣнѣ? Не внесетъ ли она еще большую смуту въ безъ того разслабленный организмъ?

Если бы дѣло шло о замѣнѣ неограниченной монархіи парламентскимъ правленіемъ, то, конечно, объ этомъ, при настоящихъ условіяхъ, не можетъ быть рѣчи. Парламентское правленіе требуетъ политической опытности, образованія, сложившихся партій. Всего этого у насъ нѣтъ. Но вопросъ ставится гораздо проще.

Требуется вырваться изъ бюрократіи. А для этого достаточно созвать въ столицу собраніе выборныхъ, напримѣръ по два или по три человѣка отъ каждаго губернскаго земства, и дать ему обсужденіе законовъ и бюджета. Если, рядомъ съ этимъ, преобразовать Государственный Совѣтъ въ Верхнюю Палату, очистивъ его отъ тѣхъ элементовъ, которые находятся тамъ только по чину, то конституціонное устройство готово. Не нужно много ломать себѣ голову.

Но необходимо, чтобы выборное собраніе непремѣнно было облечено правами. Совѣщательное собраніе, мнѣнію котораго можно слѣдовать или не слѣдовать, всегда будетъ въ рукахъ правящей бюрократіи, а ее-то именно и слѣдуетъ обуздать. Противовѣсомъ окружающему престолъ чиновничеству можетъ служить только вполнѣ независимый органъ, съ разрѣшающимъ голосомъ въ общественныхъ дѣлахъ.

Но слѣдуетъ опасаться, что облеченное правами собраніе окажется слишкомъ притязательнымъ. При настроеніи русскаго общества можно скорѣе ожидать противоположной крайности. Оно явится слишкомъ податливымъ и не будетъ стоять въ уровень съ своимъ призваніемъ Составленное изъ людей, мало свѣдущихъ и опытныхъ въ государственныхъ дѣлахъ, оно часто окажется недостаточно подготовленнымъ къ ихъ обсужденію. Но это не бѣда, лишь бы создалась среда, въ которой возможно правильное политическое развитіе. Опытъ и знаніе пріобрѣтаются временемъ и дѣятельностью. Въ собраніи будутъ все-таки засѣдать здоровые и независимые элементы общества, а не чиновники, преслѣдующіе свои личныя цѣли или угождающіе начальству. Въ немъ независимый человѣкъ будетъ имѣть возможность возвышать свой голосъ, и ему нельзя будетъ зажать ротъ, какъ въ настоящее время. Нужды и желанія народа будутъ доходить до верховной власти черезъ людей, близко съ ними знакомыхъ, а не черезъ искажающую призму чиновничьихъ донесеній. Наконецъ, что, можетъ быть, всего важнѣе, русское общество будетъ приввано къ политической жизни, а это одно, что можетъ вывести его изъ той умственной и нравственной апатіи, въ которую оно нынѣ погружено. Въ немъ проявится новый подъемъ духа, когда оно будетъ призвано къ рѣшенію новыхъ, высшихъ задачъ. Лучшія силы въ немъ воспрянутъ, и самыя молодыя поколѣнія будутъ готовиться къ плодотворной дѣятельности, вмѣсто того, чтобы напрасно губить свои способности въ соціалистической агитаціи.

Можно ли, однако, надѣяться, что такая перемѣна совершится въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Надобно признаться, что вѣроятій на это мало *).

Нельзя ожидать и какихъ либо серьезныхъ революціонныхъ

*) Все вышеприведенное свидѣтельствуетъ о взглядахъ передовыхъ людей, десятокъ лѣтъ тому назадъ. Прим. ред.

движеній въ Россіи. Почвы для революціи у насъ нѣтъ, ибо преобразованія Александра II совершили у насъ тѣ перемѣны въ гражданскомъ и общественномъ строѣ, которыя вызывались потребностями жизни. Теперь остается завершить ихъ преобразованіями политическими; но для такого шага въ русскомъ обществѣ нѣтъ достаточной внутренней энергіи. Волненія юношества и соціалистическая пропаганда могутъ только усилить реакцію. Высшіе классы у насъ разорены, средніе погружены въ глубокое невѣжество. Апатичное и покорное, русское общество въ настоящемъ своемъ состояніи неспособно ни къ какому энергическому дѣйствію, ни къ какой инициативѣ. Оно равнодушно смотритъ на всѣ происходящія вокругъ него насилія и неправды и не предъявляетъ ни малѣйшаго противъ нихъ протеста. Только отъ медленнаго развитія общественнаго сознанія можно ожидать болѣе яснаго пониманія вещей и болѣе безкорыстнаго стремленія къ общему благу.

Нынѣшнее положеніе Россіи во многомъ напоминаетъ состояніе Пруссіи въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Послѣ совершенныхъ Штейномъ великихъ преобразованій и подъема духа, сопровождавшаго Отечественную войну, тамъ снова водворилось господство бюрократической рутины; въ правительствѣ обнаружилось такое же, какъ у насъ, мелочное недовѣріе къ земскимъ учрежденіямъ; происходили тѣ же волненія въ университетахъ; принимались тѣ же суровыя мѣры противъ студентовъ и профессоровъ; было такое же преслѣдованіе печати. Читая жизнеописанія барона Штейна, можно иногда думать, что рѣчь идетъ о современной Россіи. Разница состоитъ въ томъ, что въ Пруссіи было несравненно болѣе образованія, нежели у насъ; было и уваженіе къ законному порядку, о которомъ въ Россіи нѣтъ и помину. Но и въ Пруссіи дальновидные государственные люди предсказывали, что такая политика не приведетъ къ добру. Революція 1848 года, вспыхнувшая вслѣдствіе внѣшняго толчка, шедшаго изъ Франціи, оправдала ихъ ожиданія. Вся эта бюрократическая лавочка разомъ была снесена.

И у насъ внѣшняя катастрофа можетъ ускорить процессъ общественнаго сознанія. Она можетъ послѣдовать нежданно, негаданно. Поводовъ къ столкновеніямъ, при нынѣшнемъ напряженномъ состояніи Европы, слишкомъ много. Державы стоятъ во всеоружіи другъ противъ друга, постоянно увеличивая свои военныя силы, и всякая искра можетъ произвести пожаръ. При самомъ миролюбивомъ настроеніи, правительство можетъ быть противъ воли вовлечено въ войну. Если такое столкновеніе случится, то, очевидно, оно произойдетъ между Россіей и Франціей съ одной стороны, и Германіей во главѣ тройственнаго союза—съ другой. Матеріальными силами обѣ стороны болѣе или менѣе равны; но судьба народовъ рѣшается не одною матеріальною силой. Въ исторической борьбѣ побѣдителемъ выходитъ тотъ, кто носитъ въ себѣ высшія духовныя начала.

Что же могутъ противопоставить Россія и Франція организованной мощи Германіи, опирающейся на тотъ энергическій подъемъ народнаго духа, который былъ послѣдствіемъ побѣдъ и объединенія Германіи, въ которой желѣзная дисциплина сочетается съ широкимъ развитіемъ свободы? Безспорно, и въ нынѣшней Германіи есть многія темныя стороны: страшное развитіе милитаризма, бездушное подавленіе подчиненныхъ народностей. Реалистическая политика государственнаго человѣка, совершавшаго ея объединеніе, искоренила въ нѣкогда идеалистическомъ народѣ чувства гуманности и справедливости. Побѣда Германіи, въ свою очередь, едва ли принесетъ пользу человѣчеству. Но все же въ ней есть культурныя начала, которыя блекнутъ въ рукахъ волнующейся французской демократіи и совершенно отсутствуютъ въ Россіи. А главное, въ ней есть подъемъ народнаго духа, который во Франціи приниженъ позорнымъ пораженіемъ и разрывается на клочки внутренними раздорами партій, а въ Россіи совершенно подавленъ.

Чтобы выйти побѣдительницею изъ борьбы, Россія должна пробудить въ себѣ этотъ духъ, а это возможно сдѣлать только полною перемѣной всей внутренней политики. Русскій народъ долженъ быть призванъ къ новой жизни утвержденіемъ среди него началъ свободы и права. Финляндія должна быть возстановлена въ правахъ, дарованныхъ ей русскими монархами и неотъемлемо ей принадлежащихъ. Но, прежде всего, надобно протянуть руку раздавленному Россіею славянскому брату и поднять его изъ униженія, въ которомъ мы его держимъ. Только этимъ путемъ Россія можетъ стать во главѣ славянскихъ народовъ, что придастъ ей неизмѣримую силу. Не какъ представительница чисто матеріальнаго могущества, основаннаго на притѣсненіи всѣхъ подвластныхъ, а какъ носительница высшихъ человѣческихъ началъ, можетъ она исполнить свое историческое призваніе, выдвинуть славянскій вопросъ и сокрушить гегемонію Германіи.

Пробудится ли въ ней сознаніе этого высокаго назначенія? Кто знаетъ тѣ могучія силы, которыя таятся въ глубинѣ русскаго духа, тотъ не можетъ въ этомъ сомнѣваться. Обновленіе Россіи послѣ Крымской кампаніи служитъ тому ручательствомъ. Но придетъ ли это сознаніе путемъ правильнаго внутренняго развитія или будетъ оно куплено цѣною потоковъ крови и гибели многихъ поколѣній, покажетъ будущее. Можетъ быть, и у насъ появится государственный человѣкъ вродѣ Кавура или Бисмарка, который пойметъ задачи времени и сумѣетъ двинуть Россію на путь, указанный ей исторіей. Для того, чтобы Россія могла идти впередъ, необходимо, чтобы произвольная власть бюрократіи замѣнилась властью, ограниченною закономъ и обставленною независимыми учрежденіями. Зданіе, воздвигнутое Александромъ II, должно получить свое завершеніе; установленная имъ гражданская свобода должна быть закрѣплена и упрочена

свободою политической. Рано ли или поздно, тѣмъ ли или другимъ путемъ это совершится, но это непремѣнно будетъ, ибо это лежитъ въ необходимости вещей. Сила событій неотразимо приведетъ къ этому исходу. Въ этомъ состоитъ задача двадцатаго столѣтія.

Матеріалы

для

БУДУЩЕЙ ИСТОРІИ СИБИРИ

и

ссылки Михайлова.

(Съ изд. Э. Л. Каспровича въ Лейпцигѣ въ 1881 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „Россія“. Бассейная, 3.
1907.

Тобольское дѣло *).

(М. И. Михайловъ, Тобольское Общество и доносчики).

Съ незапамятныхъ временъ въ Тобольскѣ и въ другихъ губернскихъ городахъ Сибири на арестантовъ привыкли смотрѣть снисходительно, принимали въ нихъ участіе, оказывали имъ сочувствіе. При вступленіи въ Сибирь арестантъ становился въ глазахъ мѣстныхъ жителей человѣкомъ, преступленіе его забывалось. Мало обращали вниманія даже на родъ преступленія. Особенно пользовались снисхожденіемъ арестанты изъ привилегированнаго сословія, т. е. изъ дворянъ, если они казались порядочными людьми. Къ числу послѣднихъ принадлежали конечно и политическіе преступники безъ различія національности; съ 1826 года они ежегодно пересылались чрезъ Тобольскъ — то въ большемъ, то въ меньшемъ числѣ. Къ нимъ привыкли. Многіе изъ нихъ послѣ каторги жили въ этомъ городѣ, пользовались уваженіемъ, были любимы всѣми и вообще зарекомендовали себя съ самой лучшей стороны. Около нихъ сосредоточивалось лучшее общество. Оно-же первое и начало брать къ себѣ въ домъ изъ острога пересылавшихся преступниковъ изъ дворянъ, а въ особенности политическихъ. Не скрылъ этого отъ читающей публики и Ф. Достоевскій въ своихъ запискахъ изъ „Мертваго Дома“ („Время“, Декабрь, 1862). Мѣстное начальство не обращало вниманія на выѣзды ихъ изъ острога, видало ихъ въ частныхъ домахъ, проводило съ ними вечера. Такъ было во все царствованіе настоящаго государя, до Января прошедшаго года. Послѣднимъ преступникомъ, которому оказано снисхожденіе въ Тобольскѣ, былъ Михаилъ Ларіоновичъ Михайловъ, осужденный въ каторжную работу на 6 лѣтъ. Онъ-то и составляетъ причину Тобольскаго дѣла.

Для ясности самаго предмета мы изложимъ сначала, что дѣлали для Михайлова въ Тобольскѣ, потомъ какъ полетѣли въ Петербургъ доносы на лицъ, принимавшихъ Михайлова, наконецъ, что открылось по слѣдствію.

---

*) Дѣло это разсказывалось съ разными варіантами, такъ что трудно было составить о немъ вѣрное понятіе. Но въ концѣ намъ удалось узнать всѣ подробности этого дѣла, отъ лицъ, возвратившихся изъ Сибири. Въ томъ видѣ какъ мы слышали отъ нихъ и передается читателямъ.

По прибытіи Михайлова въ Тобольскъ съ жандармами, разумѣется, его помѣстили въ острогъ, въ одномъ отдѣленіи съ каторжными, только не знаемъ навѣрно въ одной-ли камерѣ или въ отдѣльной, потому что одни со словъ смотрителя говорятъ, будто онъ былъ помѣщенъ въ камеру къ надзирателю, а другіе со словъ причастныхъ къ дѣлу—въ камеру каторжныхъ; но какъ бы то ни было, только никогда не помѣщались прежде каторжные изъ дворянъ въ кандальное отдѣленіе и онъ попалъ туда, во-первыхъ, потому, что смотритель острога не былъ трезвъ въ то время, какъ его привезли, а во-вторыхъ, потому, что имѣлъ на себѣ кандалы, чего съ другими арестантами—прежде не бывало. Посѣщавшій по обыкновенію въ то время острогъ предсѣдатель губернскаго правленія Соколовъ приказалъ безъ всякой задней мысли, просто по примѣру прежнихъ арестантовъ, перевесть его въ отдѣленіе, гдѣ всегда помѣщались пересыльные арестанты изъ дворянъ всѣхъ разрядовъ, т. е. и каторжные, и ссыльные на житье; а полиціймейстеръ Кувичинскій, въ тотъ-же или на другой день распорядился снять съ него кандалы, такъ какъ никогда прежде въ острогѣ не держали арестантовъ изъ дворянъ въ кандалахъ — да и неправильно на дворянина надѣли ихъ, потому что по 54 ст. XV т. кандалы составляютъ тѣлесное наказаніе, а дворяне свободны отъ тѣлесныхъ наказаній; слѣдовательно, и не должны имѣть кандалы. Дня черезъ два послѣ того взялъ Михайлова къ себѣ управляющій коммиссаріатскою коммиссіею подполковникъ Жданъ-Пушкинъ, знавшій его еще въ Петербургѣ. Потомъ брали его въ домъ предсѣдатель губернскаго правленія Соколовъ, прокуроръ Жемчужниковъ, товарищъ предсѣдателя губернскаго суда Андронниковъ, военный врачъ Анучинъ и почетная гражданка Пиленкова. У всѣхъ ихъ Михайловъ обѣдалъ, по одному, по два, и даже по три раза; но у Соколова онъ бывалъ не для одного обѣда, а еще для изслѣдованій его болѣзни, которыя составляютъ его спеціальность. У Михайлова въ Тобольскѣ показалось кровохарканье, и потому онъ занялся его леченіемъ съ самаго пріѣзда, посылалъ ему лекарства изъ вольной аптеки. Всѣ обѣды были семейные, самые скромные, безъ всякихъ публичныхъ заявленій, такъ что не многіе и знали тогда, гдѣ бывалъ Михайловъ. Вывозилъ-же его изъ острога или самъ полиціймейстеръ, или кто-нибудь изъ полицейскихъ чиновниковъ, съ разрѣшенія послѣдняго, или брали нѣкоторые по запискѣ его-же, но къ вечерней повѣркѣ возвращали его въ острогъ. Тѣ же лица, у которыхъ онъ бывалъ въ домахъ, посѣщали его и въ острогѣ довольно часто вмѣстѣ съ знакомыми. Было у Михайлова въ острогѣ и нѣсколько дамъ, читавшихъ статьи его въ „Современникѣ“ объ эмансипаціи женщинъ. Прокламацію его, за которую онъ пострадалъ, никто не читалъ въ Тобольскѣ, ее вовсе не было тамъ, даже немногіе — правду сказать — интересовались ею. О пропагандѣ не было и въ мысли ни у кого Да что за пропаганда въ Сибири! Во время содержанія Михайлова въ острогѣ,

шла переписка приказа о ссыльныхъ съ губернаторомъ объ отправленіи его, по случаю болѣзни, на свой счетъ съ жандармами до Иркутска. Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ Января отправили его дальше. Передъ выѣздомъ изъ города онъ въ послѣдній разъ обѣдалъ у Пушкина, гдѣ было человѣкъ пять знакомыхъ, всѣ они порядочно выпили тутъ, и вечеромъ проводили его за заставу; на прощаньи пили шампанское. Тѣмъ и закончилось пребываніе Михайлова въ Тобольскѣ. Послѣ его отъѣзда все пошло по старому обычнымъ порядкомъ: никто не бунтовалъ народъ, никто не распространялъ возмутительныхъ воззваній, какъ будто и не бывало Михайлова. Такъ это и осталось-бы безгласнымъ, и не дошло бы до III Отдѣленія, если-бы не замѣшалась тутъ месть нѣкоторымъ лицамъ со стороны жандармскаго адъютанта Ланского. Месть-то и была главнымъ поводомъ къ доносу. Вотъ именно какимъ образомъ возникло это дѣло.

По пріѣздѣ Ланского въ Тобольскъ — кажется въ Ноябрѣ или Декабрѣ 1861 года — жена его сблизилась съ женою лекаря Анучина (дочерью жандармскаго штабъ-офицера). Вскорѣ послѣдняя выпросила у первой бурнусъ и долго не возвращала; та присылала за нимъ нѣсколько разъ и наконецъ сама пріѣхала за нимъ. Войдя въ залъ, она застала г. Анучину дѣлающею выкройку съ ея бурнуса, который при этомъ надѣтъ былъ на служанку. Это вызвало обмѣнъ колкихъ выраженій съ обѣихъ сторонъ и послужило началомъ раздора. Спустя нѣсколько дней послѣ того, Ланской сдѣлалъ дерзость студенту Тутолмину въ залѣ собранія на репетиціи; послѣдній заявилъ объ этомъ присутствующимъ, въ числѣ коихъ былъ лекарь Анучинъ. Онъ собралъ молодыхъ людей, подойдя съ ними къ Ланскому требовалъ, чтобъ тотъ извинился предъ оскорбленнымъ. Нехотя Ланской исполнилъ это требованіе, но съ этого времени онъ искалъ случая отомстить Анучину. Жандармскій штабъ-офицеръ Коленъ — тесть Анучина — съ своей стороны съ того-же времени сталъ при всякомъ удобномъ случаѣ показывать свое неудовольствіе Ланскому, и дѣлать кой-какія непріятности. Наконецъ, однажды Ланской былъ замѣченъ въ подлогѣ во время карточной игры, что побудило нѣкоторыхъ членовъ Благороднаго Собранія предложить ему, чтобъ онъ не посѣщалъ его, а когда тотъ отказался, то назначили въ собраніи надъ нимъ судъ. Предоставлено было обвиненному избрать адвокатовъ, назначены были обвинители, приглашены и свидѣтели. Судьями оставили директоровъ. Это былъ опытъ гласнаго судопроизводства, только безъ присяжныхъ. Кажется, было два или три засѣданія, но къ рѣшенію не могли придти. Началось это скандалезное дѣло. Ланской желалъ прислужиться предъ III Отдѣленіемъ, особенно-же предъ княземъ Долгоруковымъ, которому обязанъ своей должностью и который покровительствовалъ ему за то, что онъ женился на крестницѣ его, дочери какого-то генералъ-маіора Маркова, послалъ въ Петербургъ доносъ, что Михайлову оказано было послабленіе и

сочувствіе. По этому допосу затребовано объясненіе отъ жандармскаго штабъ-офицера, который отписалъ въ III Отдѣленіе, что дѣйствительно Михайловъ выѣзжалъ изъ острога въ частные дома и его посѣщали въ острогѣ, что участіе въ немъ приняли какъ дворяне такъ и литераторы, а особенное сочувствіе выразили ему дамы за статьи объ эмансипаціи женщинъ; что политическаго въ этомъ ничего не было, и что наконецъ настроеніе умовъ въ Тобольскѣ осталось послѣ отъѣзда Михайлова въ Иркутскъ совершенно такимъ-же, какимъ было и до его пріѣзда; послѣднее сдѣлано для успокоенія правительства. Такого-же содержанія послалъ Коленъ донесеніе и окружному начальнику генералъ-маіору Масолову. Недѣли черезъ двѣ, послѣдній потребовалъ отъ Колена свѣдѣній — у кого именно бывалъ Михайловъ и кто его посѣщалъ. Когда было послано это донесеніе, содержаніе котораго, разумѣется, было извѣстно Ланскому, этотъ господинъ, не дожидаясь окончанія дѣла о его поступкѣ въ собраніи, вдругъ уѣзжаетъ въ Омскъ подъ предлогомъ будто-бы объясниться съ генералъ-губернаторомъ Дюгамелемъ о своемъ поступкѣ, а въ самомъ дѣлѣ передать Масолову лично о пребываніи Михайлова въ Тобольскѣ, что и выполнилъ съ различными прибавленіями. По возвращеніи его изъ Омска, пріѣзжаетъ въ Тобольскъ генералъ-маіоръ Масоловъ и останавливается въ домѣ гражданскаго губернатора Виноградскаго — стараго своего пріятеля и товарища по денежнымъ дѣламъ.

Тутъ надобно сдѣлать маленькое отступленіе отъ самаго дѣла, надобно прежде познакомить читателей въ короткихъ словахъ съ этими личностями и указать на тѣсную связь между ними. Масоловъ въ прежнее время служилъ въ Ирбитѣ, дѣлалъ экономіи, гдѣ только представлялся случай, но въ особенности дойной коровой для него служили золотопромышленники и ихъ рабочіе. Онъ извѣстенъ былъ тѣмъ, что назначилъ сборъ по руб. серебромъ на каждаго паспортнаго; а какъ ихъ было отъ 15 до 20,000 въ губерніи. то ему помогалъ Виноградскій, не забывая нигдѣ и себя. Впослѣдствіи Масоловъ женился на дочери золотопромышленника Горохова, дѣлами котораго вмѣстѣ съ компаніей управлялъ нѣкоторое время Виноградскій, и такъ хорошо управлялъ, что золотопромышленная эта компанія объявлена была несостоятельною, а долговъ на ней оказалось болѣе четырехъ милліоновъ. Говорятъ, что когда конкурсное управленіе приступило къ разсмотрѣнію документовъ по дѣламъ компаніи, то обнаружено было золото, взятое Виноградскимъ, но старикъ Гороховъ постарался затушить дѣло и далъ отзывъ, что онъ подарилъ ему золото. Какъ-бы то ни было, только и Масоловъ, и Виноградскій вмѣстѣ пользовались отъ золотыхъ промысловъ и оба купили себѣ высшія должности; Масоловъ — окружного начальника, заплативши во время Тимашева какому-то мелкому чиновнику 6000 р. с., а Виноградскій должность губернатора, заплативши въ Сибири Почекунину съ Гасфордомъ 7000 руб. Кажется ясно,

что одинъ другому ни въ чемъ не уступали и имъ обоимъ въ Тобольской губерніи нужно было избавиться отъ двухъ лицъ по разнымъ причинамъ: Масолову отъ Колена, Виноградскому отъ Соколова.

Масоловъ, по переводѣ своемъ въ Омскъ изъ Вологды, гдѣ до 1859 года былъ штабъ-офицеромъ (послѣ Сибирской службы), перевелъ въ Тобольскъ бывшаго своего адъютанта капитана Кермека, человѣка сумасброднаго, по временамъ подверженнаго умопомѣшательству и способнаго развѣ на то только, чтобы забирать „Колоколъ“ по городу, чѣмъ особенно занимался въ Вологдѣ, перевелъ съ тѣмъ, чтобы сдѣлать его штабъ-офицеромъ вмѣсто полковника Колена, который по его предположенію долженъ былъ или выйти въ отставку, или умереть. Но тотъ на его бѣду оставался живъ и въ отставку не выходилъ. Хотя чрезъ годъ и удалось Масолову перевесть Кермека въ Омскъ на какую то высшую должность, не менѣе того онъ не оставлялъ своей прежней мысли, и потому дѣлалъ разныя непріятности съ цѣлью заставить Колена бросить службу. Не нравился Коленъ и Виноградскому за свои справедливыя представленія по разнымъ вопіющимъ дѣламъ, и вѣроятно онъ не разъ просилъ Масолова избавить его отъ Колена. Настоящій случай, т. е. бездѣятельность его во время пребыванія Михайлова въ Тобольскѣ и недонесеніе о выѣздахъ его куда слѣдуетъ, представлялся самымъ удобнымъ Это съ одной стороны; съ другой-же, какъ мы сказали выше, нужно было Виноградскому избавиться отъ Соколова Предсѣдатель губернскаго правленія Соколовъ, въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ постоянно находился въ самыхъ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Виноградскому. Будучи прямого характера и строгой честности и при томъ чрезвычайно дѣятельный, онъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, явно не одобрялъ распоряженій губернатора, возставалъ противъ его злоупотребленій, но въ особенности вооружилъ его противъ себя какой-то статьей, въ которой описалъ его неправильныя дѣйствія. Намъ разсказывали много случаевъ столкновенія ихъ между собою. Кто изъ нихъ правъ, не беремся заявить, но судя по отзывамъ лицъ, живущихъ въ Тобольскѣ, думаемъ, что правъ Соколовъ и грязныхъ дѣлъ за нимъ вѣроятно не было, иначе губернаторъ воспользовался-бы первымъ случаемъ, чтобъ стереть его съ лица земли. Отзывы о немъ служатъ въ его пользу. Мы лично не знаемъ этого человѣка, но говорили о немъ съ знакомыми и старыми его товарищами. Какъ-бы впрочемъ тамъ ни было, только Виноградскій замыслилъ уничтожить его при содѣйствіи Масолова. Вотъ два друга и условились дѣйствовать за одно ко вреду, въ особенности двухъ, т. е. Колена и Соколова. Масоловъ, по прибытіи въ Тобольскъ, вслѣдъ за Ланскимъ, занялся, по указаніямъ послѣдняго, секретнымъ изслѣдованіемъ о пребываніи Михайлова въ Тобольскѣ, о чемъ впрочемъ говорили тотчасъ-же на базарѣ. Разслѣдованію этому помогалъ и Виноградскій, подставляя

ему тѣхъ лицъ, которыя могли больше врать, согласно съ его видами. Результатомъ этихъ quasi секретныхъ разслѣдованій вышелъ пространный доносъ слѣдующаго содержанія:

Михайловъ, какъ политическій преступникъ, былъ принятъ въ Тобольскѣ съ необыкновеннымъ сочувствіемъ нѣкоторыми должностными лицами, которыя давали ему торжественные обѣды во все время пребыванія его въ городѣ. Дамы поднесли ему букетъ. Очень многіе изъ чиновниковъ постоянно навѣщали его въ острогѣ, то-же дѣлали и нѣкоторыя дамы. Содержали его въ дворянскомъ отдѣленіи безъ кандаловъ, хотя онъ былъ привезенъ съ жандармами закованный. Вообще, будто бы, во время 4-хъ-недѣльнаго пребыванія въ Тобольскѣ онъ пользовался совершенной свободой. Передъ отъѣздомъ данъ былъ ему большой обѣдъ въ домѣ подполковника Жданъ-Пушкина. При входѣ его туда въ кандалахъ, собравшіеся гости привѣтствовали его восторженными криками, а лекарь Анучинъ сказалъ ему спичъ. Потомъ послѣдній сбилъ съ него кандалы, а прочіе присутствующіе разорвали ихъ на части и раздѣлили между собой. Самую-же большую часть взяла къ себѣ г-жа Пиленкова, которая повѣсила ихъ на стѣнѣ, въ видѣ гирлянды, и убрала плющомъ. Изъ колецъ кандальныхъ, взятыхъ на память, впослѣдствіи подѣлали браслеты и прессъ-папье. Всѣхъ лицъ, владѣвшихъ такими вещами, онъ не поименовалъ, но только указалъ на Соколова, у котораго частный приставъ Капачинскій видѣлъ будто-бы кандальныя кольца на письменномъ столѣ въ кабинетѣ. Послѣ обѣда, разумѣется съ шампанскимъ, всѣ бывшіе на обѣдѣ отправились его провожать за городъ, тамъ на прощанье опять пили шампанское, и послѣ того Михайловъ уѣхалъ изъ Тобольска; но на десятой или двѣнадцатой верстѣ догналъ его Соколовъ и прощался съ нимъ. Очевидно, описавши такимъ образомъ пребываніе Михайлова въ городѣ, Масоловъ хотѣлъ придать посѣщеніямъ, обѣдамъ и проводамъ видъ политической демонстраціи, о которой вовсе никто и не думалъ, которой въ дѣйствительности не было, какъ увидимъ ниже. Но ему казалось мало этого: если бывалъ политическій преступникъ въ частныхъ домахъ, то навѣрно онъ проводилъ свои политическія идеи. А такъ какъ онъ уже заявилъ ихъ разъ въ своемъ воззваніи къ молодому поколѣнію, то навѣрно цѣль его посѣщеній была распространить свою прежнюю прокламацію; поэтому должно быть, прибавилъ этотъ жандармъ, перепечатывалась она въ губернской типографіи, состоящей въ вѣдѣніи губернскаго правленія, гдѣ предсѣдательствуетъ Соколовъ, посѣщавшій часто Михайлова, лечившій его и принимавшій его въ своемъ домѣ. Масолову хотѣлось по просьбѣ Виноградскаго сдѣлать болѣе всѣхъ виновнымъ Соколова, поставивши его во главѣ воображаемаго политическаго заговора, въ которомъ участвовали всѣ лица, принимавшія его у себя дома и нѣкоторыя изъ посѣщавшихъ. Въ такомъ видѣ и отправилъ свое донесеніе къ шефу жандармовъ, разсчитывая навѣрно получить высо-

кую награду за такое важное открытіе. Какъ ни ловко составлено было оно и какъ ни казалось съ перваго разу правдоподобнымъ, однакожъ не совсѣмъ повѣрили въ Петербургѣ написанному Масоловымъ, а потому спросили генералъ-губернатора Западной Сибири Дюгамеля, что происходило въ Тобольскѣ во время пребыванія тамъ Михайлова и что за причина непонятнаго сочувствія и вниманія, оказаннаго ему нѣкоторыми лицами и послабленія, сдѣланнаго начальствующими лицами. Дюгамель, какъ главный начальникъ края, имѣлъ полное право сдѣлать дознаніе чрезъ довѣреннаго чиновника и потомъ подвергнуть взысканію лицъ, допустившихъ безпорядокъ по содержанію арестантовъ, потому что не одинъ Михайловъ пользовался нѣкоторой свободой во время содержанія въ острогѣ, но и другіе арестанты, что не могло не открыться при производствѣ дознанія, и это дѣлалось съ давнихъ временъ, какъ сказано нами въ началѣ статьи. Дюгамель, повторяемъ, долженъ былъ успокоить III отдѣленіе, что никакихъ политическихъ замысловъ не было во время проѣзда Михайлова чрезъ городъ, и въ настоящее время не замѣтно никакихъ послѣдствій отъ него. и что наконецъ имъ приняты всѣ мѣры, чтобы на будущее время не повторилось ничего подобнаго съ другими арестантами. Такъ по нашему мнѣнію обязанъ былъ поступить дѣльный начальникъ, а Дюгамель далеко не принадлежитъ къ разряду подобныхъ начальниковъ. Чтобъ понять дальнѣйшее распоряженіе этого сановника по дѣлу Михайлова, мы постараемся передать въ короткихъ словахъ, что это за личность г. Дюгамель. Онъ имѣетъ 60 лѣтъ отъ роду, большого росту, съ оловянными глазами, съ физіономіей, выражающей отсутствіе всякой мысли, былъ когда-то посланникомъ въ Персіи—значитъ служилъ по дипломатическому корпусу, потомъ состоялъ первоприсутствующимъ въ Сенатѣ, ревизовалъ (кажется, въ 1859 году) Олонецкую губернію, и по этой ревизіи особенно отличился; по онъ ни душою, ни тѣломъ въ ней не виноватъ, какъ оказалось впослѣдствіи: всей ревизіей заправляли два оберъ-секретаря, которые порядочно напакостили ему такъ, что онъ до сихъ поръ не можетъ отписаться. Вступивши въ управленіе Западной Сибирью, по военной и гражданской частямъ, онъ ровно ничѣмъ не занялся. Первую предоставилъ начальнику штаба Крофусу, а вторую—совѣтникамъ главнаго управленія и мѣстнымъ губернаторамъ, а самъ только подписывалъ, что подадутъ. Въ два года своего управленія, ознаменовалъ себя полнѣйшею бездѣятельностію. Считаютъ его добрымъ и благороднымъ человѣкомъ, но эти его качества приносятъ пользу однимъ только подлецамъ и грабителямъ, а не честнымъ и благороднымъ людямъ. Одно только о немъ можно сказать хорошее: онъ не взяточникъ и не грабитель, но за то г-жа Дюгамель всюду вмѣшивается, вездѣ принимаетъ участіе и распоряжается по своему усмотрѣнію, сообразно съ своими видами. Ловкіе люди подмѣтили вліяніе ея на мужа и отлично воспользовались этимъ открытіемъ.

Говорятъ, о нѣкоторыхъ интересныхъ дѣлахъ докладываютъ прежде ей, а она уже настраиваетъ мужа.

Дюгамель предоставилъ совѣтнику распорядиться съ предложеніемъ шефа жандармовъ, а тотъ, какъ истый бюрократъ, препроводилъ его для исполненія къ Тобольскому губернатору Виноградскому. Послѣдній, зная хорошо содержаніе рапорта Масолова, написалъ то же самое, что и этотъ жандармъ и въ подтвержденіе всего написаннаго имъ приложилъ подлинное донесеніе полицеймейстера Кувичинскаго, отъ котораго собралъ свѣдѣніе и Масоловъ, присоединивши свое объясненіе такого рода: что поводъ къ заявленію сочувствія Михайлову подалъ Соколовъ, который приказалъ перевесть его изъ кандальнаго отдѣленія въ дворянское; что приказалъ его расковать, потомъ посылалъ ему въ острогъ лекарства и жареныхъ рябчиковъ, бралъ его къ себѣ въ домъ на обѣдъ, что примѣру его послѣдовали другіе, въ особенности лекарь Анучинъ, который увлекся будто-бы его статьями и руководимъ даже имъ въ литературныхъ занятіяхъ, что Соколовъ, обязанный циркулярнымъ предписаніемъ министра внутреннихъ дѣлъ имѣть наблюденіе за острогомъ, умышленно допустилъ послабленіе въ содержаніи Михайлова въ острогѣ, и не докладывалъ ему о выѣздахъ этого преступника къ частнымъ лицамъ и о посѣщеніи его послѣдними. Такимъ образомъ обвиненіе Соколова шло crescendo: Масоловъ слегка выдвинулъ на первый планъ, а губернаторъ окончательно поставилъ его во главѣ дѣйствія, разумѣется ,проводя одинаковую съ Масоловымъ, мысль, что въ пріемѣ Михайлова въ домѣ скрывалась политическая цѣль. Получивши такое громкое донесеніе, Дюгамель не въ состояніи былъ вникнуть въ смыслъ его, не въ состояніи былъ сообразить—можетъ-ли быть дѣйствительно такъ, какъ описалъ Виноградскій; а просто спросилъ совѣтника Лещева, зятя бывшаго генералъ-губернатора Гасфорда, истаго бюрократа, что надобно сдѣлать съ донесеніемъ губернатора. Тотъ присовѣтовалъ представить подлинникомъ рапортъ жандармовъ съ приложеніемъ рапорта полицеймейстера, безъ всякаго съ своей стороны заключенія. Такъ и сдѣлалъ начальникъ края. Все это дѣлалось въ отсутствіи Соколова, который былъ въ то время въ Москвѣ, выѣхавъ изъ Тобольска въ половинѣ іюля до пріѣзда Масолова для секретнаго дознанія; иначе ни одинъ изъ нихъ не рѣшился-бы плесть эту интригу, какъ-бы ни далеко простиралась ихъ месть.

Пославши донесеніе, Виноградскій разсчитывалъ, что съ Соколовымъ поступятъ точно такъ-же, какъ съ управляющимъ провіантскою комиссіею Куткинымъ, въ 1810 году, во времена всесильнаго Аракчеева. Куткина не взлюбилъ Пестель и искалъ случая погубить его. Когда Куткинъ отправился въ Петербургъ, получивши отпускъ съ намѣреніемъ перемѣнить мѣсто служенія, Пестель вслѣдъ за нимъ послалъ къ Аракчееву донесеніе, въ которомъ выставилъ его грабителемъ казны. Не успѣлъ Кут-

кинъ представиться къ своему начальству, какъ по приказанію Аракчеева схватили его, посадили на повозку, отправили подъ карауломъ въ Тобольскъ на гауптвахту и предали суду, да девять лѣтъ и продержали его подъ арестомъ, и только въ 1819 году Сперанскій обратилъ вниманіе на него. Дѣло разсмотрѣли и не нашли никакой вины его. Дѣло Пестеля съ Куткинымъ очень памятно въ Тобольскѣ, и Виноградскій жилъ въ то время и былъ очевидецъ этого. Онъ и поступилъ съ Соколовымъ, какъ Пестель съ Куткинымъ. Но ошибся немножко во времени. То было 50 лѣтъ тому назадъ. Пославши донесеніе, онъ объявилъ приближеннымъ, что онъ отвѣтилъ на всѣ статьи Соколова однимъ разомъ, навѣрно теперь писать больше не будетъ; потомъ чрезъ нѣсколько времени сказалъ, что онъ арестованъ и сидитъ въ крѣпкомъ мѣстѣ. Но случилось вовсе не такъ, какъ предполагалъ Виноградскій. По полученіи донесенія отъ генералъ-губернатора съ вышесказанными приложеніями, происходило совѣщаніе между министромъ внутреннихъ дѣлъ и шефомъ жандармовъ, которые рѣшили испросить высочайшее повелѣніе о производствѣ слѣдствія. Слѣдователемъ избранъ былъ свитскій генералъ-маіоръ Сколковъ, долго бывшій прежде адъютантомъ князя Меншикова, человѣкъ честный, добрый, умный и благородный. Дѣлопроизводителемъ къ нему Валуевъ назначилъ чиновника Львова, брата того поручика, котораго убилъ полковникъ Фонъ-Раденъ, лѣтомъ 1862 года, оправданный флигель-адъютантомъ Яновскимъ. Депутатами назначили отъ министерства внутреннихъ дѣлъ чиновника особыхъ порученій Кузмича, человѣка неспособнаго; отъ министерства же юстиціи—исправляющаго должность оберъ-прокурора Афонасенко, сенатскую крысу, выжигу, который привыкъ не смѣть свое сужденіе имѣть, а дѣлать какъ прикажутъ. Онъ тотчасъ объявилъ своимъ знакомымъ, что Василій Андреевичъ смотритъ на это дѣло, какъ на весьма важное, слѣдовательно, оно должно быть такимъ; Василій Андреевичъ говоритъ, что тутъ скрывается политическій замыселъ, слѣдовательно, это мнѣніе его надо поддерживать и угодить ему. Съ такими правилами прослужилъ Афонасенко около 30 лѣтъ въ Сенатѣ и былъ извѣстенъ начальству за самаго ревностнаго исполнителя не только начальническихъ приказаній, но даже однихъ намековъ ихъ.

Передъ началомъ слѣдствія распорядились такъ: Соколова уволили въ отставку безъ его вѣдома, Виноградскаго причислили къ министерству, Колена съ Ланскимъ смѣнили, а прочихъ оставили при своихъ должностяхъ. Такъ какъ Соколовъ былъ въ Петербургѣ, то съ жандармскимъ офицеромъ отправили его въ Тобольскъ на слѣдствіе. Какъ видно, Виноградскій немножко ошибся въ своемъ разсчетѣ, относительно Соколова, съ тою только разницею, что и самъ не ускользнулъ: разсчитывая получить звѣзду, къ которой Дюгамель представилъ его за отличное упра-

вленіе губерніею, попалъ въ министерство. Говорятъ, что это еще милостиво поступили съ вышесказанными лицами.

Какъ ни старался Афонасенко отыскать что-нибудь политическое, какъ ни натягивалъ вездѣ, какъ ни помогалъ ему въ этомъ Кузмичъ, ничего не могли открыть больше того, что дѣйствительно было. По слѣдствію оказалось слѣдующее: Соколовъ приказалъ перевесть Михайлова изъ кандальнаго отдѣленія въ дворянское, гдѣ всегда помѣщались каторжные изъ дворянъ и прежде Михайлова и послѣ; полицеймейстеръ велѣлъ его расковать, потому что Михайловъ былъ боленъ, да притомъ каторжные изъ дворянъ всегда содержались въ острогѣ безъ кандаловъ; онъ въ первый разъ свезъ его на обѣдъ къ подполковнику Жданъ-Пушкину, а послѣ того къ Соколову, въ другой-же разъ приказалъ отвезти къ нему какому-то частному приставу, онъ-же разрѣшилъ отпустить Михайлова къ Андроникову и лекарю Анучину; прокуроръ самъ бралъ его къ себѣ, также точно и купчиха Пиленкова. Посѣщали Михайлова въ острогѣ свободно, потому что къ пересыльнымъ арестантамъ всегда былъ свободный доступъ; да и въ законѣ нѣтъ точныхъ указаній, какъ должно содержать ихъ; въ уставѣ о ссыльныхъ говорится только о содержащихся подъ стражею во время слѣдствія и суда, объ осужденныхъ-же вовсе не упоминается. Ихъ только нужно доставить на мѣсто ссылки, и лишить возможности къ побѣгу. Въ законѣ не полагается также никакого различія между преступниками—будь онъ политическій преступникъ, убійца, разбойникъ, дѣлатель фальшивыхъ монетъ; всѣ они принадлежатъ къ одному разряду каторжныхъ. Поэтому въ Тобольскѣ изъ числа пересыльныхъ выпускался изъ острога не одинъ политическій преступникъ Михайловъ, но осужденные и за другія преступленія. Далѣе оказалось, что Михайловъ, съ самаго пріѣзда въ Тобольскъ, заболѣлъ, имѣлъ кровохарканье, пользовалъ былъ Соколовымъ, который и бралъ его къ себѣ для изслѣдованія. Жемчужниковъ знакомъ былъ съ родными Михайлова, Пушкинъ—съ родными Михайлова и съ нимъ самимъ въ Петербургѣ, Андроникова просилъ принять участіе въ Михайловѣ кто-то изъ петербургскихъ литераторовъ. Букета дамы ему не подносили, да и не могли носить, потому что во всемъ городѣ въ январѣ мѣсяцѣ нельзя было достать ни одного цвѣтка. Торжественныхъ обѣдовъ ему не давали, а бывалъ онъ на семейныхъ обѣдахъ; слѣдовательно, о демонстраціи не можетъ быть и рѣчи. Наконецъ, передъ отъѣздомъ обѣдалъ въ послѣдній разъ у Пушкина; тамъ вынуты были заклепы изъ кандаловъ; самые же кандалы положены въ мѣшокъ и доставлены въ цѣлости въ Иркутскъ вмѣстѣ съ Михайловымъ. Что ихъ разорвать нельзя, объ этомъ составленъ актъ. Поэтому вся нелѣпость Масолова о кольцахъ, браслетахъ и гирляндахъ сдѣлалась очевидной сама собою. Послѣ обѣда проводили за городъ и на прощаньи выпили шампанскаго; это было ночью, такъ что никто изъ жителей города и не зналъ о выѣздѣ Михайлова. За городомъ

на 10 верстѣ встрѣтилъ его Соколовъ съ женою, возвращавшіеся изъ татарскихъ юртъ, и передали ему пять жареныхъ рябчиковъ на дорогу. Встрѣча эта была случайная: Соколовъ поѣхалъ было съ своей женой въ монастырь за 25 верстъ отъ города, но, по случаю сильнаго мороза, вернулся назадъ, такъ какъ жена не могла вынести сильнаго холода; рябчики были взяты ими для себя, но по случаю возвращенія въ городъ, оказывались ненужными и потому поступили къ Михайлову. Прокламацій въ губернской типографіи не печаталось вовсе, и не было въ городѣ. Михайловъ во время посѣщеній своихъ ничего политическаго не проводилъ. Больше ничего не могли открыть, потому что больше вышесказаннаго ничего не было. Этимъ окончилось слѣдствіе. И стоило-ли посылать изъ Петербурга одного генералъ-маіора, двухъ д. с. совѣтниковъ, одного коллежскаго ассессора съ канцеляріей, чтобъ написать нѣсколько томовъ, въ которыхъ-бы заключалось: кто посѣщалъ Михайлова и у кого онъ обѣдалъ? Правительству вездѣ представляются заговоры, революціи, пропагандисты, а III отдѣленіе изъ силъ выбивается, чтобъ открыть ихъ и тѣмъ доказать свою полезную дѣятельность. Не даромъ-же Потаповъ, на одномъ обѣдѣ, данномъ въ честь какого-то чиновника III отдѣленія, переведеннаго въ другое вѣдомство, сказалъ спичъ, въ которомъ доказывалъ своимъ птенцамъ-шпіонамъ, что III отдѣленіе есть первое и самое благодѣтельное учрежденіе для Россіи, что оно назначено покойнымъ государемъ утирать слезы несчастнымъ, и этой выходкѣ аплодировали подчиненные.

Министру Валуеву и шефу жандармовъ такъ и лѣзутъ въ глаза революціи. Недавно они придумали было заговоръ въ Зарайскѣ, Рязанской губерніи. Дѣло было такъ: на одномъ вечерѣ сошлось нѣсколько гостей, танцовали и пили. Подпивши порядкомъ, мѣстный стряпчій и лекарь стали подтрунивать надъ солдатами-музыкантами, что они несутъ тяжкую службу, что лучше-бы жить въ домѣ и въ семействѣ. Тѣ объявили своему командиру— будто-бы ихъ подговаривали измѣнить. Узнавши объ этомъ, дворянскій предводитель Повалишинъ донесъ немедленно губернатору Муравьеву, а тотъ по телеграфу министру, засадивши тотчасъ въ острогъ и стряпчаго, и лекаря. Назначили изъ Петербурга слѣдователя какого-то д. с. с. Аннинскаго, который и нашелъ, что сказано выше. Выпустили арестованныхъ, продержавши 5 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ.

Тобольское дѣло еще не кончено: его намѣрены передать въ 1-й департаментъ правительствующаго сената, который долженъ рѣшить, что должно сдѣлать съ обвиняемыми. А между тѣмъ причислили къ министерству и прокурора Жемчужникова; смѣнили, говорятъ, и Масолова за то, разумѣется, что во-время не донесъ о такомъ важномъ дѣлѣ, какъ выѣздъ Михайлова изъ острога. Ланскому приказано въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ перейти въ другое вѣдомство. Стараго Колена, состоящаго 52 года на службѣ, жандармское начальство предало суду. Одно благодѣяніе

для губерніи принесло Михайловское дѣло: смѣнили губернатора Виноградскаго. Вотъ все, что мы до сихъ поръ съ большимъ трудомъ узнали о тобольскомъ дѣлѣ, будемъ слѣдить за нимъ до конца и по окончаніи его увѣдомимъ читателей.

8 Марта 1863.

Послѣ смерти.

Наконецъ-то и правительство отслужило по Михайлову (умершему 1866) своего рода панихиду. Мы помѣщаемъ ниже „Дѣло о послабленіяхъ начальствующими лицами Михайлову, Обручеву и Макѣеву".

Мы перепечатываемъ это для того, чтобъ сохранить еще документъ для будущей характеристики правительства и еще оправданье, почему мы такъ отъ души ихъ ненавидимъ.

„Докладъ по этому дѣлу происходилъ 16 Марта, во 2-мъ отдѣленіи 6-го департамента правительствующаго сената (въ Москвѣ). Обстоятельства дѣла слѣдующія:

„Третье отдѣленіе собственной его импер. велич. канцеляріи, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1862 г., получило извѣстіе, что начальствующія лица города Тобольска оказывали послабленіе содержавшемуся въ тобольскомъ пересыльномъ замкѣ государственному преступнику Михайлову, который, будучи отправленъ изъ Петербурга 1861 г. и прибывъ въ Тобольскъ 30 Декабря того же года, не отправлялся къ мѣсту ссылки до 27 Января 1862 г.; что все тобольское общество оказывало ему сочувствіе; что, по прибытіи въ Тобольскъ, онъ былъ раскованъ и содержался въ тобольскомъ замкѣ незакованнымъ; что вице-губернаторъ Соколовъ, прокуроръ Жемчужниковъ и начальникъ провіантской коммиссіи, полковникъ Жданъ-Пушкинъ, принимали его у себя въ домахъ и вмѣстѣ съ нимъ обѣдали; что къ Михайлову въ тюремный замокъ пріѣзжали и оказывали сочувствіе къ его положенію военный медикъ Онучинъ, жена его, директриса тюремнаго комитета купчиха Пиленкова и другія дамы, которыя подносили Михайлову букеты цвѣтовъ; что въ тотъ день, когда Михайловъ долженъ былъ отправляться изъ Тобольска къ мѣсту ссылки — въ Нерчинскъ, въ квартирѣ Жданъ-Пушкина, изъ которой онъ былъ отправленъ, разбиты были его кандалы и кольцо изъ нихъ послѣ видѣли на столѣ у вице-губернатора съ привязанною дощечкою, на которой было написано: „Покровителю угнетенныхъ — отъ Михайлова"; что, при самомъ выѣздѣ Михайлова изъ города, повозка его остановлена была у заставы, гдѣ многіе мужчины и дамы прощались съ нимъ, пили шампанское и кричали „ура!"; а за заставою онъ былъ остановленъ вице-губернаторомъ Соколовымъ, который прощался тутъ съ нимъ и далъ коробку съ чѣмъ-то.

„Вслѣдствіе этого донесенія, государю императору благоугодно было назначить изслѣдованіе о противузаконныхъ послабленіяхъ начальствующихъ лицъ города Тобольска, оказанныхъ государственному преступнику Михайлову, и вообще о сочувствіи къ его преступленію тобольскаго общества, для чего и назначенъ былъ генералъ-маіоръ Сколковъ. При слѣд-

ствіи, произведенномъ послѣднимъ, оказалось, что со стороны начальствующихъ лицъ города Тобольска дѣлано было одинаковое послабленіе съ Михайловымъ государственному преступнику Обручеву и безсрочно-ссыльно-каторжному Макѣеву.

„Показанія обвиняемыхъ при слѣдствіи были слѣдующія:

„Смотритель тобольскаго тюремнаго замка, Козаковъ, Михайловъ, Обручевъ и Макѣевъ, во время бытности ихъ въ Тобольскѣ, содержались не на кандальномъ дворѣ, а во флигелѣ для подсудимыхъ арестантовъ изъ дворянъ, съ разрѣшенія, по отношенію къ Михайлову, тобольскаго вице-губернатора. Камеры ихъ не запирались. Обручевъ и Макѣевъ доставлены были въ Тобольскъ безъ оковъ и незакованными же были отправлены изъ Тобольска къ мѣсту ссылки. Михайловъ прибылъ закованный; по прибытіи помѣщенъ былъ не въ замкѣ, а въ квартирѣ надзирателя острога Устюгова, и въ тотъ же день, по приказанію полицеймейстера, былъ раскованъ, и затѣмъ переведенъ во флигель для подсудимыхъ дворянъ. Камера его, также какъ у Обручева и Макѣева, не запиралась. Увольнялся онъ изъ замка, съ разрѣшенія полицеймейстера, къ вице-губернатору Соколову, лекарю Онучину и другимъ лицамъ. Посѣтители бывали у Михайлова съ разрѣшенія вице-губернатора.

„Отъ этого послѣдняго показанія Козаковъ на другомъ допросѣ отказался, объяснивъ, что ссылку на вице-губернатора научилъ его сдѣлать полицеймейстеръ Кувичинскій, а что на самомъ дѣлѣ впускалъ посѣтителей онъ самъ, безъ билетовъ, въ чемъ и сознаетъ себя виновнымъ.

„Показаніе полицеймейстера Кувичинскаго. Преступники Михайловъ, Обручевъ и Макѣевъ содержались не на кандальномъ дворѣ, а во флигелѣ для подсудимыхъ арестантовъ изъ дворянъ; но это было сдѣлано по издавна заведенному порядку въ тобольскомъ тюремномъ замкѣ, гдѣ отдѣлялись содержавшіеся преступники привилегированныхъ сословій отъ простого. Что же касается того, что давалъ ли онъ прямо приказаніе смотрителю замка Козакову о содержаніи Михайлова, Обручева и Макѣева во флигелѣ подсудимыхъ дворянъ, то онъ этого не помнитъ; но, можетъ быть, и давалъ. Камеры означенныхъ трехъ преступниковъ никогда не запирались, также по существующему издавна порядку. Отдавалъ ли онъ приказаніе смотрителю расковать Михайлова по прибытіи его въ Тобольскъ, не помнитъ, но не отрицаетъ, что могъ и отдавать, уважая въ преступникѣ дворянское сословіе, къ которому послѣдній прежде принадлежалъ. О посѣщеніяхъ, дѣлаемыхъ къ Михайлову разными лицами, онъ въ началѣ ничего не зналъ, но когда смотритель доложилъ ему объ этомъ, то онъ не приказалъ никого пропускать безъ его записокъ; самъ же дозволилъ бывать у Михайлова только полковнику Жданъ-Пушкину, а также дозволилъ Михайлову быть на обѣдѣ у лекаря Онучина. Въ самый день отправленія Михайлова изъ Тобольска къ мѣсту ссылки, онъ дозволилъ ему быть въ домѣ Жданъ-Пушкина, откуда Михайловъ отправился въ Нерчинскъ, а не заковалъ его при отправленіи потому, что не пришло это въ голову.

„Генералъ-маіоръ Сколковъ, при произведеніи слѣдствія, открылъ, по отношенію къ Михайлову, слѣдующее обстоятельство. На другой день, по прибытіи Михайлова въ Тобольскъ, лекарь тюремнаго замка, по обык-

новенію осматривалъ его и нашелъ, что у него сильное кровохарканіе, а на тѣлѣ были синяки на нижней части голеней, почему началъ его лечить, но, по тѣснотѣ помѣщенія въ больницѣ, Михайловъ, во время леченія, оставался въ своей камерѣ и поэтому же оставленъ былъ въ Тобольскѣ съ 31 Декабря 1861 г. до 27 Января 1862 г. Въ Январѣ 1862 года Михайловъ подавалъ прошеніе въ тобольскій приказъ о ссыльныхъ, о разрѣшеніи ему отправиться къ мѣсту ссылки, по болѣзненному его состоянію, не съ партіею пересыльныхъ арестантовъ, а на почтовыхъ. Вслѣдствіе этого прошенія, тобольская врачебная управа свидѣтельствовала Михайлова и нашла, что онъ дѣйствительно не можетъ не только что идти съ партіею арестантовъ, но не можетъ даже слѣдовать и на пересыльныхъ подводахъ, почему разрѣшено ему было отправиться, на свой счетъ, на почтовыхъ. Въ день отправленія его въ ссылку изъ Тобольска, въ квартирѣ Жданъ-Пушкина, по показанію находившагося у послѣдняго въ услуженіи человѣка Лыскова, капитанъ генеральнаго штаба Скибинскій взялъ изъ чемодана Михайлова, гдѣ лежали арестантскія его вещи, кандалы, разбивалъ ихъ молоткомъ, а жена Жданъ-Пушкина сказала, будто бы, что кольцо отъ этихъ кандаловъ нужно оставить на память о Михайловѣ. Но это показаніе Лыскова опровергается показаніями двухъ жандармовъ, сопровождавшихъ Михайлова изъ Тобольска, которые объяснили слѣдственной коммиссіи, что, принимая изъ квартиры Жданъ-Пушкина арестантскія вещи Михайлова, они приняли вмѣстѣ съ ними и кандалы его совсѣмъ цѣлые. Кромѣ того, въ коммиссіи для большаго убѣжденія, по распоряженію генералъ-маіора Сколкова, при кузнецахъ, разбивались арестантскія кандалы молоткомъ и оказалось, что безъ помощи кузнеца, разбить ихъ невозможно, о чемъ и составленъ былъ генералъ-маіоромъ Сколковымъ актъ.

„Продолжаются показанія подсудимыхъ.

„Показаніе тобольскаго губернатора Виноградскаго. О послабленіяхъ, которыя оказывали Михайлову, Обручеву и Макѣеву, онъ совершенно ничего не зналъ. Вице-губернаторъ и директоръ попечительнаго о тюрьмахъ комитета, напротивъ, всегда представляли ему, что въ тюремномъ замкѣ нѣтъ никакихъ безпорядковъ; самъ же онъ не могъ бы допустить ихъ, потому что хорошо знаетъ, что всякое послабленіе, оказываемое такимъ преступникамъ, какъ Михайловъ, Обручевъ и Макѣевъ, есть протестъ противъ правительства. Объ этихъ послабленіяхъ онъ не могъ имѣть даже частныхъ свѣдѣній, потому что не имѣлъ никакихъ частныхъ сношеній съ обществомъ: все время его поглощалось служебными занятіями, въ которыхъ онъ, какъ человѣкъ бѣдный, видѣлъ всю цѣль своей дѣятельности. Кромѣ того, во время бытности Михайлова въ Тобольскѣ, онъ занятъ былъ приготовленіемъ къ ожидавшейся ревизіи генералъ-губернатора, и потому узналъ о послабленіяхъ, дѣлавшихся преступникамъ, только изъ бумаги, полученной имъ отъ генералъ-губернатора, вслѣдствіе которой онъ потребовалъ донесенія объ этомъ предметѣ отъ полицеймейстера и получилъ объясненіе, что послабленія преступникамъ дѣлались смотрителемъ замка по приказанію вице-губернатора и прокурора. Это донесеніе онъ препроводилъ отъ себя къ генералъ-губернатору. Доходили до него частные слухи, что преступникъ Макѣевъ отлучался изъ замка къ прокурору,

за что онъ дѣлалъ выговоръ полицеймейстеру. Въ статейномъ же спискѣ Макѣева не сказано было, что онъ отправляется въ ссылку закованнымъ и изъ свѣдѣній, полученныхъ имъ отъ приказа о ссыльныхъ, видно было, что онъ прибылъ въ Тобольскъ незакованный. Обручеву, по ходатайству жандармскаго штабъ-офицера, онъ позволялъ прогуливаться для здоровья, около памятника Ермака, въ сопровожденіи жандарма.

„Показаніе вице-губернатора Соколова. Какъ предсѣдатель губернскаго правленія, онъ постоянно занимался дѣлами о преступникахъ; какъ директоръ попечительнаго о тюрьмахъ комитета, онъ постоянно бывалъ въ тобольскомъ тюремномъ замкѣ для наблюденія за помѣщеніемъ арестантовъ, а какъ докторъ *) считалъ своею обязанностью всегда помогать преступникамъ въ ихъ недугахъ, и Михайлова онъ сожалѣлъ, какъ больного человѣка. Занимаясь, въ продолженіе 10 лѣтъ, изученіемъ легочной чахотки, въ доказательство чего представляетъ нѣсколько статей своихъ объ этой болѣзни, онъ видѣлъ въ Михайловѣ не только что больного, достойнаго сожалѣнія, но и интереснаго субъекта для изученія со стороны науки: зналъ онъ его только по литературнымъ трудамъ и, въ особенности, по его статьямъ о женщинахъ. На квартиру къ себѣ Михайлова онъ дѣйствительно призывалъ, для поданія медицинскаго пособія; а такъ какъ Михайловъ являлся къ нему къ четыремъ часамъ, то онъ оставлялъ его у себя обѣдать, но въ шесть часовъ отправлялъ въ замокъ, подъ присмотромъ полицейскаго чиновника, который его къ нему и привозилъ. Этихъ случаевъ было только два. Впрочемъ, главный начальникъ всѣхъ тюремныхъ заключеній въ губерніи—губернаторъ, который, въ продолженіе трехъ лѣтъ совмѣстнаго служенія съ нимъ, никогда не дѣлалъ ему никакихъ замѣчаній по поводу неисполненія лежавшихъ на немъ обязанностей, относительно тюремныхъ заключеній, между тѣмъ, какъ самъ губернаторъ, въ продолженіе трехъ лѣтъ, былъ въ острогѣ не болѣе трехъ разъ. Что касается прощанія съ Михайловымъ за заставою, то происходило оно слѣдующимъ образомъ: онъ поѣхалъ съ женою своею, по случаю болѣзни послѣдней, въ загородный монастырь; но, не доѣзжая до монастыря, долженъ былъ возвратиться назадъ, по причинѣ усилившагося вдругъ холода и вѣтра. На возвратномъ пути увидѣлъ онъ ѣхавшую по направленію отъ города повозку, но не зналъ, кто въ ней сидитъ, а когда подъѣхалъ къ ней, то увидѣлъ сидящаго въ повозкѣ Михайлова, и потому остановился проститься, при чемъ отдалъ послѣднему бывшую съ нимъ коробку съ 5 рябчиками; но это было сдѣлано подаяніе, которое законъ не воспрещаетъ давать преступникамъ и которое дѣлается въ Россіи повсемѣстно.

„Показаніе прокурора Жемчужникова. Преступники Михайловъ, Обручевъ и Макѣевъ содержались во флигелѣ подсудимыхъ дворянъ, потому что по порядку, изстари заведенному въ тобольскомъ тюремномъ замкѣ, содержащіеся арестанты изъ привилегированнаго сословія отдѣлялись отъ простыхъ, что, по его мнѣнію, непротиворѣчитъ 101 ст. XIV т. уст. о содержаніи подъ стр.: а такъ какъ Михайловъ и Макѣевъ помѣщались хотя и въ одномъ корридорѣ, но въ разныхъ камерахъ, то, слѣ-

*) Тобольскій вице-губернаторъ Соколовъ—докторъ.

довательно, 101 ст. не была нарушена. Во время содержанія онъ видѣлъ ихъ раскованными, но приказанія расковывать не давалъ; заковать же ихъ онъ не могъ приказать, потому что, на основаніи законовъ, лица привилегированнаго сословія освобождаются отъ оковъ, и онъ считаетъ, что дѣйствія его были бы болѣе противозаконныя, еслибъ онъ приказалъ заковать Михайлова и Макѣева. Кромѣ того, вопросъ о заковываніи преступниковъ въ разныхъ мѣстахъ понимается различно. Такъ, Михайловъ, осужденный въ каторгу на 6 лѣтъ, присланъ былъ въ оковахъ, а шведскій подданный Бонгардъ изъ Варшавы, осужденный въ каторгу на 12 лѣтъ—безъ оковъ; слѣдовательно, незакованіе Михайлова можетъ быть отнесено къ ошибочному пониманію закона. О посѣщеніи Михайлова разными лицами онъ ничего не зналъ. Одинъ разъ бралъ его къ себѣ обѣдать съ тою цѣлью, чтобъ дать ему возможность, при его сильной болѣзни, воспользоваться хорошею пищею и разрѣшенія на это ни у кого не спрашивалъ. Разговоровъ съ нимъ ни о чемъ противозаконномъ не имѣлъ, а говорилъ только о своихъ племянникахъ, которыхъ Михайловъ зналъ давно, потому что жилъ въ томъ городѣ, въ которомъ жила его родная сестра. Сочувствія къ нему, какъ къ государственному преступнику, не имѣлъ, а сочувствовалъ ему, какъ человѣку несчастному и больному, и смотрѣлъ на это сочувствіе, какъ на дѣло состраданія къ ближнему, примѣръ котораго показывалъ самъ государь императоръ. Конфирмаціи надъ Михайловымъ онъ не читалъ; но изъ словъ послѣдняго узналъ, что онъ осужденъ былъ за найденное у него сочиненіе, авторомъ котораго былъ не онъ, но принялъ его на себя, чтобъ отстранить отъ отвѣтственности дѣйствительнаго автора, и это обстоятельство не могло не возбудить въ немъ, Жемчужниковѣ, сочувствія къ осужденному, пострадавшему за другихъ; о самомъ же этомъ сочиненіи онъ ничего не зналъ. Притомъ, онъ не предполагалъ, чтобъ правительство, ввѣривъ ему должность прокурора, усумнилось въ его преданности и чистотѣ дѣйствій. Макѣева онъ зналъ съ того времени, когда тому было шесть лѣтъ, былъ знакомъ съ его родителями, обласканъ ими, и потому положеніе этого арестанта не могло не заинтересовать его, тѣмъ болѣе, что, по словамъ Макѣева, преступленіе было совершено имъ въ чаду, въ порывѣ необдуманности, и онъ видѣлъ, что хотя наказаніе, назначенное осужденному, было жестоко, но угрызенія совѣсти за совершенное преступленіе мучили его сильнѣе наказанія. Кромѣ того, Макѣевъ, на пути слѣдованія, въ Тюмени, перенесъ сильнѣйшую горячку, послѣ которой, не оправившись, прибылъ въ Тобольскъ. Видя въ немъ, какъ и Михайловѣ, человѣка страдающаго болѣзнью, онъ бралъ его къ себѣ обѣдать, съ тою же цѣлью, какъ и перваго и зналъ, что они бывали въ домахъ у нѣкоторыхъ почетныхъ лицъ Тобольска, хотя самъ не встрѣчалъ ихъ ни въ одномъ домѣ; но не придавалъ важности отлучкамъ ихъ изъ замка, во-первыхъ, по болѣзненному ихъ состоянію, а во-вторыхъ, потому, что въ законахъ нѣтъ статьи, запрещающей выпускать временно-пересыльныхъ арестантовъ изъ ихъ заключеній; если же и существуетъ въ XIV т. 190 ст., то она относится къ арестантамъ подсудимымъ, а не пересыльнымъ.

„На это объясненіе прокурора сдѣлано было ему коммиссіею замѣчаніе, что если нѣтъ въ законахъ статьи, запрещающей выпускать пере-

сыльныхъ арестантовъ, то нѣтъ и такой, которая дозволяла это дѣлать, и потому онъ долженъ былъ сообразоваться съ духомъ законовъ. Прокуроръ отвѣчалъ, что, во-первыхъ, если законъ чего не запрещаетъ, то, значитъ, дозволяетъ, а во-вторыхъ, онъ сообразовался съ духомъ законовъ, почему арестанты и не выпускались безъ различія; но особенно онъ сообразовался при этомъ съ духомъ той власти, отъ которой исходитъ законъ. Духъ государя императора выражается въ милости и снисхожденіи, что показалъ онъ тотчасъ же по восшествіи своемъ на престолъ, освободивъ изъ ссылки политическихъ преступниковъ и Михайлову уменьшилъ срокъ работъ, назначенный ему при осужденіи.

„Производившій слѣдствіе, генералъ-маіоръ Сколковъ донесъ, что общество тобольское вовсе не сочувствовало преступленію Михайлова, что букетовъ дамы ему не подносили, потому что при сибирскихъ морозахъ очень трудно имѣть живые цвѣты и что если нѣкоторыя изъ лицъ города и выказывали сочувствіе Михайлову, то это дѣлалось: или изъ желанія прослыть передовыми людьми, покровительствующими литератору, или изъ подражанія другимъ. Вице-губернаторъ Соколовъ оказывалъ участіе Михайлову, съ цѣлью сблизиться черезъ него съ литераторами и пріобрѣсти для себя сотрудничество въ какомъ-нибудь журналѣ. Полковникъ Жданъ-Пушкинъ знакомъ былъ съ Михайловымъ въ Петербургѣ, и потому встрѣтилъ его въ Тобольскѣ какъ знакомаго.

„Произведенное слѣдствіе, по окончаніи, передано было на соглашеніе министра внутреннихъ дѣлъ съ шефомъ корпуса жандармовъ, по докладу которыхъ государь императоръ повелѣлъ передать его въ первый департаментъ правительствующаго сената, для опредѣленія порядка отвѣтственности виновныхъ, такъ какъ они принадлежали къ разнымъ министерствамъ. 1-й департаментъ правительствующаго сената требовалъ заключенія отъ министра внутреннихъ дѣлъ и шефа корпуса жандармовъ, относительно опредѣленія отвѣтственности виновныхъ, находящихся въ ихъ непосредственномъ распоряженіи, на что министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ сенату, что губернаторъ Виноградскій и вице-губернаторъ Соколовъ подлежатъ отвѣтственности, послѣ отдаленія отъ должности, за превышеніе и бездѣятельность власти, по 383 ст. XV т., а шефъ корпуса жандармовъ нашелъ нужнымъ предать военному суду тобольскаго жандармскаго штабъ-офицера. Послѣ этого, 1-й департаментъ правительствующаго сената опредѣлилъ губернатору Виноградскому, уволенному отъ должности, сдѣлать выговоръ въ административномъ порядкѣ, а вице-губернатора, прокурора, полиціймейстера и смотрителя тюремнаго замка предать суду. Комитетъ министровъ, въ который поступило опредѣленіе это правительствующаго сената, нашелъ, что губернаторъ Виноградскій, также какъ и другіе, долженъ быть преданъ суду, на что воспослѣдовало высочайшее соизволеніе. Военный медикъ Онучинъ и капитанъ генеральнаго штаба Скибинскій, по распоряженію военнаго министра, уволены отъ службы безъ прошеній“.

И въ тоже самое время въ Англіи освободили безъ наказанія волонтера ирландца, который подъ хмелькомъ говорилъ, что намѣренъ убить принца Уэльскаго!

ЗАПИСКА

МИНИСТРА ДВОРА И УДѢЛОВЪ.

ГРАФА ВОРОНЦОВА-ДАШКОВА,

ОБЪ УНИЧТОЖЕНІИ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЫ

И

Возраженіе на нее Министра Внутреннихъ Дѣлъ

И. Н. ДУРНОВО.

•

Съ II изданія

М. К. ЭЛПИДИНА

(въ Женевѣ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „Россія“. Бассейная, 3.
1907.

А

Записка Министра Двора и Удѣловъ,

графа ВОРОНЦОВА-ДАШКОВА,

объ уничтоженіи крестьянской общины и возраженіе на нее Министра Внутреннихъ дѣлъ

И. Н. ДУРНОВО.

Въ началѣ текущаго года въ нѣкоторыхъ русскихъ періодическихъ изданіяхъ сообщалось, какъ слухъ, о внесеніи въ Государственный Совѣтъ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ проекта закона, имѣющаго въ виду ограниченіе крестьянскихъ земельныхъ передѣловъ 12-ти лѣтнимъ срокомъ и другія преобразованія въ средѣ крестьянскихъ мірскихъ отношеній; а нѣсколько мѣсяцевъ спустя въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ (кн. за сентябрь) помѣщена была статья Субботина, содержащая обстоятельный разборъ предполагаемаго преобразованія. Дальнѣйшая судьба и подробности въ развитіи этого проекта остаются до сихъ поръ для русской читающей публики административной тайной, неудобства которой вообще уже не разъ сказывались на русской жизни, принимая образъ канцелярскихъ реформъ, выработанныхъ подъ давленіемъ единоличныхъ взглядовъ и случайныхъ административныхъ вліяній—реформъ, навязанныхъ населенію наперекоръ господствующимъ общественнымъ взглядамъ и потребностямъ Предлагаемый намъ вниманію русскихъ читателей документъ до нѣкоторой степени восполняетъ этотъ недостатокъ по отношенію къ указываемому вопросу. Исторія его вкратцѣ слѣдующая: выработанный въ Министерствѣ Внутреннихъ дѣлъ проектъ былъ сообщенъ представителямъ другихъ министерствъ для отзыва. Министръ Двора и Удѣловъ, графъ Воронцовъ-Дашковъ, не довольствуясь простымъ отзывомъ, написалъ свой контръ-проектъ въ которомъ настаиваетъ на уничтоженіи крестьянской общины и указываетъ на необходимыя къ тому мѣры. Къ этому контръ-проекту приложены нами возраженія, сдѣланныя на него министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Принимая въ соображеніе вліянія графа Воронцова-Дашкова, и распространенность его взглядовъ на общину, въ наиболѣе близкихъ къ правительству сферахъ, мы, пользуясь счастливою случайностью, доставившею въ наши руки обѣ записки, печатаемъ ихъ дословную копію.

ОТЗЫВЪ МИНИСТРА ИМПЕРАТОРСКАГО ДВОРА и УДѢЛОВЪ.

30 Января 1893 г. № 123.

16-го Ноября 1892 года за № 13670 Ваше И—ство препроводили мнѣ записку, относящуюся къ проекту правилъ о земельныхъ передѣлахъ.

Разсмотрѣвъ эту записку, я не могу не сочувствовать намѣченной Вами цѣли—упорядоченію нашего крестьянскаго земледѣлія. Вопросъ этотъ настолько уже назрѣлъ и даже, можно сказать, наболѣлъ, что вполнѣ настало время помочь этому дѣлу и усиліями правительства стать лицомъ къ лицу съ этою бѣдою. Не могу, однако, при этомъ не высказать нѣкотораго моего разномыслія съ тѣми положеніями записки, которыя обусловливаютъ основанія и выводы изъ нихъ—причины и послѣдствія,—а въ зависимости отъ этого, и тѣ мѣры, которыя проектируются для устраненія зла.

Мнѣнію правительственныхъ лицъ и учрежденій о вредѣ, который наноситъ общинное владѣніе землею экономическому благосостоянію крестьянъ, записка противопоставляетъ другія мнѣнія, которыя я не раздѣляю. Сторонники общиннаго владѣнія землею въ настоящемъ его видѣ, какъ главное основаніе къ защитѣ его, выдвигаютъ всегда укоренившуюся къ нему привычку крестьянскаго населенія; смотрятъ на него какъ на существенную бытовую особенность нашего отечества и какъ на средство, предохраняющее отъ развитія безземельнаго пролетаріата; видятъ въ немъ историческое право населенія и вѣками сложившійся строй народной жизни. Такія основанія мнѣ представляются, до нѣкоторой степени, произвольными. Вкратцѣ исторія общины въ Россіи слѣдующая: Въ этой исторіи ясно очерчиваются пять періодовъ: 1-ый Община, при заселеніи огромныхъ пространствъ Россіи, вызванная необходимостью самозащиты. Какъ собственникъ земельный, община въ этотъ періодъ значенія не имѣла, она въ этомъ смыслѣ была не нужна: просторъ, обиліе земель и угодій, готовыхъ къ услугамъ каждаго отдѣльнаго члена общины, отстраняли надобность руководить способами пользованія землею—ее хватало на всѣхъ и на всѣ надобности. Во II-мъ періодѣ община, становившаяся подъ защиту крупнаго землевладѣнія до Бориса Годунова и Юрьева дня. За періодъ шатанья и перехода отъ одного владѣльца къ другому собственникомъ земли община, очевидно, быть не могла. Въ III-мъ періодѣ община является прикрѣпощенною къ владѣльческой землѣ при личной свободѣ

отдѣльныхъ ея членовъ и земельнымъ собственникомъ тоже не является. Періодъ этотъ заканчивается царствованіемъ Петра Великаго, когда указъ этого государя дѣлаетъ отвѣтственнымъ за исправное поступленіе податей и отбываніе другихъ повинностей не крестьянство, а его фактическихъ владѣльцевъ—помѣщиковъ. Этотъ указъ порождаетъ крѣпостное право и вводитъ общину въ IV-й періодъ ея жизни, заканчивающійся освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, съ котораго начинается V-й современный періодъ жизни общины. Если отбросить понятіе объ общинномъ владѣніи землей, въ смыслѣ начала всякой общественной жизни, черезъ которое прошли всѣ народности и всѣ государства, и которое, въ силу этого, не можетъ служить бытовою особенностью ни одного изъ нихъ, то можно признать, что община, какъ землевладѣлецъ, является всецѣло результатомъ одной изъ ряда капитальныхъ реформъ шестидесятыхъ годовъ, создавшихъ эпоху въ жизни Россіи.

Въ 60-хъ годахъ въ основу общины клали упомянутыя выше мысли, какъ это и теперь дѣлаютъ, защищая ее; это вѣрно, но не думаю, чтобы въ то время, какъ и теперь, мысли эти могли быть вполнѣ обоснованы на исторіи жизни русскаго народа и чтобы общинное землевладѣніе могло быть прямымъ послѣдствіемъ этой жизни. Общинное землевладѣніе и крестьянское самоуправленіе были краеугольными камнями того зданія государственнаго строя Россіи, къ которому въ то время стремились. Это несомнѣнно одна изъ причинъ, почему этотъ краеугольный камень и теперь такъ дорогъ защитникамъ общины. Если можно видѣть въ современной общинѣ историческое послѣдствіе прежней жизни народа, то развѣ въ томъ смыслѣ, что до 61 года крестьянинъ былъ къ крѣпостной зависимости казны, удѣла, помѣщика, а теперь онъ въ крѣпостной зависимости общины. И Богъ вѣсть еще, который изъ этихъ двухъ видовъ крѣпостной зависимости хуже. Менѣе долговѣчнымъ во всякомъ случаѣ будетъ послѣдній; это можно сказать, не будучи пророкомъ. Мнѣ думается, что вѣка крѣпостной зависимости, въ той или другой формѣ предшествовавшіе реформамъ 1861-го года, нельзя, не дѣлая нѣкоторой натяжки, признать историческою подготовкою къ современному общинному землевладѣнію и крестьянскому самоуправленію. Крестьянинъ, будучи крѣпостнымъ, обществомъ не владѣлъ землею, онъ самъ былъ объектомъ владѣнія и, уже по одному этому, ничѣмъ владѣть не могъ ни единично, ни въ составѣ той деревни или села, которыхъ онъ былъ членомъ. Онъ жилъ обществомъ—это вѣрно, но никакой собственности ни онъ, ни общество не имѣли и не могли имѣть. Крестьянинъ пользовался той землею, которую давалъ ему владѣлецъ, съ цѣлью поддержать свою платежную и рабочую силу. И пользовался онъ ею не по стольку, по скольку владѣлецъ его находилъ это для себя полезнымъ и нужнымъ. Исключеній я не принимаю во вниманіе. Ради этихъ же цѣлей, ради удобства владѣльца его селили обществами, а не

онъ самъ селился такъ. Въ основаніи строя всей его жизни лежало подчиненіе волѣ владѣльца, безразлично, была ли этимъ владѣльцемъ казна, удѣлъ или помѣщикъ. Эта воля и только она одна руководила его дѣятельностью, способами пользованія его имуществомъ, какъ движимымъ, такъ и недвижимымъ, даже его семейной жизнью и составомъ его семьи. Очевидно, что его исторической привычкой было быть руководимымъ во всѣхъ проявленіяхъ его жизни, а не руководиться въ нихъ самому. Эта же привычка была и его бытовою особенностью. О вѣками сложившемся, какомъ бы то ни было правѣ, онъ понятія не имѣлъ, да и не могъ имѣть, такъ какъ въ дѣйствительности, въ жизни онъ никакихъ правъ не имѣлъ. Жизнь его въ обществахъ, въ цѣляхъ и видахъ владѣльца, конечно, не могла зародить въ немъ понятія о томъ, что эта-то жизнь и будетъ впослѣдствіи служить основаніемъ подчинить его этому обществу и въ составѣ этого общества не только руководить самимъ собою, но и своими собратами. Логической послѣдовательностью такой жизни была бы замѣна повелителя—руководителемъ, замѣна произвола надъ нимъ владѣльца—дарованіемъ ему правъ, пользоваться коими ему слѣдовало подъ руководствомъ законной, правительственной власти. Только постепенное воспитаніе его въ уваженіи къ правамъ другихъ и въ умѣньи пользоваться своими собственными правами, въ ясномъ пониманіи того, что законно и что незаконно, что можно и чего нельзя, могли приготовить его къ тому, чтобы стать по праву гражданиномъ земли русской. Община не могла удовлетворить этимъ требованіямъ, сама не имѣя объ нихъ никакого понятія. Время и дѣло показали, что это такъ и случилось. Учрежденіемъ земскихъ начальниковъ правительство ясно доказало, что и оно пришло къ такому заключенію; а мѣры, которыя проектируются въ присланной мнѣ запискѣ, указываютъ на то, что въ глазахъ правительства,— община, какъ собственникъ, въ умѣніи пользоваться своею собственностью, оказалась не болѣе состоятельной, чѣмъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, гдѣ на нее возлагались большія надежды. Насколько умѣло хозяйничала община принадлежащею ей землею, указываетъ состояніе крестьянскаго земледѣлія теперь. Но прежде чѣмъ подтвердить это указаніемъ на факты, я не могу не сказать, что общинное владѣніе землею на практикѣ осталось идеею, и какъ стимулъ благосостоянія общественнаго, въ жизненную форму не облеклось. Въ смыслѣ пользованія землею общиною, я не знаю примѣра, гдѣ бы хозяйство общины было направлено къ тому, чтобы и трудъ и эксплоатація земли имѣли цѣлью пользы общины; никогда не видалъ, чтобы польза общественная клалась въ основаніе тѣхъ способовъ, которыми пользовалась община, хозяйничая надъ своею собственностью—землею. Даже тѣ работы, которыя вмѣнены закономъ въ обязанность обществу, какъ призрѣніе престарѣлыхъ, больныхъ, одинокихъ и неспособныхъ къ труду, большею частью вовсе не исполняются общиною. Всякій,

кто стоялъ близко къ деревнѣ, знаетъ это твердо. Въ дѣйствительности всякій членъ общества предоставленъ былъ обществомъ самому себѣ, своимъ силамъ, своей судьбѣ. По какой бы наклонной плоскости ни шелъ къ разоренію одинъ изъ членовъ общины, хоть бы по своему поведенію самый достойный, община всегда оставалась къ нему вполнѣ безучастною и ничѣмъ ему на помощь не приходила. Не направляя плохо одаренныхъ, не помогая приходящимъ въ бѣдность, предоставляя самимъ себѣ разорившихся и нуждающихся въ призрѣніи, община становила своихъ сочленовъ по отношенію къ землепользованію, въ такія условія, при которыхъ хозяйничать нельзя и, такимъ образомъ, мѣшала возрастанію благосостоянія тѣхъ своихъ сочленовъ, которые по своимъ природнымъ дарованіямъ могли бы стать хозяевами и жить обезпеченно. Къ чему свелось теперь пользованіе землею каждымъ отдѣльнымъ членомъ общества и въ какихъ условіяхъ приходится хозяйничать даже самымъ даровитымъ изъ нихъ?

Ни одинъ изъ членовъ общества не знаетъ, какимъ количествомъ земли онъ будетъ пользоваться завтра; ни одинъ изъ нихъ не можетъ сказать съ увѣренностью, будетъ ли онъ пахать завтра землю тамъ, гдѣ онъ ее сегодня пахалъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ земля, находящаяся въ пользованіи каждаго отдѣльнаго члена общества, разбита на безконечное число полосокъ, часто до такой степени узкихъ, что не только болѣе культурнымъ орудіемъ, но и сохою почти невозможно ихъ обработать, не вредя сосѣду; борона, работая на такой полоскѣ, неминуемо попадаетъ на землю сосѣда, зачастую въ такое время, когда это можетъ только вредить ему; сѣмена одного хозяина при разбрасываніи ихъ попадаютъ на землю другого, засѣянную совсѣмъ другимъ хлѣбомъ. Эти безчисленныя полоски земли отстоятъ отъ усадьбы хозяина и другъ отъ друга иногда на десятки верстъ. Всякое частное лицо, не прикрѣпощенное къ такому владѣнію, конечно, убѣжало бы отъ него. Крестьянинъ же,—главная матеріальная платежная сила государства, и крестьянское землевладѣніе находятся именно въ такихъ условіяхъ. Сторонники общины со всѣмъ этимъ мирятся „во имя сохраненія общины, ея вѣками сложившагося права и укоренившейся къ нему привычки населенія“. Въ чемъ же на дѣлѣ выразилась эта привычка, если всѣ усилія общины, всѣ цѣликомъ направлены къ тому, чтобы отъ общиннаго владѣнія отойти, уйти отъ отвѣтственности другъ за друга, уклониться отъ помощи и содѣйствія другъ другу и сдѣлать каждаго изъ своихъ сочленовъ отвѣтственнымъ самому за себя, а въ его хозяйствѣ поставить его особо отъ общины, создать изъ него самостоятельнаго землевладѣльца? Въ тѣхъ условіяхъ, въ которыя поставлена община закономъ, онъ къ своимъ стремленіямъ подойти не можетъ и, разрушая на дѣлѣ идею общиннаго землевладѣнія, ставитъ каждаго изъ своихъ членовъ, въ отдѣльности взятаго, въ такія

условія, въ которыхъ вообще никакое хозяйство, никакая культура не мыслимы. Каждый отдѣльный хозяинъ вынужденъ эксплоатировать своего собрата, чтобы самому быть въ состояніи стать въ условія, сколько-нибудь возможныя для землевладѣнія. Онъ не только не придетъ на помощь сосѣду, когда хозяйство того падаетъ, но изъ чувства самосохраненія долженъ этому радоваться; онъ караулитъ эту сосѣднюю полоску, чтобы тѣмъ-ли, другимъ-ли способомъ присоединить къ своей и тѣмъ поставить себя въ болѣе сносныя условія хозяйства, а изъ своего собрата, сосѣда, сдѣлать своего батрака. Кулаки земельные въ значительной мѣрѣ суть явленія, вызванные самою общиною, тѣми условіями, въ которыя она ставитъ для хозяйничанья, каждаго отдѣльнаго изъ своихъ членовъ. Тѣ изъ членовъ общины, у которыхъ кулачество не совмѣщается съ ихъ натурою, которымъ снять крестъ съ сосѣда противно, не видя возможности въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ они находятся, стать на ноги, а вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуя въ себѣ къ тому силу, стараются уйти отъ зла, уйти отъ земли, за которую ихъ отцы и они сами 31 годъ платили, которую они почти выкупили, ищутъ выхода въ переселеніи, хотятъ попытать счастья тамъ, гдѣ жить вольнѣе. Инициатива къ переселенію никогда не идетъ отъ голытьбы; починъ въ этомъ дѣлѣ всегда принадлежитъ не бѣднякамъ, но предпріимчивымъ людямъ. И только тогда, когда этихъ людей въ селѣ или деревнѣ является нѣсколько человѣкъ, къ нимъ пристраиваются и становятся подъ ихъ покровительство ихъ бѣдные родственники. Иногда въ рѣдкихъ случаяхъ, въ силу стадности массы, за ними идутъ тѣ, которымъ и здѣсь терять нечего. Идя на встрѣчу полнѣйшей неизвѣстности, эти люди просто говорятъ, что хуже того, что тутъ есть, нигдѣ не будетъ, и они бѣгутъ отъ той общины, которая долженствовала ихъ гарантировать отъ состоянія полнѣйшихъ пролетаріевъ, въ которомъ они находятся. Община должна была быть средствомъ, продохраняющимъ отъ развитія земельнаго пролетаріата. Выполнила ли она эту задачу? Можно съ увѣренностью сказать на это, что не только она отъ такого явленія не предохранила своихъ сочленовъ, но она-то главнымъ образомъ, и развила это явленіе, поставивши своихъ членовъ въ такія условія земледѣлія, которыя порождали съ одной стороны земельныхъ хищниковъ, а съ другой стороны дѣлали пролетаріями тѣхъ, кто становился жертвами хищенія. Община дала возможность къ учрежденію круговой поруки, какъ средства, обезпечивающаго исправное поступленіе податей и вызывающее поддержку слабыхъ сильными. Этимъ путемъ долженъ былъ остановиться сельскій пролетаріатъ. Такъ было въ идеѣ. На дѣлѣ вышло совсѣмъ обратное. Никогда ни одинъ сильный членъ общины не заплатилъ за слабаго ни копѣйки. На круговую поруку указываютъ обыкновенно, какъ на гнетъ для богатаго крестьянина, гнетъ, мѣшающій подъему благосостоянія способныхъ и даровитыхъ членовъ общины, но это вполнѣ невѣрно:

на дѣлѣ, круговая порука—это страшное орудіе въ рукахъ богатаго противъ бѣднаго. До сихъ поръ всѣ усилія правительства были направлены только къ тому, чтобы гарантировать крестьянина отъ разоренія при предъявленныхъ къ нему гражданскихъ взысканіяхъ частныхъ лицъ; тутъ строго указывается, что можно продать у крестьянина и что нельзя. Но по отношенію къ мірскимъ взысканіямъ, эти мѣры не имѣютъ мѣста. Міръ является всегда самымъ немилостивымъ, самымъ жестокимъ сборщикомъ податей. Круговая порука, заставляя каждаго помнить, что если онъ съ бѣдняка не выжметъ, то самъ долженъ за него заплатить, дѣлаетъ міръ безпощаднымъ. При такихъ взысканіяхъ міръ, пользуясь своимъ правомъ, не только продастъ всю движимость, посѣвъ и постройки неисправнаго плательщика, но отбираетъ отъ него и надѣлъ. При этихъ продажахъ все идетъ за безцѣнокъ, и это-то, главнымъ образомъ, и разоряетъ безденежнаго. Не столько бѣднякъ разоряется отъ того, что его заставятъ заплатить за то, что онъ долженъ, сколько отъ того, что при этомъ онъ лишается имущества, которое стоитъ втрое, вчетверо, иногда вдесятеро дороже того, за сколько оно продается. И міръ остается нѣмымъ, хладнокровнымъ свидѣтелемъ этого и вполнѣ безучастнымъ къ такому явленію общины. Разореніе богатаго въ цѣляхъ покрыть неисправность взносовъ бѣднаго—примѣръ небывалый. Собственно говоря, никогда, по народному выраженію, не выбиваетъ податей исправникъ или становой приставъ, по крайней мѣрѣ это случай весьма рѣдкій,—выбиваетъ эти подати самъ міръ. Исправникъ или становой приставъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, ограничивается только заявленіемъ, что если къ такому-то дню извѣстная сумма не будетъ ему представлена, то онъ пріѣдетъ и, на основаніи круговой поруки, опишетъ все то, что найдетъ описать у богатыхъ и бѣдныхъ, безразлично. Осуществить ему свою угрозу почти никогда не приходится—деньги выбиваетъ самъ міръ; при этомъ понятно, богатые никогда за бѣдныхъ не платятъ, они только увеличиваютъ контингентъ разоренныхъ. Накопленіе недоимокъ въ сущности выражаетъ собою только степень снисходительности администраціи не къ общинѣ, а къ бѣдности отдѣльныхъ членовъ. Община всегда была бы въ состояніи заплатить всѣ недоимки,—отвѣчай въ дѣйствительности богатые за бѣдныхъ. Въ зависимости отъ этого стоитъ и болѣе быстрое и до нѣкоторой степени задержанное увеличеніе пролетаріата. Не только сама община, въ своемъ вѣковомъ сознаніи пользы общиннаго землевладѣнія, не видитъ въ такомъ явленіи зла, но правительство, ограждая крестьянина отъ разоренія его частными людьми, никакихъ мѣръ не принимало къ тому, чтобы сама община не плодила въ своей средѣ пролетаріевъ. И пролетаріатъ въ деревнѣ съ каждымъ годомъ растетъ и растетъ. Сторонники общины закрываютъ на это глаза и утѣшаются мыслью, что на бумагѣ безземельныхъ крестьянъ

нѣтъ. Это грустное заблужденіе. На бумагѣ ихъ нѣтъ, но на дѣлѣ ихъ много, много такихъ, которые имѣя надѣлы, никогда ихъ не пашутъ, а надѣлы эти всегда въ пользованіи другихъ. Ужъ одно то, что процентъ безлошадныхъ съ каждымъ годомъ растетъ въ деревнѣ, доказываетъ это, какъ нельзя краснорѣчивѣе: безлошадный крестьянинъ уже не пахарь. Теперь куда такому пролетарію дѣваться? Что онъ можетъ предпринять, чтобы хоть свой личный трудъ наилучшимъ образомъ использовать? И тутъ онъ связанъ по рукамъ и ногамъ. Никуда онъ отъ своего земельнаго надѣла уйти не можетъ и обреченъ быть батракомъ своихъ богатыхъ собратовъ по общинѣ—это ихъ крѣпостной, если онъ честенъ, или это воръ, если онъ безчестенъ. Даже для крупнаго землевладѣнія пролетарій не работникъ, и со стороны тѣхъ землевладѣльцевъ, которые видятъ въ бѣдности окружающаго ихъ населенія источникъ къ своему обогащенію—это крупное недомысліе. Правда, поденная плата этимъ понижается, но если счесть, что теряетъ владѣлецъ на неисполненіи оплаченныхъ сдѣлокъ, на дурной и несвоевременной работѣ, на необходимости ежегодно увеличивать свой живой и мертвый инвентарь, всегда стоющій дороже наемнаго труда, то несомнѣнно, что помѣщику было бы гораздо выгоднѣе заплатить нѣсколько дороже поденщику, но быть обезпеченнымъ въ качествѣ и своевременности работы. Наконецъ, такое обстоятельство не можетъ не быть второстепеннымъ, когда идетъ рѣчь о благосостояніи народномъ. Пролетаріатъ при этихъ условіяхъ неизмѣримо хуже западно-европейскаго; тамъ пролетарій, по крайней мѣрѣ, свободенъ, а у насъ онъ связанъ съ бездоходнымъ, но дорого стоющимъ надѣломъ, часто только съ именемъ надѣла. Неужели могли бы имѣть мѣсто такія явленія, если бы дѣйствительно въ народѣ жило сознаніе въ необходимости для его же блага владѣнія землею общиною; если бы въ немъ жила твердо укоренившаяся привычка связывать свое благополучіе съ благополучіемъ общества, котораго онъ членъ; если бы такая привычка была его бытовою особенностью? Почти 32 года жизни народа доказали, что этого нѣтъ и что, слѣдовательно, не грѣша передъ истиною, нельзя утверждать, что мысли эти для примѣненія ихъ къ жизни находили и находятъ основаніе въ исторіи бытовой жизни народа; это будетъ натяжкою, по крайней мѣрѣ, для того историческаго момента жизни народа, когда онѣ вызвали учрежденіе общины въ томъ видѣ, въ какомъ она теперь есть. При этомъ врядъ-ли можно говорить объ отсутствіи въ настоящее время данныхъ для достаточнаго знакомства съ тѣми хозяйственными и бытовыми условіями населенія въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи, какъ объ основаніи дѣйствовать болѣе осторожно, чѣмъ того требуетъ весь ужасъ задержанія народа на пути, доведшемъ его до тѣхъ условій, въ которыхъ онъ теперь находится. Отъ устраненія этого зла вполнѣ зависитъ подъемъ благосостоянія народа или еще большее его обнищаніе въ дальнѣй-

шемъ будущемъ. Для всякаго, кому деревня знакома, кто близко стоялъ и стоитъ къ ней, перечисленныя явленія и ихъ причины не представятся сомнительными и для него совсѣмъ ясно, что нужны неотложныя и энергическія мѣропріятія, чтобы въ корнѣ измѣнить такой порядокъ вещей и отстранить его ужасныя послѣдствія. И такъ, жизнь показала, что круговая порука, какъ средство уравненія благосостоянія народнаго, вызвала результаты совершенно противоположные, она породила сельскій пролетаріатъ, а какъ средство, обезпечивающее исправное поступленіе податей, она тоже не достигла цѣли. Собирать подать, разоряя народъ, можно было бы и безъ круговой поруки, и можно съ увѣренностью сказать, что если бы правительство желало стать на этотъ путь и дѣйствовало бы въ этомъ направленіи черезъ другого посредника, а не черезъ общину, то народъ былъ бы разоренъ меньше. Нельзя при этомъ винить и администрацію, которая de facto никогда не заставляла платить богатаго за бѣднаго. Такой способъ дѣйствій неминуемо развилъ бы соціалистическіе инстинкты массы, которые, какъ я буду имѣть способъ сказать дальше, и безъ этого ей не чужды. Какія послѣдствія могло бы имѣть развитіе такихъ инстинктовъ, этого и представлять себѣ не хочется. Если признать, что круговая порука и для правительства и для народа только вредна, то отпадаетъ и это основаніе стремиться удержать общину. Затрону еще вопросъ о томъ, что сдѣлала община въ смыслѣ ея заботъ объ общественномъ благоустройствѣ. Всякому, кто бывалъ въ деревнѣ, извѣстно, въ какомъ положеніи находятся дороги и мосты на проселкахъ. Самая улица деревни часто представляетъ собою такое болото, что его объѣзжаютъ, потому что черезъ болото проѣздъ не безопасенъ. Если деревня расположена по оврагу, то зачастую отвержки его, все болѣе и болѣе распространяясь въ длину и глубину, почти пересѣкаютъ проѣздъ по поселку и дѣлаютъ этотъ проѣздъ ночью прямо опаснымъ, а днемъ заставляютъ ѣдущаго лѣпиться съ рискомъ опрокинуть возъ или самого себя, все ближе и ближе къ тому двору, къ которому овражекъ выходитъ. Всѣ изгороди общественныя находятся, и то временно, въ порядкѣ только тогда, когда онѣ ограждаютъ отъ потравы крестьянскіе посѣвы; по минованіи въ нихъ надобности въ текущемъ году, онѣ растаскиваются на дрова самими членами общины. На слѣдующій годъ за общественный счетъ эти изгороди опять возобновляются. Изгороди, которыя ограждаютъ отъ потравъ сосѣднія владѣльческія земли, большею частью совсѣмъ не поддерживаются. Пруды общественные, устроенные еще въ былыя времена, какъ для водопоя, такъ и безопасности въ пожарномъ отношеніи, давно исчезли и водоемы ихъ обращаются въ овраги, которые естественно дренируютъ почву, изсушая ее и дѣлаютъ пути непроѣздными. Общественные луга заростаютъ чепыжемъ, остаются подъ болотами, забиваются скотомъ, запогапиваются конскимъ щавелемъ, чемерицею и другими сорными и вредными травами,

и никому до этого тоже нѣтъ дѣла. Даже такія травы, какъ конскій щавель, напримѣръ, которыя распространяются сѣмянами, оставляются тщательно каждымъ отдѣльнымъ косцомъ на корню. Косивши, каждый бережетъ только себя, свою косу. Даже случайно скошенные стебли при уборкѣ льна, выкидываются, какъ безполезные для корма, и съ созрѣвшими сѣменами оставляются на лугу. Общественные лѣса въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ они имѣются, расчищаются и годъ отъ году по бороздкѣ, по двѣ распахиваются и уничтожаются. Отдаленныя земли иногда пустуютъ по своей отдаленности и по невозможности туда возить навозъ; естественный приростъ населенія и дѣлежи, дозволенные, вызываютъ увеличеніе количества построекъ; почти никогда община не выселитъ вновь такихъ строющихся на отдаленные участки и не дастъ имъ при этомъ извѣстныхъ льготъ, необходимыхъ при новомъ обзаведеніи, хотя бы эти участки и представляли собою всѣ удобства къ поселенію, и останется безучастно къ тому, что вновь возведенныя постройки вредны въ пожарномъ отношеніи. И все это дѣлается на томъ основаніи, „что міръ не одинъ человѣкъ, всякаго тоже не вразумить“ и „ужъ какъ люди, такъ и я“. И земли, которыя при хорошей обработкѣ, при уходѣ за ними, были бы капиталомъ, пустуютъ, а села горятъ. Однѣ надѣльныя земли, будь онѣ правильно заселены и составляй онѣ угодья, доступныя для хозяйства, уже доставили бы значительное количество земли для стремящихся переселиться, и одно разселеніе нашихъ огромныхъ и безобразныхъ, по скученности построекъ, селъ значительно увеличило бы доходность этихъ земель, а съ этимъ вмѣстѣ подняло бы и благосостояніе ихъ владѣльцевъ. Не могутъ такъ относящіеся другъ къ другу люди въ своихъ общественныхъ дѣлахъ быть тѣми членами общины, въ которыхъ укоренилось вѣками сознаніе пользы общиннаго владѣнія землею; тѣми, бытовую особенность которыхъ составляетъ это сознаніе, проведенное въ жизнь. Было бы черезчуръ грустно, просто безотрадно и безнадежно придти къ такому убѣжденію; оно могло бы подавить вѣру въ жизненную силу русскаго народа, въ возможность его разумнаго развитія, его процвѣтанія въ будущемъ. Если же вѣка такого сознанія и бытовыя особенности тутъ не при чемъ; если всѣ эти мысли были увлеченіемъ людей, отстаивающихъ общину въ настоящемъ ея видѣ; если разъ строй народной жизни, который созданъ общиною, и тѣ условія, въ которыя народъ ею поставленъ, были ошибкою, то зачѣмъ настаивать на этой ошибкѣ, зачѣмъ навязывать тому народу, который всѣми стремленіями своей жизни, всѣмъ тѣмъ, что онъ до сихъ поръ дѣлалъ, живя въ этихъ условіяхъ въ теченіе 32-хъ лѣтъ, старается доказать, что это была ошибка, стремится быть самостоятельнымъ хозяиномъ своей собственности и имѣть возможность примѣнить къ дѣлу ту силу, которую онъ въ себѣ чувствуетъ и сознаетъ. Какія бы препятствія не ставили ему на пути, какъ бы насильно на немъ не задерживали, поступательное

движеніе развитія народа его обходитъ, и волна народнаго разума, которая несетъ его впередъ, гонима все тѣмъ же вѣтромъ, все бьетъ объ тотъ же молъ, который ей противопоставляютъ, силясь или смыть его, или плеснуть черезъ край. Такой образъ дѣйствій никому не выгоденъ. Народъ бѣднѣетъ годъ отъ году, всѣ усилія его, вся его дѣятельность направлены къ тому, чтобы безплодно бороться съ тѣми условіями, въ которыхъ его заставляютъ жить; государство отъ этого терпитъ; но тѣмъ не менѣе голосъ народа, во имя идеи, никому не нужной и всѣмъ вредной, какъ будто никто не слышитъ. Гдѣ же та вѣра въ народный разумъ, которая дала возможность изъ массы крѣпостной, лишенной своей воли и правъ въ теченіе вѣковъ, сдѣлать массу, способную руководить своимъ хозяйствомъ и самоуправляться? Почему же этотъ народъ теперь сталъ глупъ во всѣхъ тѣхъ требованіяхъ, которыя онъ предъявляетъ къ жизни и къ правамъ на свою собственность. Напрасно смотрятъ на передѣлы исключительно какъ на необходимое послѣдствіе естественнаго прироста населенія, а на стремленіе къ переселенію, какъ на табунное свойство массы, увлеченной примѣромъ нѣсколькихъ неразумныхъ людей, у которыхъ бродяжничество настолько въ крови, что имъ не сидится на мѣстѣ и ихъ тянетъ инстиктивно, безсознательно куда-то вдаль. Какъ первоначальный раздѣлъ земли на членовъ общества, съ котораго современная община, какъ собственникъ, начала свою дѣятельность, замѣнившійся впослѣдствіи передѣлами, такъ и ничѣмъ неудержимое стремленіе къ переселенію—и то, и другое, прежде всего протестъ противъ общины, противъ тѣхъ условій жизни, гдѣ каждое отдѣльное лицо искусственно связано съ другимъ и безъ воли другихъ ничего не можетъ; гдѣ всякая частная иниціатива убита непониманіемъ ея массою, массою необразованною, неразвитою, завидующею всякому успѣху, всегда живущею интересами дня и въ своихъ жизненныхъ проявленіяхъ всегда болѣе или менѣе стихійною. Никогда масса не ведетъ иниціаторовъ, а всегда они ее ведутъ. Почему въ массѣ крестьянства это должно быть наоборотъ? Это совершенно для меня непонятно. Зачѣмъ та иниціатива, которой и такъ трудно пробивать себѣ путь, благодаря неразумію массы, въ крестьянствѣ должна стоять въ полной зависимости отъ этого неразумія, закономъ обязана подчиняться ему? Этого, мнѣ кажется, не оправдаетъ никакая идея, не объяснятъ никакіе сторонники общины. Положеніе 19 февраля 1861 г. приняло общину, какъ готовое учрежденіе, не видя возможности сразу кореннымъ образомъ измѣнить тотъ строй жизни, который оно застало, но оно принимало его, какъ временный, предвидя, что стремленіе къ самостоятельной собственности должно взять верхъ надъ этимъ строемъ. Въ этихъ видахъ оно нашло возможнымъ для отдѣльныхъ личностей, дарованія которыхъ выдѣляютъ ихъ изъ толпы и для которыхъ гнетъ общества станетъ тяжелъ, дать выходъ изъ этого положенія путемъ выкупа

своего надѣла (165 ст. пол. о вык.) и до того времени, когда преобразованіе общиннаго землевладѣнія правительственными мѣрами могло бы ихъ поставить въ независимое положеніе отъ общины. Къ сожалѣнію, статья эта была отмѣнена, и нынѣшніе сторонники общины оказались гораздо болѣе ревностными ея защитниками, чѣмъ дѣятели, создавшіе общинное землевладѣніе. Стремленія народа были предусмотрѣны дѣятелями 60-хъ гг., а нынѣшніе защитники общиннаго землевладѣнія отворачиваются отъ наличности тѣхъ явленій, которыя предусматривали прежніе дѣятели. Остается мнѣ затронуть еще вопросъ о томъ, насколько деморализирующе повліяла община на крестьянское населеніе. Съ уничтоженіемъ крѣпостного права патріархальность общиннаго строя явилась подорванною. Прежде въ этомъ строѣ для крестьянина была такая послѣдовательность: Богъ, Царь со своими пособниками, и помѣщикъ или владѣлецъ, какъ лицо, ближе всего къ нему стоящее, непосредственно имъ руководившее. Въ семейномъ строѣ уважалось старшинство и за дѣдомъ слѣдовали отцы—сыновья и внуки. Въ этомъ строѣ явился пробѣлъ, выпалъ изъ него ближайшій, непосредственный руководитель—помѣщикъ. Замѣнить его, очевидно, надлежало какимъ-нибудь учрежденіемъ, обладающимъ не только всѣми качествами прежняго руководителя, но даже большими и не имѣющимъ его недостатковъ. Этимъ руководителемъ явилась община. Къ какимъ практическимъ результатамъ этотъ руководитель привелъ руководимыхъ въ смыслѣ общиннаго землевладѣнія и общественнаго благоустройства, я уже сказалъ. Но, кромѣ того, этотъ руководитель, самъ безсознательный, не культурный, дѣйствующій инстинктивно, не могъ не дать простора инстинктамъ массы, всегда хищническимъ, неразумнымъ. Самая жизнь общины должна была неминуемо это вызвать. Авторитетъ старѣйшихъ членовъ общины и семьи при новыхъ порядкахъ не могъ не упасть: привыкши съ дѣтства къ тѣмъ порядкамъ, въ которыхъ они воспитались и выросли, они понятное дѣло, оказались несостоятельными управлять общиною. Та рутина, которою было наполнено все ихъ существованіе, ихъ полная обезличенность за время ихъ жизни не могли ихъ ввести въ рамки новаго порядка. Старикъ, уважаемый въ селѣ, не могъ мириться съ мыслью, что какой-нибудь Ванька, котораго вчера онъ и за человѣка-то не считалъ, сегодня является на сходъ въ качествѣ домохозяина, наравнѣ съ нимъ говоритъ, оспариваетъ его мнѣніе, поднимаетъ его на смѣхъ. Умъ молодыхъ дѣятелей, болѣе гибкій, чѣмъ умъ стариковъ, оказывался болѣе способнымъ къ воспринятію новыхъ вѣяній, и въ общественной дѣятельности старикамъ пришлось очень скоро уступить мѣсто молодымъ людямъ. Въ обыденной жизни Ванька товарищемъ старика стать не могъ, старикъ въ совѣтчики его ни за что бы не взялъ и, негодуя на свое безсиліе, осуждалъ новые порядки, а Ваньку продолжалъ считать пустымъ человѣкомъ, хоть и приходилось уступать ему на сходкахъ. Сначала

старики негодовали, а потомъ утвердившись въ своей непреклонности, мало-по-малу освоились съ мыслью, что, должно быть, ихъ время прошло и что вѣрно ужъ на то воля Божья, чтобы молодые умнѣе старыхъ стали; одинъ по одному они перестали ходить на сходки и посылали вмѣсто себя сыновей. Въ общественной жизни авторитетъ стариковъ былъ подорванъ—замѣнилъ ихъ молодякъ. На этомъ дѣло не могло остановиться; мало-по-малу, въ виду того, что и торговыя сдѣлки, и всѣ дѣла по домашнему обиходу стали обставляться новыми условіями, облекаться въ новыя формы, явились требованія закона, которыхъ прежде не было; старикамъ для успѣха въ собственныхъ дѣлахъ пришлось уступить мѣсто молодымъ людямъ и въ домашнихъ дѣлахъ. И здѣсь молодые люди присобливались къ новымъ порядкамъ, скорѣе стариковъ. Осталась старикамъ одна соха, но отъ нея они и сами отреклись, находя, что если сынъ и на сходъ идетъ, и на базаръ ѣдетъ, то пусть онъ ужъ и пашетъ: не ему же, старику, на сына работать. Отказавшись отъ сохи, старики стали лишнимъ ртомъ, безполезною тяжестью. Молодые дѣятели не могли не сознать своего превосходства надъ отцами и очень скоро изъ покорныхъ волѣ отца дѣтей обратились въ непризнающихъ эту волю. Ужъ не отцы приказывали сыновьямъ, а сыновья отцамъ. При такимъ отношеніяхъ дѣтей къ отцу авторитетъ отца и въ семьѣ упалъ—патріархальной семьи не стало. Рубль все больше и больше становился силою. Изъ молодыхъ дѣятелей вырабатывались мірскіе воротилы, которые все ближе и ближе стали подходить къ типу мошенниковъ, кулаковъ, ростовщиковъ и обдѣлистыхъ малыхъ—настало ихъ царство; появилась на сходкахъ водка и зачастую она-то и служитъ главнымъ основаніемъ приговоровъ и постановленій схода. Старость стала зломъ, а уваженіе къ ней и почесть замѣнились въ лучшихъ случаяхъ снисходительностью къ ней, а въ худшихъ грубостью и пренебреженіемъ, какъ къ чему-то ненужному, заѣдающему чужую жизнь, даромъ ѣдящему хлѣбъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда возмущенный старикъ выходилъ изъ терпѣнія и хотѣлъ поставить сына на мѣсто, призвать его къ порядку, сынъ обращался къ міру, а то, пожалуй, и самъ ловилъ старика за бороду, особенно, если дѣло происходило дома, не на людяхъ. Молодой жалобщикъ и міру былъ человѣкъ нужный, онъ и тамъ ворочалъ дѣлами; подумаютъ, потолкуютъ на сходѣ, да и отдѣлятъ сына отъ отца—такъ-то грѣха меньше. Вѣдь силу на сходѣ составляли тоже молодые. Сегодня отдѣлили одного, завтра другого; сегодня раздѣлили сына съ отцемъ, завтра двухъ братьевъ; въ правахъ всѣ сравнялись. Думай каждый самъ за себя. При этихъ раздѣлахъ терпѣли, конечно, старики: приходилось имъ опять браться за соху и самимъ на себя работать; деньженокъ, которыя по дѣламъ должны были быть всѣ въ наличности, не оказывалось; сынъ, тотъ зналъ, гдѣ ихъ найти, а старикъ не зналъ; у сына въ кошелькѣ онѣ и оказывались современемъ.

Церковь стала удѣломъ стариковъ. Молодымъ дѣятелямъ было не до того: имъ некогда, они въ дѣлахъ. Обходясь безъ церкви, они стали мало-по-малу добираться и до своихъ духовныхъ руководителей: уже батюшку не слушали съ благоговѣніемъ, а съ нимъ спорили, говорили ему ты, сокращали его доходы, накладывали на него руку. Священникамъ пришлось вступить въ борьбу за существованіе, сойти съ пьедестала и почета, стать одною изъ борющихся сторонъ. Авторитетъ и священниковъ упалъ. Въ такой послѣдовательности шла деморализація членовъ общины, а слѣдовательно и самой общины. Если бы этимъ дѣло и кончилось, то это была бы бѣда, но бѣда еще не такъ большой руки; но нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы тѣ хищническіе инстинкты, которые захватываютъ все большее и большее число отдѣльныхъ членовъ общины, не охватили бы когда-нибудь и большую часть массы общины. Тогда отъ хищенія другъ друга внутри общины алчные взоры массы, воспитанной въ убѣжденіи, что „двое, трое, никакъ одинъ“ и что міръ силенъ, силенъ именно количественно, должны будутъ направляться на владѣнія сосѣднія. Слово, сказанное Государемъ волостнымъ старшинамъ во время коронаціи, доказываетъ, что такое предположеніе не лишено основанія, и что были уже случаи, когда эти инстинкты охватывали массу. Было бы невѣрно сказать, что община совсѣмъ не дорога народу: если бы вопросъ о томъ, быть или не быть общинѣ, предоставить рѣшить крестьянскимъ сходамъ, массѣ крестьянства, то онъ навѣрное былъ бы рѣшенъ въ пользу оставленія общины. Но чѣмъ дорога община народу? Поговорите съ каждымъ объ отдѣльныхъ явленіяхъ жизни общины, мною перечисленныхъ, каждый изъ нихъ подтвердитъ сказанное мною, сознаетъ зло, сознаетъ, что неразумность массы довела въ отдѣльности каждаго изъ своихъ членовъ до того положенія, на которое онъ сѣтуетъ, но въ массѣ, я увѣренъ, и онъ будетъ отстаивать общину. Въ своихъ дурныхъ проявленіяхъ община воспитала въ себѣ все-таки сознаніе той силы, которую представляетъ міръ, сознаніе, что міръ, какъ масса, не можетъ быть наказуемъ, что „міръ силенъ, что супротивъ міра ничего не подѣлаешь“. Крестьяне сравниваютъ міръ со снопомъ. Сходство они видятъ въ томъ, что, какъ въ снопѣ можно легко сломать каждую соломинку, но нельзя сломать снопа, такъ и съ отдѣльными членами міра можно все сдѣлать, но ничего нельзя сдѣлать съ міромъ. Если община дорога крестьянству, то только въ этомъ смыслѣ. Можетъ ли входить въ цѣли правительства поддерживать въ крестьянствѣ вѣру массы въ такую силу общины; въ этомъ смыслѣ соціалистическіе инстинкты нашли себѣ почву въ общинѣ. Я совершенно убѣжденъ въ томъ, что если Россіи суждено когда нибудь пережить потрясенія, вызванныя стихійными движеніями народныхъ массъ, то починъ въ этомъ дѣлѣ, вопреки примѣрамъ Западной Европы, будетъ принадлежать массѣ аграрной. Факты уже доказываютъ это. Какъ

община развила въ себѣ пролетаріатъ, такъ она немедленно разовьетъ и это зло. Въ суммѣ, что же сдѣлала община, какъ она оправдала оказанное ей довѣріе и возлагавшіяся на нее надежды? Она поставила общинное владѣніе землею въ такія условія, что общиннаго въ немъ ничего не осталось, а каждаго отдѣльнаго домохозяина, по отношенію къ пользованію имъ общинною землею, въ такія, въ которыхъ никакая культура, никакая хорошая обработка земли невозможны, она такимъ отношеніемъ къ дѣлу укрѣпила трехпольную систему сѣвооборота, при которой третья часть надѣльныхъ земель остается непроизводительною; постоянными передѣлами земель она лишила возможности домохозяевъ унавоживать свои участки, а безъ унавоженія земли никакое хозяйство немыслимо; она вызвала агломерацію населенія въ огромныхъ селахъ, ежегодно горящихъ и тѣмъ обезцѣнила и сдѣлала мертвымъ капиталомъ всѣ земли, лежащія вдали отъ селеній; она содѣйствовала распространенію враговъ, которые служатъ природными дренажами для истощенія почвы и уносятъ ея плодородный слой; она мѣшала исправленію дурныхъ луговъ и вызвала постепенное ихъ заростаніе ивняковъ и засореніе ихъ корнями и вредными травами; она убила всякую частную инициативу, двигающую всякое дѣло, она породила кулаковъ земельныхъ, она породила земельный пролетаріатъ и постоянно его развиваетъ: она развила преувеличенное стремленіе крестьянъ къ переселенію, ставя ихъ въ такія условія, изъ которыхъ нельзя не желать уйти; она содѣйствовала уничтоженію семьи и тѣмъ сдѣлала семейные раздѣлы необходимостью, бороться съ которой безсильны всякіе законы. Разъ что нѣтъ въ семьѣ власти, держащей порядокъ, власти, которую добровольно признаютъ всѣ члены семьи, не представляя себѣ даже возможности не подчиняться ей, то создать эту власть закономъ нельзя. Жизнь въ семьѣ, въ которой нѣтъ главы, всегда можетъ обратиться въ адъ, изъ котораго нельзя не бѣжать. И сколько бы ни запрещали раздѣлы—они будутъ. Не будетъ раздѣловъ официальныхъ, разрѣшенныхъ, такъ будутъ фактическіе. Урегулировать отбываніе воинской повинности при наличности такихъ условій нельзя.

Отбывать эту повинность приходится тѣмъ, которые по своему фактическому семейному положенію должны бы быть льготными, такъ какъ посемейные списки никогда не находятся въ соотвѣтствіи съ дѣйствительнымъ семейнымъ положеніемъ поименованныхъ въ нихъ лицъ. Община была причиною того, что въ деревнѣ общественное благоустройство не только отсутствуетъ, но замѣняется полнѣйшимъ неустройствомъ; она содѣйствовала паденію вѣры въ народѣ и уваженія къ церкви; она создала въ народѣ увѣренность, что, держась общины, въ массѣ онъ неуязвимъ и ненаказуемъ въ тѣхъ правонарушеніяхъ, которыя онъ себѣ позволяетъ по отношенію къ чужой собственности. Этимъ она внушила массѣ понятія, что въ этомъ смыслѣ міръ

силенъ. Она уже проявила зачатки аграрныхъ безпорядковъ. Вотъ что за 32 года жизни сдѣлала община. Неужели этого ряда доказательствъ ея полнѣйшей несостоятельности руководить жизнью народа—мало? Неужели въ угоду защитникамъ общины нужно больше растить ихъ дѣтище и ждать дальнѣйшихъ доказательствъ того зла, которое она еще можетъ сдѣлать?

Я не могу раздѣлить того мнѣнія, что „землевладѣніе общественное имѣетъ всѣ преимущества крупной поземельной собственности передъ мелкой, особенно съ точки зрѣнія большей устойчивости въ области большого мѣнового и кредитнаго оборота“ и что оно „заслуживаетъ безусловнаго предпочтенія и поддержки со стороны правительства, какъ устанавливающее постоянство земельнаго фонда, обезпечивающаго бытъ и податную силу крестьянъ“. Не раздѣляю я этого мнѣнія потому, что фактически собственникомъ земли является не община, а отдѣльные ея члены. Право собственности общины на общественную землю на дѣлѣ до сихъ поръ выражалось только тѣмъ, что она распредѣляла эту собственность между отдѣльными своими членами и выравнивала отдѣльные участки постоянными передѣлами земли. Тѣмъ самымъ она лишала отдѣльныхъ своихъ членовъ тѣхъ преимуществъ частнаго землевладѣнія, которыя обезпечиваютъ его успѣхъ. Въ дѣйствительности общественная земля представляетъ собою конгломератъ участковъ частнаго землевладѣнія, не имѣющихъ правъ и преимуществъ такового. Такое положеніе дѣла врядъ ли обезпечиваетъ постоянство земельнаго фонда, обезпечивающее бытъ и платежную силу населенія; обезцѣнивая каждый участокъ въ отдѣльности, оно не можетъ не обезцѣнивать и общее количество земли, составляющееся изъ этихъ участковъ. Возрастаніе недоимокъ, увеличеніе процента безлошадныхъ, постоянное возрастаніе сельскаго пролетаріата, неимѣніе никакихъ запасовъ у населенія, какъ доказалъ это прошлый неурожайный годъ—все это факты, которые краснорѣчиво поддерживаютъ и доказываютъ основательность такого мнѣнія. Въ виду того, что Министерство Внутреннихъ Дѣлъ не даетъ никакихъ статистическихъ данныхъ, тогда какъ оно одно можетъ ими обладать, мнѣ приходится обосновывать свои возраженія только на личномъ опытѣ и знакомствѣ съ бытомъ и благосостояніемъ крестьянъ, пользуясь при этомъ тѣмъ, что даетъ литература, и тѣми свѣдѣніями, которыя удается почерпнуть изъ разговоровъ съ людьми мѣстными, компетенція которыхъ въ этомъ дѣлѣ стоитъ для меня внѣ всякаго сомнѣнія. Это обстоятельство вынуждаетъ меня главнымъ образомъ говорить только о средней и черноземной полосѣ Россіи, какъ наиболѣе мнѣ знакомой. Врядъ ли подворное владѣніе на правахъ маіората или минората будетъ менѣе устойчиво, въ области мѣнового и кредитнаго оборота; а потому такой аргументъ въ пользу формы общиннаго землевладѣнія для меня теряетъ значеніе.

Подворное владѣніе при условіи установленія minimum'а

участковъ, обезпечивающихъ благосостояніе крестьянина и его платежеспособность, на правахъ маіората или минората безразлично, обусловливающихъ недѣлимость участковъ и лишающихъ ихъ владѣльцевъ права закладывать и продавать ихъ, не можетъ вызвать черезполосицы; современные же передѣлы земли неминуемо ее вызываютъ, такъ какъ никогда передѣлы не дѣлаются съ цѣлью устранить черезполосицу и не представляютъ къ тому средства; вызываетъ передѣлы приростъ народонаселенія, а передѣлы вызываютъ дробленіе земли на полосы, какъ на единственное средство уравненія надѣловъ по качеству земли и растоянію отъ села, а слѣдовательно и черезполосицу. Такимъ образомъ, передѣлы никакъ не могутъ служить коррективомъ вреда, который присущъ дробности участковъ, такъ какъ передѣлы вызываютъ это явленіе. Если есть опасность отъ уничтоженія передѣловъ, то это въ томъ смыслѣ, что приростъ народонаселенія, не попавшій въ послѣдній передѣлъ, остается безземельнымъ и прикрѣпощеннымъ къ общинѣ. Установленіе 12-ти лѣтняго срока, какъ минимальнаго, въ теченіе котораго передѣлы будутъ запрещены, вызоветъ то же явленіе, но только на 12 лѣтъ, а не навсегда. Единственное средство избѣжать обезземеленія крестьянъ, сохраняя при этомъ ихъ платежеспособность и ихъ личное благосостояніе, это переселеніе избытка и разрѣшеніе ему перехода въ другое сословіе, по его усмотрѣнію. Избыткомъ при этомъ нужно будетъ признавать весь тотъ контингентъ, который будетъ превышать общее число минимальныхъ надѣловъ недѣлимыхъ, непродаваемыхъ, незакладываемыхъ. Предпочтеніе въ правѣ остаться на мѣстѣ должно быть дано тѣмъ, которые дольше несли выкупной налогъ. Я, по крайней мѣрѣ, не вижу другого выхода. Оставленіе передѣловъ въ силѣ вызоветъ общее обнищаніе всѣхъ членовъ общества, такъ какъ при этомъ неминуемо, теперь-ли, впослѣдствіи ли, надѣлъ на душу долженъ будетъ перейти предѣлы минимальнаго и, слѣдовательно, не будетъ обезпечивать крестьянина, и уничтоженіе передѣловъ вызоветъ увеличеніе количества безземельныхъ крестьянъ, связанныхъ съ общиною и тоже нищихъ. Мнѣ кажется, что осуществленіе этихъ мѣръ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ въ томъ является необходимость, не представитъ особыхъ затрудненій; но, если-бы и такъ, то одна трудность къ ихъ осуществленію не можетъ служить основаніемъ къ ихъ отстраненію. Напротивъ, чѣмъ дѣло труднѣе, чѣмъ больше оно потребуетъ времени для того, чтобы провести его въ жизнь, тѣмъ болѣе это должно служить основаніемъ приняться за него немедленно, не теряя времени. Нѣтъ надобности сразу въ корнѣ измѣнить во всей Россіи существующій способъ землевладѣнія; это должно сдѣлать постепенно, начавъ съ тѣхъ губерній и даже уѣздовъ, которые въ этомъ нуждаются. При этомъ опытъ, за неимѣніемъ другихъ данныхъ въ рукахъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, будетъ служить лучшимъ руководителемъ для дальнѣйшаго развитія

этого дѣла. Опредѣленіе минимальнаго надѣла, удовлетворяющаго вышесказаннымъ требованіямъ, можетъ быть поручено сельскимъ сходамъ при участіи земскаго начальника и мѣстнымъ уѣзднымъ и губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіямъ. Имѣя этотъ матеріалъ въ своихъ рукахъ, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ будетъ въ состояніи вывести свое заключеніе, болѣе или менѣе вѣрное, для каждой данной мѣстности. Безусловно вѣрно, разъ навсегда, этотъ вопросъ никогда и ни при какихъ данныхъ для далекаго будущаго разрѣшенъ быть не можетъ, поправки всегда будутъ нужны. Но одно это обстоятельство не можетъ служить основаніемъ терпѣть зло въ настоящемъ, такъ какъ это неминуемо отразится и на будущемъ. Переселенческій вопросъ мнѣ тоже не представляется особенно затруднительнымъ и не потребуетъ особенныхъ затратъ и жертвъ со стороны правительства. Если взять въ соображеніе ту массу земель, которыми вѣдаетъ Министерство Государственныхъ Имуществъ, не дающихъ никакого дохода или дающихъ доходы въ нѣсколько копѣекъ съ десятины, то всѣ эти земли могутъ служить фондомъ для переселенцевъ. Давши эти земли даже даромъ переселенцамъ, земли эти будутъ вызваны къ жизни и одними податями дадутъ болѣе дохода, чѣмъ онѣ теперь даютъ. Люди, поселенные на этихъ земляхъ, будутъ матеріально обезпечены и будутъ платить государству, тогда какъ теперь они ничего не платятъ. Съ уничтоженіемъ подушныхъ налоговъ всѣ платежи перешли на землю, которая и послѣ переселенія извѣстнаго количества населенія, будетъ платить то же, что она теперь платитъ; то, что заплатятъ переселенцы, это будетъ плюсъ. Но, если бы, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, даровое надѣленіе земель было признано неудобнымъ, то во всякомъ случаѣ справедливо будетъ взять съ переселенцевъ за землю только ту сумму, которая будетъ вычислена изъ капитализаціи чистой доходности этой земли за послѣдніе 10 лѣтъ, капитализируя доходность изъ 4%, т. е. изъ того дохода, который даютъ бумаги. Больше этого, казалось бы, нѣтъ основаній съ нихъ требовать, а эту сумму, присоединивъ къ ней доходность этихъ земель за тѣ нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ переселенцы не будутъ платить никакихъ налоговъ, пока не устроятся и не обзаведутся хозяйствомъ, разсроченную на года, переселенцы легко заплатятъ.

Остаются расходы на переѣздъ и обзаведеніе. Расходы на переѣзды могутъ быть понижены до minimum'а уменьшеніемъ провозной платы по желѣзнымъ дорогамъ и пароходнымъ сообщеніямъ, а расходы на обзаведеніе въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ есть лѣсъ, тоже не составятъ крупныхъ суммъ. Такъ какъ переселеніе должно быть не вынужденное, а по желанію переселяющихся, то большая часть изъ нихъ, ликвидировавши свое хозяйство настоящее, большихъ субсидій и не потребуетъ. Во всякомъ случаѣ, ссуда эта, разсроченная на года, при уплатѣ на нее 4% роста, уплатится переселенцами легко.

Мѣры эти, несомнѣнно, потребуютъ несравненно меньшихъ затратъ, чѣмъ тѣ, которыя нужны для дѣятельности Крестьянскаго банка, и, конечно, вполнѣ исчерпаютъ, при болѣе благопріятныхъ, результатахъ, тѣ цѣли, которымъ служитъ это учрежденіе. Кстати сказать, это учрежденіе тоже старалось покровительствовать покупкѣ обществами, и всего охотнѣе и легче оно давало ссуду обществамъ, затѣмъ товариществамъ и труднѣе всего давало ссуду отдѣльнымъ лицамъ. Послѣдній отчетъ Крестьянскаго банка показываетъ, что изъ земель, оставшихся за банкомъ за неплатежемъ установленныхъ срочныхъ взносовъ, наибольшій процентъ падаетъ на покупки земель обществами, сравнительно малый процентъ—на покупки земли товариществами и почти не было случаевъ отобранія банкомъ земли у отдѣльныхъ лицъ. Это явленіе весьма характерно и неминуемо наводитъ на мысль, что тамъ, гдѣ нельзя было искусственно поддержать общинное землевладѣніе, вся его несостоятельность не замедлила обнаружиться.

На новыхъ мѣстахъ переселенцевъ можно будетъ селить небольшими хуторами. Это дастъ возможность ввести тамъ сразу подворное владѣніе, которое легко будетъ пріурочить каждому домохозяину отдѣльно, избѣгая тѣмъ самымъ черезполосности, а при установленіи недѣлимости участковъ, и ихъ дробленія. Такимъ образомъ будетъ готовый опытъ для преобразованія землевладѣнія въ тѣхъ губерніяхъ, когда дойдетъ до нихъ чередъ.

Какъ я понимаю дѣло, общинное землевладѣніе и круговая порука постепенно, начиная съ тѣхъ мѣстностей, гдѣ они болѣе всего стѣснительны и вредны, должны быть упразднены. Это есть главная цѣль, къ которой надо идти и идти безотлагательно. Я настолько ясно вижу необходимость въ безотлагательныхъ мѣропріятіяхъ въ этомъ направленіи, что, далеко не раздѣляя мнѣнія, что все зло общиннаго землевладѣнія заключается въ земельныхъ передѣлахъ и видя въ передѣлахъ только одно изъ необходимыхъ и неизбѣжныхъ проявленій зла, тѣмъ не менѣе готовъ согласиться на ограниченіе ихъ 12-лѣтнимъ срокомъ. Въ моихъ понятіяхъ эта мѣра неминуемо вызоветъ дальнѣйшія мѣропріятія, которыя, я увѣренъ, если и отойдутъ отъ того пути, который я намѣчаю, то не надолго и не на много. Въ этомъ смыслѣ для начала дѣлать лучше это, чѣмъ откладывать рѣшеніе на неопредѣленное время. Я ограничиваюсь краткимъ перечнемъ тѣхъ мѣръ, которыя я считаю нужными и возможными для устраненія неурядицы крестьянскаго землевладѣнія и не вдаюсь въ детали въ той надеждѣ, что своевременно буду имѣть возможность высказаться, если Министерство Внутреннихъ Дѣлъ придетъ къ убѣжденію, что всѣ усилія его должны быть направлены къ постепенному уничтоженію не общины, а общиннаго землевладѣнія и, дѣйствуя въ этомъ направленіи, будетъ разрабатывать проектъ для того, чтобы провести это убѣжденіе въ жизнь.

Подписалъ: Графъ *Воронцовъ-Дашковъ*.

Соображенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ по поводу полученнаго заключенія Воронцова-Дашкова.

Въ отзывѣ своемъ Графъ Воронцовъ-Дашковъ исходитъ изъ высказанной имъ уже раньше (по поводу проекта правилъ о неотчуждаемости крестьянскихъ земель) мысли о томъ, что общинное землевладѣніе является главнымъ, если не единственнымъ источникомъ всѣхъ тѣхъ неурядицъ въ области крестьянскаго хозяйства, съ которыми приходится считаться въ настоящее время. На сей разъ, развивая эту мысль и обосновывая ее подробными соображеніями, Министръ Императорскаго Двора и Удѣловъ объясняетъ, что вредъ общиннаго землевладѣнія далеко не исчерпывается земельными передѣлами, которые составляютъ только одно изъ необходимыхъ и неизбѣжныхъ проявленій зла, а кроется не только въ самомъ началѣ мірского владѣнія, но еще болѣе того вообще въ мірской солидарности—въ господствѣ міра надъ личностью во всѣхъ проявленіяхъ крестьянской жизни—семейныхъ, бытовыхъ, хозяйственныхъ и общественныхъ. Такимъ образомъ, единственной мѣрой, способной уничтожить существующее зло, при томъ мѣрой настоятельно необходимой, слѣдуетъ признать совершенное упраздненіе общиннаго землевладѣнія и вызванной имъ круговой поруки и немедленный переходъ къ частному землевладѣнію—къ мелкой поземельной собственности, построенной на обязательномъ введеніи недѣлимаго семейнаго участка, опредѣленнаго извѣстной минимальной нормой и неподлежащаго отчужденію, съ установленіемъ наслѣдованія на началахъ маіората, или минората. Выполненіе этой задачи, даже и при недостаткѣ данныхъ, необходимыхъ для установленія нормы минимальнаго участка, не можетъ встрѣтить затрудненій, такъ какъ, по мнѣнію гр. Воронцова-Дашкова, вопросъ этотъ вообще не допускаетъ безусловно-вѣрнаго разъ на всегда разрѣшенія ни при какихъ данныхъ, а доступное, болѣе или менѣе вѣрное разрѣшеніе его вполнѣ возможно для Министерства Внутреннихъ Дѣлъ путемъ собранія всего нужнаго матеріала черезъ посредство сельскихъ сходовъ при участіи земскихъ начальниковъ и мѣстныхъ уѣздныхъ и губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій. Данными этого рода можно удовлетвориться, если рѣшенію вопроса на сихъ основаніяхъ придавать значеніе временное, подлежащее за симъ поправкамъ. При этомъ нѣтъ и надобности сразу въ корень измѣнить во всей Россіи существующій способъ землевладѣнія на указанныхъ основаніяхъ, а должно это дѣлать постепенно, начавъ съ тѣхъ губерній и уѣздовъ, которые въ томъ наиболѣе нуждаются и лишь впослѣдствіи расширить область преобразованія, руководствуясь пріобрѣтеннымъ опытомъ. Что касается имѣющаго образоваться при такихъ условіяхъ избытка безземельнаго населенія, то онъ можетъ быть удаленъ на имѣющіяся въ вѣдѣніи Мини-

стерства Государственныхъ Имуществъ въ изобиліи казенныя земли, на которыхъ населеніе это можетъ быть устроено къ обоюдной выгодѣ своей и государственной. Эта мѣра не потребуетъ значительныхъ расходовъ—во всякомъ случаѣ вызоветъ несравненно меньшіе расходы, чѣмъ тѣ, которые нужны для дѣятельности Крестьянскаго банка. Затѣмъ, на новыхъ мѣстахъ, переселенцевъ можно будетъ селить хуторами, обезпечивая этимъ возможность сразу ввести тамъ землевладѣніе подворное съ установленіемъ недѣлимыхъ и пріуроченныхъ къ одному мѣсту участковъ—мѣры, которыя дадутъ между прочимъ готовый опытъ для поземельной реформы въ другихъ губерніяхъ, когда дойдетъ до нихъ очередь. Высказывая въ заключеніе убѣжденіе въ цѣлесообразности такого пути необходимыхъ преобразованій, Министръ Императорскаго Двора и Удѣловъ прибавляетъ, что это убѣжденіе въ немъ настолько сильно, что, не раздѣляя даже мнѣнія, будто все зло общиннаго землевладѣнія выражается въ земельныхъ передѣлахъ, и видя въ нихъ только одно изъ необходимыхъ проявленій зла,—онъ тѣмъ не менѣе готовъ согласиться на ограниченіе ихъ 12-лѣтнимъ срокомъ, въ полной увѣренности, что эта мѣра неминуемо вызоветъ дальнѣйшія мѣропріятія, которыя лишь немного и не надолго могутъ уклониться отъ указаннаго имъ пути.

Изъ сопоставленія приведенныхъ сужденій Министра Императорскаго Двора и Удѣловъ съ соображеніями, изложенными въ запискѣ моей по проекту правилъ о земельныхъ передѣлахъ, нельзя не усмотрѣть, что намѣчаемая этими сужденіями программа преобразованія существующаго строя крестьянскаго землевладѣнія не только была у меня въ виду при составленіи записки, но въ ней именно указана въ смыслѣ того направленія, въ какомъ, по моему мнѣнію, желательно было бы видѣть дальнѣйшее развитіе этого землевладѣнія. Принимая, согласно высказаннымъ въ этой запискѣ сужденіямъ, за исходныя основанія такого пути окончательное прекращеніе земельныхъ передѣловъ и установленіе недѣлимыхъ семейныхъ участковъ съ системой наслѣдованія на началахъ маіората или минората, Гр. Воронцовъ-Дашковъ не соглашается, повидимому, лишь съ сохраненіемъ за обществомъ даже права собственности на землю, тогда какъ я, съ своей стороны, указывалъ на важное значеніе примѣненія къ мелкому крестьянскому землевладѣнію начала крупной поземельной собственности—между прочимъ и съ точки зрѣнія заботы о большей устойчивости въ области мѣнового и кредитнаго оборота (стр. 19 записки).

Съ своей стороны, не останавливаясь вовсе на другихъ моихъ соображеніяхъ въ пользу сохраненія общественной собственности на крестьянскія земли, Министръ Императорскаго Двора и Удѣловъ возражаетъ лишь противъ этого довода указаніемъ, что „подворное владѣніе на правахъ маіората или минората врядъ ли будетъ менѣе устойчиво въ приведенномъ отно-

шеніи". Возникающее отсюда разномысліе могло бы имѣть значеніе только въ томъ случаѣ, если бы я съ своей стороны признавалъ своевременнымъ нынѣ же ставить на очередь вопросъ о преобразованіи крестьянскаго землевладѣнія на изъясненныхъ началахъ, но, оставаясь и нынѣ при прежнемъ мнѣніи, что подобная реформа, какъ бы ни была она сама по себѣ цѣлесообразна, можетъ быть дѣломъ только будущаго, я считаю лишнимъ останавливаться на этомъ разногласіи, тѣмъ болѣе, что оно затрогиваетъ вопросъ немалой сложности и существенно спеціальнаго характера *).

Разногласіе, на которомъ здѣсь необходимо остановиться, вытекаетъ изъ различнаго взгляда не на подробности указаннаго преобразованія, а на вопросъ о своевременности постановки его на очередь. Въ этомъ отношеніи я не могу признать себя убѣжденнымъ соображеніями, высказанными въ отзывѣ Министра Императорскаго Двора и Удѣловъ въ пользу необходимости и возможности немедленнаго осуществленія упомянутаго преобразованія. Всѣ затрудненія, связанныя съ его осуществленіемъ, съ достаточной подробностью указаны уже въ моей запискѣ и остаются, по моему мнѣнію, непоколебленными сужденіями, заключающимися въ отзывѣ гр. Воронцова-Дашкова. Полагая, что какъ въ запискѣ моей, такъ и въ этомъ отзывѣ мнѣнія за и противъ возможности немедленнаго преобразованія крестьянскаго землевладѣнія на сихъ началахъ изложены съ такою подробностью, что для рѣшенія вопроса Государственный Совѣтъ будетъ располагать достаточными данными, позволяю себѣ не возвращаться къ доводамъ, мною уже разъ высказаннымъ.

Въ дополненіе къ нимъ я считаю лишь долгомъ объяснить, что, отмѣтивъ основныя начала отстаиваемаго нынѣ Министромъ Императорскаго Двора и Удѣловъ преобразованія и признавъ ихъ желательными въ будущемъ ходѣ развитія крестьянскаго землевладѣнія, я, конечно, охотно допустилъ бы убѣдить себя въ возможности скораго обращенія его на указанный мною путь. Этому препятствуетъ, однако, полная для меня невозможность раздѣлить тѣ исходныя основанія, которыя привели Министра Императорскаго Двора и Удѣловъ къ убѣжденію объ отсутствіи какихъ бы то ни было затрудненій къ немедленному осуществленію упомянутой поземельной реформы. Такое убѣжденіе вытекаетъ изъ подробно развиваемаго въ отзывѣ Министра Императорскаго Двора и Удѣловъ взгляда, что общинное землевладѣніе,

*) Невлишнимъ, однако, будетъ привести, въ поясненіе высказанныхъ въ запискѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ соображеній по этому вопросу, относящееся къ нему сужденіе К. Побѣдоносцева. Доказывая, что установленныя нашимъ законодательствомъ условія выхода изъ общиннаго землевладѣнія отдѣльныхъ членовъ (не только по 195 ст. Пол. о выкупѣ, но даже и съ согласія сельскаго схода) вызываютъ существенныя опасенія, онъ высказываетъ, между прочимъ, слѣдующія соображенія: „едва ли благоразумно поступитъ законодатель" и т. д. (см. „Курсъ гражданскаго Права", часть I, изд. 2-е, стр. 357 и слѣд.).

вопреки мнѣнію его приверженцевъ, не представляетъ вовсе явленія, подготовленнаго предшествующимъ историческимъ ходомъ развитія нашего отечества и составляетъ всецѣло результатъ „одной изъ ряда капитальныхъ реформъ 60-хъ годовъ, создавшихъ эпоху въ жизни Россіи“ и, слѣдовательно, неспособно было настолько укорениться въ крестьянскомъ населеніи, чтобы оправдать излишне осторожное отношеніе къ нему со стороны законодательства. Съ другой стороны, мнѣнію о сложности упомянутаго преобразованія и о неимѣніи достаточныхъ данныхъ для его проведенія, разсматриваемый отзывъ, наряду съ увѣренностью въ невозможности разъ на всегда разрѣшить этотъ вопросъ при какихъ бы то ни было данныхъ, противопоставляетъ мысль о цѣлесообразности и даже необходимости постепеннаго осуществленія преобразованія, начиная съ нѣкоторыхъ только губерній и въ видѣ опыта, по указаніямъ котораго могли бы быть сдѣланы всѣ нужныя поправки.

Нельзя не признать, что заключеніе Министра Императорскаго Двора и Удѣловъ о легкости осуществленія указаннаго преобразованія вполнѣ отвѣчаетъ приведеннымъ исходнымъ основаніямъ своимъ и что при такомъ взглядѣ на историческое происхожденіе общиннаго землевладѣнія и на пріемы проведенія обсуждаемыхъ законодательныхъ мѣропріятій, всѣ затрудненія къ немедленному выполненію ихъ слѣдовало бы считать совершенно устраненными. Но почитая себя въ правѣ послѣ всего высказаннаго мной объ общинномъ землевладѣніи не причислять себя къ тѣмъ сторонникамъ его, противъ которыхъ направлены приведенныя сужденія и не обязываясь посему опровергать усвоенной Министромъ Императорскаго Двора и Удѣловъ точки зрѣнія на историческое происхожденіе общиннаго землевладѣнія, я тѣмъ не менѣе поставляю долгомъ заявить, что съ подобнымъ на него взглядомъ я затрудняюсь согласиться. Мнѣнія о пользѣ или вредѣ общиннаго землевладѣнія могутъ быть конечно совершенно различны, но каковъ бы ни былъ взглядъ на значеніе этой формы землевладѣнія, какъ бы спорнымъ ни представлялся затѣмъ и вопросъ о началѣ и формахъ историческаго его развитія, самый фактъ наличности у него твердыхъ основаній въ далекомъ прошломъ оставался доселѣ внѣ спора и сомнѣній, и предпринятая нынѣ Министерствомъ Императорскаго Двора и Удѣловъ задача опроверженія его едва ли можетъ считаться выполнимой *).

*) Доказательства разсматриваемаго отзыва построены на томъ положеніи, что общинное землевладѣніе очевидно, будто бы не могло сложиться ни въ періодъ, предшествовавшій прикрѣпленію крестьянъ къ землѣ, ни при крѣпостномъ правѣ, когда крестьяне сами были объектами права—выводъ, прилагаемый и къ крестьянамъ государственнымъ и удѣльнымъ, которые, по мнѣнію Министерства Двора и Удѣловъ, въ сущности были тѣмъ же крѣпостными—казны и удѣловъ. Не говоря, однако, о неточности послѣдняго утвержденія, нельзя не замѣтить, что въ основѣ всей этой организаціи лежитъ недостаточное различеніе понятій владѣнія и собственности. Несомнѣнно, конечно, что ни одинъ изъ

Какъ бы то ни было, впрочемъ, считая излишнимъ дальнѣйшее обсужденіе этого вопроса, которое по праву принадлежитъ наукѣ, я обязываюсь лишь объяснить, что въ этомъ отношеніи я исходилъ изъ совершенно противоположнаго взгляда, и какъ прежде находилъ, такъ и теперь полагаю, что съ фактомъ давняго происхожденія общиннаго землевладѣнія и исторически укоренившейся привычкой къ нему населенія большей части мѣстностей Имперіи законодательству необходимо считаться и что крайняя осмотрительность и осторожность отношенія къ этому явленію представляются не только оправданными, но и вполнѣ обязательными. Въ равной мѣрѣ не могу я допустить и мысли о проведеніи коренного преобразованія всего существующаго строя крестьянскаго землевладѣнія предлагаемымъ Министромъ Императорскаго Двора и Удѣловъ путемъ—безъ предварительнаго собранія, а затѣмъ и тщательнаго изученія относящихся сюда данныхъ, въ видѣ опыта и въ разсчетѣ на послѣдующее исправленіе допущенныхъ при этомъ неизбѣжныхъ ошибокъ. Не могу согласиться съ этимъ предположеніемъ не только изъ-за принципіальнаго въ данномъ случаѣ различія во взглядѣ на пріемы законодательной дѣятельности, которая, по моему мнѣнію, совершенно не допускаетъ дѣйствія наугадъ и осуществленія крупныхъ аграрныхъ преобразованій въ видѣ опыта, но въ частности и потому еще, что съ своей стороны затрудняюсь понять, какимъ образомъ возможно было бы примирить опытъ созданія мелкой земельной собственности, въ приблизительно опредѣленныхъ размѣрахъ и границахъ и послѣдующее исправленіе ея въ томъ и другомъ отношеніи—съ началомъ неприкосновенности частной собственности и пріобрѣтенныхъ правъ, стоящимъ подъ одновременной охраной закона и всеобщаго признанія, и казалось бы, одинаково приложимымъ какъ къ крупному, такъ и къ мелкому землевладѣнію. Позволяю себѣ думать, что

разрядовъ крестьянъ не имѣлъ въ прежнее время правъ собственности на надѣльныя земли. Но столь же безспорно и то, что владѣніе землею, общественное или общинное, какъ бы его ни называть, могло сложиться и развиться даже у помѣщичьихъ крестьянъ, не говоря уже о государственныхъ и удѣльныхъ, у которыхъ оно имѣло за себя прямое законодательное признаніе и регулировалось положительнымъ закономъ. Понятіе за симъ, что и господствовавшая у насъ до прикрѣпленія крестьянъ сравнительная свобода передвиженія (Юрьевъ день) отнюдь не могла служить препятствіемъ къ развитію той или другой формы владѣнія землею. Въ это время составъ владѣльцевъ подвергался, быть можетъ, частому измѣненію; при крѣпостномъ правѣ владѣніе помѣщичьихъ крестьянъ не было самостоятельнымъ такъ-же, какъ и владѣніе государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ, зависѣвшее отъ правъ на землю казны и удѣловъ, но все это не могло служить препятствіемъ къ возникновенію и развитію общиннаго землевладѣнія. Иначе вѣдь пришлось бы отвергать самое существованіе общиннаго землевладѣнія у государственныхъ крестьянъ въ Сибири, которые и по нынѣ владѣютъ землею на основаніяхъ зависимаго владѣнія и которыхъ вовсе еще не коснулась «одна изъ капитальныхъ реформъ 60-хъ годовъ». Въ окончательномъ результатѣ доводы Министерства Императорскаго Двора и Удѣловъ доказываютъ только то—безспорно, конечно, справедливое положеніе, что крестьяне всѣхъ наименованій сдѣлались собственниками земли не раньше, какъ по признаніи за ними права собственности законодательной властью.

одно соображеніе о невозможности такого примиренія могло бы служить достаточнымъ доводомъ противъ предлагаемаго Министромъ Императорскаго Двора и Удѣловъ способа осуществленія обсуждаемой реформы.

Печатая вышеприведенные документы, мы не считаемъ нужнымъ подвергать ихъ критическому разбору, такъ какъ недостатки ихъ аргументаціи сами собою бросаются въ глаза всякому безпристрастному человѣку.

Мы видимъ, напримѣръ, что гр. В.-Д. винитъ русскую общину во всѣхъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ бѣдствіяхъ русской жизни; и въ разрушеніи крестьянскаго хозяйства, и въ появленіи кулачества, и въ пьянствѣ, и въ распаденіи патріархальной семьи, и въ неуваженіи къ духовенству, и, наконецъ, въ томъ, что наши дороги плохи, а мосты разваливаются; словомъ, община виновна во всемъ и отвѣчаетъ за все. Достаточно, однако, вспомнить о томъ, что наше мелкое подворное землевладѣніе, переходъ къ которому рекомендуется въ видѣ панацеи отъ всѣхъ золъ, въ настоящее время разорено нисколько не меньше общиннаго, а во многихъ существенныхъ отношеніяхъ опустилось еще ниже его, чтобы, не говоря уже о дворянскомъ землевладѣніи, тоже далеко не процвѣтающемъ, заключить, что причина этого зла, столь общаго и одинаково поражающаго наше сельское хозяйство во всѣхъ формахъ его проявленія, лежитъ гдѣ-то внѣ общины и должна быть разыскиваема среди обстоятельствъ столь же общаго значенія, какъ и самое зло. Общественное мнѣніе давно уже нашло ее въ безконтрольномъ управленіи страною, однимъ изъ неизбѣжныхъ послѣдствій котораго и явилось всеобщее разореніе какъ общинниковъ, такъ и необщинниковъ; но гр. В.-Д. обходитъ это обстоятельство, а М. Вн. Д. очень мало разногласитъ съ гр. В.-Д. Въ своемъ отзывѣ на его контръ-проектъ онъ соглашается съ нимъ, что община есть зло, которое надо устранить и только не одобряетъ предложенныя имъ для этого мѣры, потому что онѣ кажутся ему слишкомъ радикальными, объясняя при этомъ, что мѣры, измышленныя имъ самимъ для упорядоченія общины, поведутъ къ той же цѣли ея уничтоженія, но съ разумной постепенностью, гораздо болѣе обезпечивающей успѣхъ. Изъ этихъ объясненій выходитъ, что проектъ, составленный М. В. Д. для упорядоченія общины, есть ничто иное, какъ конспирація противъ общины, при чемъ слово упорядоченіе есть только вывѣска, за которою скрывается—разрушеніе. М. В. Д. самъ сознается въ этомъ въ своемъ отзывѣ на записку М. Дв. и Удѣловъ, и вотъ между прочимъ еще одна изъ многихъ причинъ, почему переписка этихъ двухъ сановниковъ заслуживаетъ особеннаго вниманія русскаго общества и преимущественно тѣхъ членовъ его, которые не совсѣмъ еще убѣдились въ неудобствахъ порядка, при которомъ управляемые совершенно устраняются отъ участія въ тѣхъ преобразовательныхъ опытахъ, которые надъ ними совершаются.